

**РОМАН
ДИДЕНКО**

**История
солдата**

2017

История из параллельного мира. Неприятель не разочаровал Джона — кортеж из пяти машин летел на приличной бандитской скорости, лишь немного притормозив, с намерением лихо войти в поворот. А что перед таким маневром следует увеличить дистанцию, мамы придуркам не рассказывали — едва в гармошку не собрались. Джонни врубил дальний свет, прямо водителям в глаза, и выпрыгнул из кабины. В этот момент на капотах рванули, брошенные ребятами, свето-шумовые гранаты. Машины, как шли цугом, так и вылетели с дороги в нагромождение обломков. Джонни поморщился — он считал машины уже своими...

Роман Диденко
История солдата

Джонни, отпустив ребят по тоннелю вперёд, остался поджидать неприятеля. Вдруг сверху аж до входа в тоннель полыхнуло зарево, раздался адский грохот — сработал гостинец. Ещё через четверть часа Джон разглядел бегущие к нему стремительные силуэты. Спустили псов, но что они против «Зова» и армейского ножа? Джонни покусали, но он ощущал укусы как слабый зуд, не более, а кровь из ран свёртывалась, едва выступив наружу. И вот настал долгожданный миг — впереди заплясали огни фонарей. Джонни уронил пару на пол и спрятался в специальной нише, укрытии от поездов для работников тоннеля. Противник яростно расстреливал мрак подземелья. Им пришлось взять паузу на перезарядку, Джон снова сделал два точных выстрела и спрятался. Враг сменил тактику — стреляя по очереди, они двинулись вперёд. Навстречу гибели — когда до них оставался десяток шагов, Джон с утробным урчанием порвал дистанцию. И, не отвлекаясь на ноющую боль в плече, предался, как ему тогда казалось, высшему в жизни наслаждению — ближнему бою на холодном оружии. Суматошно заметался свет от их фонарей на головах врагов — они не могли его видеть, не успевали осознать, что происходит. Чёрно-белая удивительно контрастная картинка причудливо украсилась световым шоу. Но как бы ни был стремителен его нож, Джону казалось всё слишком медленным — он бил в кадыки ребром ладони раненой левой руки, ударами локтем взламывал грудные кости и пробивал кулаком виски, пятками вбивал обломки рёбер в лёгкие. И когда все фонарики замерли на полу, лишь один на мгновение мазнул лучом по своду тоннеля — Джон с особым смаком сломал последнему хребет об колено. И с лёгким сожалением, что всё закончилось слишком быстро, побежал догонять ребят.

* * *

Простой парень Джонни не отличается ростом, шириной плеч и мужественным или романтическим ликом. Среднего роста, курносый, лопоухий, конопатый. Само это обстоятельство — весьма неважный старт, но он вдобавок родился и рос в маленьком городе. В детстве город казался ему огромным, красивым, но... так бывает с деревьями — он незаметно умер. Даже взрослые его жители не сразу это поняли, а Джонни сообразил, что всё идёт неправильно в одиннадцать лет, когда мама не пришла. Она уходила каждый день и приносила ему покушать. Мама где-то работала очень подолгу, всё дольше и дольше, и однажды не пришла совсем. Он ждал её и ждал — Джонни уже не плакал, привыкая к мысли, что мама больше не придёт никогда. Вдруг в нём сработала некая пружинка — он деловито собрал свой рюкзачок, оделся потеплее и ушёл из квартиры, из дома...

Куда идти голодному пацану? Только в школу. Так решили многие его друзья, в компании веселее — они ночевали в спортзале на матах. Потом умерла школа — в неё перестали ходить преподаватели. Впрочем, ребята не заостряли на этом внимания, их главными целями стали: во-первых, еда, во-вторых, обувь, в-третьих, одежда. А когда город умер совсем, он начал высыхать, воду пришлось добывать и запасать. На всех не хватало, и Джонни часто ничего не доставалось, но он так себя вёл, что его проще было покормить. Хотя и давалось ему это ой как нелегко.

В городе все нужные человеку вещи можно взять только у других людей, и многие внезапно вспомнили эту прописную истину — успевай первым, отними, убей. Произошла одна стычка с бандой, другая... потом их и вовсе хотели выгнать из школы. Но ребята вовремя усвоили правило «бей первым — кто выжил, тот и прав». Детская психика эластична и пацаны развили базу — бей чем попало, бей сзади, бей насмерть, не оставляй за спиной живых... Их школу стали обходить десятой дорогой. Даже не так — молили Бога, чтоб не попасть ребятам на глаза. А это было довольно непросто сделать, их дозорные обладали верхним чутьём. Ребятня стая стала крысиной — все смертельно опасны, но есть дозорные, разведчики, солдаты, вожаки. И добыча делилась вожаками по справедливости. Не согласен с дележкой — убей вожака. Казалось бы, что при таких нравах абсолютной властью пользовалась тупая сила, но даже самому сильному нужно иногда спать. И если ему некому было прикрыть спину... да беспредельщика могли завалить всем скопом, спокойно выкинуть труп в окно и, смеясь, правильно разделить добычу. В стае дружба и справедливость стали высшими ценностями, и вожаками становились самые смелые, самые смыслённые ребята. Джонни ценил в стае, но к лидерству он не стремился. Сохранял со всеми равные отношения, но и ни с кем особо не дружил — Джон ценил независимость. Да и положение дозорного способствовало его склонности к уединению, давало ему много преимуществ и задавало высокий социальный статус.

Ребята не одичали, у них лишь сместились приоритеты. Пацаны шутили и подшучивали, улыбались и смеялись. Порой грустили — не все их предприятия были удачными, стая теряла ребят. Охотно принимали в банду — попробуй у нас выжить. И никого не держали — попробуй выжить без нас. Они не спрашивали «кто виноват?» в их жизни, судьбе. Им интереснее было «что делать?» Настолько интересно, что со временем даже в дальних окрестностях школы остались только крысы. Тоже еда, но надоедает. Ребята повадились в чужие кварталы, но сколько сдерёшь с такого же бродяги? Да ещё и такими усилиями. Джонни к тому времени уже стал разведчиком, он уходил в поиски всё дальше. Однажды он вышел из города — оказывается, мир не умер, как их город, относительно недалеко жили люди, ездили машины. Джонни угнал одну прямо от газолиновой станции, вырубив водителя. Видимо, турист — загрузил полный багажник продуктов длительного хранения, вот Джонни и не удержался. А водить он научился давно, в их городке хватало брошенных машин. Ну, будет одной больше. Ребятам понравилось, и Джонни тогда первый раз провёл стаю во внешний мир.

Жители окрестных посёлков вооружались — ребята добыли у них обрезы, и нападения стали вооружёнными. Их травили собаками — неприятно, но тоже мясо, не хуже крыс. Пацаны стали целенаправленно охотиться на псов. В посёлках появились хмурые люди с винтовками, стая обходила такие места стороной. Стая была неуловима, она скрывалась в развалинах и появлялась непредсказуемо в разных местах. Но пацаны платили жизнями за такие прогулки. И Джонни чувствовал — они поступают неправильно. Люди — не дичь, не крысы и не собаки, вокруг живут по другим правилам, и всем хватает еды, никого не нужно грабить.

— Не так нужно брать большой сытый мир — думал Джонни. — Там живут слабые люди, но даже они обеспечивают себя всем необходимым без смертельного риска. Что уж говорить о крысе-разведчике?

Он вырос, из их стаи, как из старых штанов, — она казалась уже детским садом. Тепло простившись с ребятами, взяв из своей доли немного еды на дорожку, он отправился в

ближайший большой город. В одиночку. Через заброшенные кварталы, промзону... Впрочем, прогулка по родному городу доставила ему лишь удовольствие. Пробыть полгода в их стае разведчиком — это не разок загород прогуляться. Вот до ближайшего города путь был совсем неблизким, а Джон, как ни странно, чурался «естественног» пространства — леса, полей. Хотя ему было очень неуютно стоять на шоссе во весь рост, он внутренне собрался, вытянул руку с поднятым пальцем и простоял так целый час, пока у обочины не притормозил грузовичок. Водитель скептически осмотрел его и велел лезть в кузов. И не отсвечивать, потому что людей в кузове перевозить запрещено. Джон пожал плечами и сделал, как было велено.

Попав в город, он сразу же озаботился главным — работой. Вокруг гуляли стада добычи, наметить жертву и обработать... У Джон по инерции складывались варианты, один краше другого. Но... тогда чем его поход будет отличаться от вылазки? Ведь он решил никогда и ни за что не возвращаться в развалины. Нет, он не станет грабить, убивать... э... там видно будет, но грабить не станет. Он парень непривередливый, неужто не заработает на самое необходимое?

Джон решил брать мир по-умному. Он не приставал к прохожим, не совал нос в подворотни, просто брёл, даже не озираясь — у него хорошо развито периферийное зрение. Сам он давно уже никаких сильных эмоций не испытывал, притупились как-то, но чужие чувства учитывал и умел ими манипулировать. В его мире главным чувством была благодарность. И вовсе не страх, запах страха привлекает хищников, и его источник быстро гаснет. Поэтому их стая держалась на благодарности — ты сегодня спас меня, завтра я обязательно вытащу тебя. И сейчас Джонни искал, кому бы помочь, чисто по воспитанию.

И нашёл, конечно. Он проходил мимо открытых ворот, как из них выехал сине-белый фургон с затейливым логотипом. Заглянув внутрь, он увидел штабель ящиков. Деда в клетчатой рубашке с закатанными рукавам, и смешных подтяжках — они забавно задрали ему рабочие брюки. Пожилой человек, неловко схватив коробку, спотыкаясь, нёс её внутрь дома. Джон не стал задавать вопросов, типа «вам помочь?» Он подошёл к штабелю, ловко взял две коробки и направился к открытой двери. Из неё как раз выходил дед.

— Куда? — только и спросил Джон. Дед ткнул пальцем вглубь помещения. Разберёмся — решил Джонни и проворно продолжил движение. Штабель кончился быстро, и Джон, не оглядываясь на деда, направился за ворота. Не торжественно медленно, или устало печально, обычной своей походкой. Не отблагодарит сегодня, отблагодарит завтра, он собрался постоянно ему помогать.

— Эй, постой-ка, — окликнул его дед. Джон обернулся.

— Подожди меня секунду, — пожилой скрылся в дверях. Через полминуты принёс большой бутерброд и бутылку пива. Бутерброд Джон взял, сказав «спасибо», но пиво проигнорировал.

— Нефигассе, — пролепетал дед и, сказав «щаз», снова побежал в дом. «Вот ему не лень бегать», — улыбнулся Джонни. Хозяин заполошно прибежал и сунул парню в руку монеты. Тот захватил его кисть, встряхнул и сказал, — Джон.

— Сэм, — опешил дед.

— Очень приятно, увидимся, Сэм, — не стал задерживаться Джон.

— Ну, конечно, Джонни! — обрадовано откликнулся дед, подтвердив догадку Джона. Он правильно расценил беготню хозяина — стеснительный человек боялся навязчивости, ему неприятно отказывать.

Близилась ночь, Джонни озаботился ночлегом. В большом городе это дело оказалось весьма непростым, но парень решил вопрос, не прибегая к услугам подвалов и сточных канав. Он оглядел прохожих, выбрал самую неприятную и главное — пьяную рожу, запросто подошёл и, не говоря ни слова, врезал дяденьке в селезёнку. Ну, просто внаглую избил в людном месте первого встречного и подождал прибытия полиции. Ещё когда он был дозорным, старшие вспоминали этот обычай. Если кого-то отметелишь, тебя отвезут в участок, и можно будет спать до утра под охраной.

Не сказать, что визит в участок был уж очень приятным, били. Но били просто потому, что положено. Потерпевший пьян, сам виноват, и не грабил его никто, потерял где-то деньги. И нечего так орать — полицейские отоварили мужчину вторично и забрали за нарушение общественного порядка. Джон был уверен, что он-то точно никаких денег не брал, а медяками его копы побрезговали. И, что приятно удивило Джона, провели, как они сказали «санобработку». Его завели в помещение с бетонным полом и плиткой на стенах, велели раздеться. Окатили из шланга, дали какую-то пасту. Он намазался неприятно пахнущей кашицей, постоял так пару минут, и с него всё смыли упругой прохладной струёй. А в это время его одежду обрабатывали. Джону вернули ещё горячие штаны и блузу, нижнее бельё, наверное, потерялось...

— На, рыжий, заслужил, — улыбнулся полицейский, кинув ему новые трусы и майку. Джонни оделся, и его без битья проводили в камеру. На единственной лавке храпел давешний мужчина. Джон вздохнул, мол, нет в мире совершенства, за шиворот стащил мужчину на пол, прокомментировав свои действия, — только вякни, удавлю.

Завалился на лавочку и уснул чутким сном. Спать в таком обществе он не боялся, был уверен, что, протяни мужик к нему руку, Джон, ещё толком не проснувшись, ему пальцы отгрызёт.

Утром ему отдали медяки, попросили больше так не делать и указали на дверь. С крылечка Джонни увидел интересную тележку, от неё пахло едой. Ага, почитаем, посчитаем... мелочи как раз хватило на булочку с сосиской. Что ж, для начала пойдёт, повеселел Джонни. И направился к воротам Сэма. Он хорошо ориентировался, но так уж получилось, подошёл к дому Сэма по другой улице. Ага, дом с названием «Бар Икота Бегемота». Джонни огорчился, обходить было далеко. Вдруг стеклянная дверь открылась, и показался Сэм, — привет, Джонни, ты не занят? Подойди, малыш.

Парень без опаски подошёл.

— Вот тот самый паренёк, господин Че-на, о котором я рассказывал, — сказал он мужику небольшого роста с непривычным разрезом глаз. И обратился к Джону, — этому господину нужен помощник для выноса мусорных баков. Ты ведь не откажешься?

— Конечно, не откажусь, Сэм, спасибо. Господин, Че-на, здравствуйте, скажите ваш адрес, — Джонни говорил почтительно и с достоинством.

— Гру 8, - бросил Че-на. — Почему не спросишь об оплате? Ты согласен работать за любые деньги?

— Много ли платят за такую работу? — улыбнулся Джон, — я уверен, вы заплатите не меньше, чем другим. Ну, не станете же вы экономить на медяках!

— Хм, логично, — кивнул Че-на, — договорились, можешь приступать.

Так или примерно так Сэм помог Джону наработать клиентуру. И то, что он не клянчил, не копался, был аккуратен, выгодно отличало его от конкурентов. Конкуренция у мусорщиков была зверская, однако не произвела на Джона сильного впечатления. Вообще,

так подростки из небогатых семей зарабатывали «карманные» деньги, ребята просто по своей природе не могли относиться к этой работе добросовестно. И сил им не доставало. А Джонни уже достиг «призывного» возраста, хотя с его внешностью трудно было отличить от подростка. Попытки изгнать конкурента закончились на первом же «эй, ты!» И дело было не в словах, Джон считал шаги, не отвлекаясь от работы. Сочтя дистанцию приемлемой для групповой цели — пацаны решили, что вшестером точно справятся — атаковал внезапно и безжалостно. Но по-своему нежно — никого не изуродовал.

Но ведь были ещё и «крутые»! Шпана, которой в головы не могло прийти, что человек трудится по своему глубокому убеждению, а не потому, что на большее не способен. Больше в их представлении — грабить и вымогать у слабых заработанные гроши. И эти ребята решили дать Джону «урок»! «Подготовить», с его-то связями в полиции — он там каждую неделю моется. Мылся бы чаще, но боится примелькаться. С ними Джонни на несколько долгих секунд вновь превратился в крысу — бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть, не оставляй за спиной живых. В общем, от него отстали.

Клиенты ворчали, но в целом были довольны, Джон не голодал — жизнь как-то стала налаживаться. Но такое уж человек существо — постоянно его кто-то раздражает. Более сильных эмоций Джон не испытывал, если не считать благодарность — вот дядя Сэм человек. А остальные! Джон легко переносил любые лишения и тяготы, но его никогда не унижали — вот в чём фокус. И очень многим не нравилась его естественное независимое поведение. Ну не нравится — не нанимай! Нет — они считали, что цель их жизни — указать всякому «его место». Прямо его не оскорбляли, но изводили придирками, тянули с оплатой — придёшь за своими грошами завтра! И всё только потому, что он не видел никаких оснований считать их хоть в чём-то выше себя. Указать ему место — для некоторых это стало идефиксом. Так подойди к Джону, оскорби, ну! Нет, лучше бросить в бак открытую банку с протухшими консервами или тухлые яйца. И ржать, как он это здорово придумал — проучил мусорщика.

Джонни перестала нравиться нормальная жизнь, вернее его место в ней. В стае у него всегда было высокое положение по ловкости и по заслугам. Газет Джонни не читал, но рекламы на глаза попадалось много, сугубо по роду занятий. Он узнал, что есть армия, может, попытать удачу там? Где не будет всех этих сволочей. Туда можно записаться, но каким образом, он понятия не имел. Вообще-то, есть, у кого спросить, но очень уж не хочется. Хотя... сегодня же банный день! И раз уж он решил идти в армию, и он не знает, как это сделать иначе, кое-кому напоследок можно «указать» место. Джон с удовольствием принялся за рассмотрение кандидатур. Так — Сэм отпадает, Че-на просто всегда сволочь, не только с ним, Ро-гу просто дурак... Джон, перебирая варианты, просто оттягивал принятие уже принятого решения. Конечно же, господин Та-ню, спортсмен и красавец. И не завидовал Джон вовсе, вообще плевать. Вот это, видимо и бесило красавчика — кто-то смеет не восхищаться им, признавая своё ничтожество. И кто? Мусорщик! Уж как он старался — и глядел презрительно, и цедил сквозь зубы, плату всегда кидал под ноги, тьфу! А Джону пофиг. Но раз уж всё так удачно складывается, и в армию он собрался, и пора идти выносить баки этой сволочи...

— По-твоему, я обязан торчать у калитки целых две минуты в ожидании твоего визита? Ты представляешь, сколько стоит моё время? Ну, что молчишь? — процедил господин Та-ню, нависая над склонённой головой Джонни, — я жду ответа!

Джон медленно поднял лицо, лучась счастливейшей из своих улыбок.

— Да ты обкурился, грязная скотина! — хотел заорать господин Та-ню, но получилось лишь. — Да ты э-э-э...., - Джонни с особым удовольствием нанёс удар щёпотью в селезёнку. По рёбрышкам, по плавающим, — аж зажмурился Джон. В промежность, так — не падать! Придержаться и резко на себя, так, чтоб носиком в лоб — вот он меня первый клюнул — наслаждался парень — и ещё раз — и ещё!

— Это не со мной, этого не может быть, — подумал красавец, теряя сознание.

— Теперь можешь падать, — разрешил Джон, и ботинками разбил морду, чтоб долго не опознали. Калечить не стал, но место указал. Перевернул мусорный бак, вывалив содержимое на лужайку, и надел его на господина, как презерватив. В два пинка нахлобучил до упора, хмыкнув, поднатужился и воздвиг-таки сей памятник снобизму. Значит бак, а в него, типа, господин воткнулся по пояс, руки по швам, да так раком и застыл.

И не сказать, что Джон собой гордился. Присел в сторонке на поребрик в ожидании полиции, грустно размышляя о вездесущем западле. Увлёкся модерном и не заметил, что господин Та-ню обоссался. Ну, кто бы мог подумать, что спортсмен, краса нации.... Вот как он теперь поедет и как ему людям в глаза смотреть? Джонни был далёк от пафоса художников, хотя имел на него определённые основания. У бровки притормозила машина, щёлкнул затвор фотоаппарата. Потом ещё, только со вспышкой, и ещё... Джонни в кадр не попадал, да и не стремился. Зачем? Ему достаточно чувства воплощения замысла, завершенности, ну и народного признания — копы так ржали, что даже совсем не били.

— Что, Джонни, банный день? — спросил патрульный, — за что ты его так? Не заплатил?

— Просто достал, — взрыв хохота, и острота, — страшно подумать, что ты сотворишь, если тебя достанут непросто!

Снова хохот, команда поехали... и роковой момент — ты обоссался, паршивец?

— Да не я это, он! — со всей убедительностью воскликнул Джонни, — поздно заметил, когда его ставил!

— Ха-ха-ха! Ну, уморил, мороженого тебе, что ли купить? Ха-ха-ха!

Пройдя обязательную программу визита в родном полицейском участке, Джонни на ритуальный уже вопрос дежурного копа, — Ну, что с тобой делать, грязная скотина? вместо обычного своего «пустите переночевать» ответил, — Может, убьёте?

Дав полицейскому насладиться новизной, продолжил, — Ну, коли самим лень, поручите военным!

Коп неожиданно для себя задумался над свежим поворотом заезженного до омерзения сюжета. В предложении был смысл. Отпадала необходимость писать много букв, ломая голову над их расположением. А то ж ведь рапорт — раз, объяснительная этого ушлёпка — два, показания с того обоссаного терпилы — три... И делов-то — вписать его в другой протокол и запихнуть недоумка не в ту камеру. Ну, в ту, где отпускники после дебоша отсыплются. Их, вообще-то, полагалось в комендатуру сдать, но уж больно они пьяные хулиганили и имели много денег, только потеряли где-то. Вот парень за компанию с ними загремит на губу, а там разберутся или убьют, второе предпочтительнее.

Джонни тоже показался такой вариант более вероятным. Его попутчики не хотели лезть в полицейский автобус. Как их не дубасили, они ни в какую не желали там находиться. Еле погрузили, даже пристегнули наручниками к лавке. Они с виду присмирели. Но когда автобус развил приличную скорость, один из сопровождающих копов приоткрыл узкое окошко почти под потолком, чтоб выбросить окурок. Так один из арестантов без видимой

подготовки стартовал с места и рыбкой скрылся за окном. Джона совсем переполнили нехорошие предчувствия.

На губе Джон впервые полной ложкой хлебнул военного пафосу. Сначала их били за то, что они умудрились попасть гражданским копам. Потом отбой, подъём, завтрак. И строевые занятия! Вот Джонни настрадался, пытаясь за минуты усвоить то, что наработывается долгими тренировками. Командир решил, что Джон издевается, его отволокли в одиночку и снова мастерски избив, оставили отлёживаться, поэтому обед он пропустил. После обеда Джона привели на плац, и опять в перспективе замаячила одиночка.

— Да я просто не умею! — не выдержал Джонни. На него с интересом посмотрели, засмеялись и...

Джон отоварился за то, что он гражданский самозванец.

Повели его к начальнику. Но к тому моменту он жил военной жизнью уже больше суток. Начальник сказал, что это недоразумение, даже извинился! По его приказу Джону дали выспаться, накормили и снова привели к начальнику. Он ласково спросил, хочет ли Джон в армию? В армию Джонни хотел уже не так сильно, как днём ранее, но не зря же он столько вытерпел! Что поделаться, раз такие правила? Он прислушался к себе и понял, что в армию он хоть и несильно, но хочет. Так и сказал. Ему дали ручку, велели расписаться «тут и тут». И посадили на неделю за нарушение формы одежды. Он по бумагам уже второй день служит, и всё в гражданском рванье, охламон! Отоварившись ещё раз как новоприбывший, Джон начал военную карьеру по канону — с губы. Спустя первую неделю службы счастливого от того, что, вообще, ещё живой, Джонни отвезли на военном грузовике в учебный лагерь. И вывалили у лазарета. Джон, через боль оторвав лицо от грунта, сквозь муть в глазах огляделся — ё ж моё жеж! Это была окраина развалин или глюк...

Это глюк, так решил Джон. А как бы он ещё отреагировал, лёжа, чисто вымытым, на чистом белье впервые с того момента, как он ушёл из дома? Ещё и кормят, первый день даже с ложечки! И кто, Господи??? Ангелы! Правда, без крылышек, зато в халатиках. И, как они поют, Джон не слышал, но как кроют особо нервных и впечатлительных, наслушался. Аж воспользовался случаем пополнить лексикон, разглаживая лопухи — всё норовили в трубочку свернуться и горели. Но это в редких исключениях, избираемых неуловимой женской логикой в соответствии с изгибами девичьего настроения. Обычно — ори, хоть охрипни, слабые с виду ручки надёжно фиксировали пациентов.

Пациентов хватало, и они, к счастью, не только орали. Каждому было интересно, где это Джон две недели валандался, пока они тут за Родину пи... э... люлями обедаются. Джон грустно отвечал, что на гауптвахте, и ребята тарасили на него глаза — «ещё разговаривает!» Грустно Джону было оттого, что курорт этот с ангелочками ненадолго, и койку тут ещё следует заработать. Да так заработать, что ну его этот курорт!

Наконец настал роковой момент, и дежурная сестричка сказала выздоровевшим ребятам: «и этого с собой забирайте». Ну и забрали, впрочем, Джон не упирался. Захотелось в армию? Так надо хотя бы посмотреть. Покинув лазарет, Джон снова едва не впал в эйфорию — это всё-таки глюк! Неподальёку начинались джунгли брошенных кварталов. Он хорошо ориентировался и был уверен — до развалин очень далеко. Он имел в виду родной город, не подозревая, что такая участь постигла многие города. Это ему объяснили новые товарищи, фермерские сынки. Не все они родились на фермах, многих забрали бабушки и дедушки, пока родители пытались «свести концы с концами, вынырнуть на поверхность...», а в конце просто не умереть с голоду. В Такии не принято содержать взрослых детей, а внуки — совсем другое дело.

Джону не показалось странным, что все его сослуживцы не из городов. Ну, надо, так надо. Тем более он точно не фермер, чем и пользовался всю дорогу. У него с лица не сходила добродушная улыбка, когда парни, сокрушённо качая головами, рассказывали, как сильно он отстал от программы. Оказывается, они уже две недели осваивают... ориентирование в городе! У них даже что-то получается, вот! Что у них получается, Джон оценил на следующее утро. Лейтенант Ха-рис на грифельной доске изобразил участок «застройки». Отметил дом, в котором на втором этаже есть стенка с чёрным крестом. Нужно идти до этого крестика и спокойно отдыхать. Джон поднял руку, желая задать вопрос. Ха-рис кивнул, давай.

— А крысы там есть? — на полном серьёзе спросил Джон.

— Ха-ха-ха! — грохнули ребята, ничего не поняв.

Но лейтенант понял Джона очень хорошо, внимательно на него посмотрел, рассмотрел даже, и серьёзно ответил, — нет.

— Ох-хо-хо-хо, — веселятся фермерские сынки — крыс нет!

— И, боец, обращаясь ко мне, всегда говори «господин лейтенант». Понял? — «не заметил» общее веселье Ха-рис.

— Да, господин лейтенант, — спокойно ответил Джонни.

— Ладно, пока пойдёт, — вздохнул Ха-рис, и гаркнул. — А ну заткнулись все! Встали и пошли, если такие умные.

Ребята подскочили и рысцой направились к руинам.

— Джонни, ты меня держись, — сказал ему Джош, — лейтёха не всё сказал, ведь мы-то уже в курсе. Там эти изверги, нетакийские инструкторы будут нас ловить. Если что, ты убежишь...

Джош вздохнул, — а я в лазарете ещё не был. Надоело всё!

Парень проникся к Джону симпатией как единственный рыжий к хотя бы конопатому. Джон улыбнулся, — не нужно, Джоши, беги один, больше шансов.

И поднажал. Простой манёвр — вырвался вперёд, притаился, пропустил ребят. Наметил «жертву» и повёл. Ага, вот его и отоварили, кто-то должен страховать... кажется там. И как нам их надуть? Для крысы-разведчика запросто, обошёл их Джонни по ходу дела ориентируясь в руинах. Нашёл нужный дом, стенку с крестиком, присел, на стеночку навалился и задремал.

— Боец, обед проспишь, — услышал Джон голос лейтенанта, одним движением поднялся и вопросительно уставился на него.

— А я подумал, что спишь, — сказал лейтенант. «Ну, сплю я так!» — улыбнулся в душе Джонни, сохраняя на конопатой харе почтительность.

— Тебя потеряли, — объяснил лейтёха, — всех уже нашли и отфигачили, а тебя искали-искали... дай, думаю, под крестиком посмотрю...

Джон ушам не верил — из всего стада ни один не справился с такой ерундой???

— Ладно, пойдём, везунчик, — приказал лейтенант, — после обеда посмотрим тебя на плацу.

Обед Джону очень понравился, а плац... э... не очень. На плацу Джону талантами блеснуть не удалось, да оно и к лучшему — даже если б мог, сам не стал бы выпендриваться перед ребятами. И так один из всех небитый. Вот и лечь, встать, лечь, встать, лечь, упор лёжа, десять отжиманий... встать, лечь... Джонни понимал начальство — не со зла, а для воспитания и справедливости — каждый получает порцию горя не так, значит иначе, от судьбы не уйдёшь... пока не упадёшь. Рука предательски подкосилась, Джон растянулся на плацу, и тут же удар ботинком по рёбрам и злая непонятная речь. «Действительно изверги нетакийские», — подумал Джон и, прикусив губу, продолжил отжимания... про-дол-жил ё от-жи-и-и-ма-ния...

— Бур-бур-бур, боб, хватит, встать, — прорычало над головой Джонни. Он как мог резко поднялся. Снова «бур-бур», но, вроде бы, одобрительно. Ну, точно! Милость-то какая, — встать в строй.

Какое счастье — строевая подготовка! Попадает только стеклом всего лишь по заднице. А так — ходи себе, гуляй! Кульминацией счастья Джонни стал ужин, а за ним и вовсе рай — час свободного времени, если свободен от нарядов. Защить, что порвалось-оторвалось, почистить. Полчасика потрепаться, переодеться и бегом на вечернее построение. И душка Ха-рис скажет всем «спокойной ночи», то есть раздаст на завтра наряды и рявкнет, — разойдись!

Прошло два таких же дня, один в один, и Джон решил, что так оно и пойдёт. Но на третий день ребятам вместо развалин назначили плац, а Джона Ха-рис задержал. Подошёл к грифельной доске и поставил индивидуальную задачу.

— Смотри, — он нарисовал грубую схему, догадывайся, как хочешь, — тут, тут и тут целевые кресты. Ты должен обвести их кружком. Пацанов гоняет Цербер, за тобой пойдут Уран, Гор, Бах и Рекс. У тебя фора пятнадцать минут. Они не будут пятнать тебя в радиусе

пятидесяти метров от целей, — спокойно изложил лейтенант, — вопросы?

— Никак нет, господин лейтенант, — чётко ответил Джонни.

— Тогда вот тебе маркер. Бегом, марш, — скомандовал Ха-рис, и Джон рванул, что есть сил, думая на бегу, — ну и прозвища у извергов! Или их так мамы называли?

Скрывшись с глаз за домами, Джон перешёл на рысцу, потом на быстрый шаг, и пошагал вразвалочку, обдумывая положеньице. Во-первых, убивать инструкторов нельзя, хоть и очень хочется. Во-вторых, у них нет такой нужды в скрытности — за всеми просто не уследишь. Значит, они думают, что быстрее. Ну, пусть думают. В-третьих, восемь глаз — фиг спрячешься. И они знают, где цели, раз лейтенант говорил о радиусе. Знают, куда пойдёт Джон?

— Да фиг угадали! Я просто по наитию рванул во весь опор, но они-то думают, что мне хочется погасить ближайшую цель и бежать к следующей. И конечно же не успею — обложат у ближайшей, будут ждать, когда выйду. Или устроят засаду у второй цели? Вряд ли, там такое месиво, обойду — они меня уже знают, — рассуждал Джонни скрытно двигаясь ко второй цели. Постоял, прислушался, принял, вперёд... Именно принял — одного он видел с сигаретой, от всех разит одеколоном — как дети малые!

— Им не засады в развалинах устраивать, а в песочнице ковыряться, — улыбнулся Джон, обводя первый крестик. Осмотрелся, выбрал позицию для дозорного, устроился и отключился. Старая привычка сидеть в наблюдении часами. У наблюдателя голова должна быть пуста от малейшей мысли — только глаза, только слух и чутьё, если жить хочется. А то засекут, подкрадутся, а ты окрестности сканируешь.

А вот и господа инструкторы, надоело им Джона дожидаться, нехорошие мысли одолели. Ну, точно — пятнать им Джона у крестика нельзя, но посмотреть-то можно. Скрылись в доме. Упс — разочарование. И что мы думаем? Что Джонни к третьей цели подбирается. Во как ломанулись!

— Пробежитесь, вам полезно, — злорадно бормотал Джон, спокойно направляясь к первой цели. Зашёл в дом, спокойно нашёл крестик, обвёл, и так же спокойно направился к третьей цели. Что там может быть, кроме засады? Конечно, сразу проверили крестик, убедились, выбрали подходящие для Джона маршруты. Но они просто не представляли себе, какие маршруты могут быть подходящими для крысы! Джон продемонстрировал, насколько быстрой и ловкой бывает эта зверушка, его заметили, кинулись, но...

— Туки-та, — обвёл Джонни крестик под очень недобрыми взглядами. Мужики догадались, что это была издёвка, специально для них.

— Всё, мальчики, пойдём домой, — пропел Джонни, — кушать ка-а-ашку, ам-ам.

Мужики заворчали, развернулись и потопали, игнорируя Джона.

— Крыса? Разведчик? — спросил лейтенант.

Джонни кивнул.

— Как ты здесь оказался, крыса-разведчик? — задумчиво протянул Ха-рис.

— Нельзя что ли? — буркнул Джон.

— Можно! Даже нужно! — воскликнул лейтенант, — блин, счастьем поверить не могу!

И немного успокоившись, добавил непонятно, — только теперь ты — крыса-поводырь.

Смысл его слов Джон понял утром следующего дня. Лейтенант поставил обычную задачу, но...

— Джон, выбери любого бойца. Ты должен провести его к цели.

Конечно же, Джон выбрал Джоша.

К концу первого месяца парни уже выходили на маршруты группами. Стая против инструкторов и... Джона! Ну, какие они ему учителя в этих вопросах? И они не сочли ззорным признать его равным на время занятий в развалинах. Но ребят готовили не в крестики-нолики играть. Началось с рукопашного боя — началось опять с подачи Джона. Вот выдали табачное довольствие. Всем выдали, но Джону оно зачем? Да сменять сигарету на лишнюю тарелку супа. Парень недоедал с детства и никак не мог наесться досыта. Но сигарет ещё было много, и нагло объедать пацанов Джону было неловко. Ребята сами напросились — затеяли игру в карты на сигареты. Эти фермерские сыночки предложили Джонни сыграть! Он же читал их, как открытую книгу, увальней деревенских. Блин, они даже блефовали, Джону было немного стыдно, и он, конечно же, проиграл. Потом ещё и ещё проиграл. И вдруг выиграл! Всем было очевидно, что ему просто повезло.

Когда ему ещё несколько раз повезло так же просто и по крупному, ребята заподозрили неладное. Здоровяк Гарри, позвал его поговорить в туалете, мол, есть вопросы. Джон вздохнул — чему быть, того не миновать — и направился следом. Только разговаривать он не собирался. Гарри шествовал впереди, не сомневаясь в том, что шибздик плетётся следом. И, уже в дверном проёме туалета был несколько обескуражен, получив страшный удар сразу с двух ног в хребтину. Ребята, что поджидали Джона в помещении, тоже не поняли, что это он уже начал диалог по-своему. Особенно тот, в кого впоролся Гарри в падении. Джон влетел прыжком, кувырок, и на выходе в промежность третьему. Четвёртый ляпнул, — ... твою мать!

За что удостоился отдельного обращения — не просто избиения, а с замачиванием. Джон просто вдолбил его в сортирное очко, одни ботинки торчали. В общем, на вопросы были даны исчерпывающие ответы, и пострадавшие поползли в санчасть, а одного, самого недалёкого, пришлось сначала выдёргивать из дырки, а потом нести, вернее, волочить за ноги. Хоть и поздно, но парни узнали, насколько обманчивой бывает внешность.

Но вопросы таким способом не решишь, а решать-таки надо. Например, Джон сдружился с Харпёром. Это кличка, его Томасом звать, и он вечный дежурный по столовке. Ну, не видели командиры способов, как сделать из него бойца, не убив при этом. Хороший, но дохлый боец, хуже вечного дежурного, тем более Томас умеет готовить. Джон несколько раз по-дружески его выручал, и Харпёр не оставался в долгу. Но Джон не наглел, не наседавал. А тут как-то зашёл выпросить бутерброд и поболтать, а у Томаса глаз засвечен. Джон с вопросами не полез и правильно сделал. Вечером ему предложили за сигареты мясные консервы. Мягко говоря, сделка была провальной — с возвращением консервов Томасу и подобающими извинениями со слезами на разбитых в хлам рожах.

Но ребят набрали из медвежьих углов — пример любой наглядности для них не пример, пока сами не попробуют. В общем, когда инструкторы стали учить их драться, они не увидели ничего принципиально нового — их целенаправленно учили убивать по той же философии — бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть... Навыки Джона вновь оценили — он в принципе делал всё то же, самое, но официально и в учебных целях. Сам, кстати, тоже нехило огребался. Методика у инструкторов такая — нападайте, хоть скопом, хоть по очереди, хоть вообще не нападайте, можете даже попытаться удрать. Подготовка перешла на новый уровень, стала более индивидуальной — добавилось более тесное общение с инструкторами.

Ребята с горя начали немного понимать их болботание. Прежде всего, оказалось, что такойцы для них были такасами, или сука-таками. Боб — парень, сука-боб плохой парень,

са-сука-боб настолько плохой, что и не парень вообще, са-сука-так — офицер... Ничего в принципе сложного, парни быстро схватили базу, а развивали уже при инструкторском содействии. Раньше они всего лишь не считали нужным говорить с дикими животными. Но не считали зазорным сказать пару ласковых уже немного дрессированным. Кстати, Джон, застав лейтенанта в хорошем расположении духа, набрался смелости спросить, кто это дал инструкторам такие затейливые клички.

— Я, конечно, — буркнул лейтенант. — Ты не представляешь, какие у них имена! Язык сломаешь!

— А что они значат? — Джону было очень интересно.

— Понятия не имею, — смутился Ха-рис, — у моего бати на ферме волкодавы, вот так он их обозвал. Я и подумал — что годится для тех зверей, пойдёт и для этих.

Порой просто приходилось разговаривать, они ж начали стрелять из настоящих винтовок настоящими патронами! Тут уж дикарём оказался Джонни, фермерские сынки стрелять научились раньше, чем говорить. Он даже подозревал, что многие парни вообще что-то говорить начали только в учебке, а стреляли прям с рождения. Но это на полигоне, а в развалинах другое дело. И гранатами Джонни мог жонглировать и закинуть что угодно куда попало. Например, некоторые несознательные забывали тушить окурки, так Джон никогда не ленился нагнуться за бычком, чтоб забросить его неряхе за шиворот. А уж в дротики с ним никто и не связывался. Только у Джоша не хуже получалось с ножом.

Ещё через месяц ребят разбили на учебные отделения. Бегать среди развалин, драться, стрелять и швырять гранаты приходилось по заданному группе тактическому замыслу. Индивидуальными остались лишь тренировки с ножом, и вскоре понятие «нож» расширилось до всего, что может попасть под руку. Тактические занятия сводились всегда к одному сценарию — к эвакуации раненного. Что раненного положено добить и продолжать выполнять задание, инструкторы понимать не хотели. Вообще-то они отрабатывали и захват зданий, и скрытное проникновение, что Джону было особенно близко. Учились правильно организовать оборону, выбрать позиции, немного минировали... Но каждый Божий день они кого-то тащили «к своим». Лишь однажды инструктор прокомментировал вслух, — Так меня долго... принести сюда... Ребята в своих отделениях уже сдружились и откровенно обменивались мнениями. Часто спорили, но в данном случае были единодушны — укурок просто обдолбался. Заблуждались они недолго, до конца обучения. Всего-то через месяц, то есть через полгода обучения, они впервые удостоились чести лицезреть начальника школы.

На обычном утреннем общешкольном построении старший офицер рявкнул обычные «равняйся, смирно» и, повернувшись к незнакомому офицеру, так ему и сказал, — Господин начальник школы, личный состав в комплекте и готовности, дежурный лейтенант Ха-рис.

Высокий седой мужик в белоснежном мундире и с достоинством на немного лошадином лице кивнул лейтёхе, буркнув, — вольно.

— Вольно, — обрадовал Ха-рис собравшихся, как глухих.

А господин начальник звучным, хорошо поставленным голосом обратился к курсантам:

— Парни, только не смейтесь, пожалуйста, но вас забирают в армию...

* * *

Парни и не думали смеяться. Ребята своим отделением сидели на траве молчаливым

кружком, потрясённо переваривая новости. Настолько задумались, что с досадной задержкой заметили появление самого грозного их инструктора Цербера. Ребята лихо подскочили в положение смирно и обглодали начальство преданными глазами.

— Бросьте, парни, — неожиданно просто улыбнувшись, сказал Цербер лишь с легким акцентом, — Вам не надо так стоять перед враги. Присядем?

И уселся на траву, как курсант. Парни осторожно расположились на прежних местах, не сводя с него подозрительных глаз. Он сказал врагом? Ну, другом его, конечно, не назовёшь, но ничего ж личного?

— Успокойтесь, я не буду вас убивать. Не прямо сейчас... Такие выступила в войну, и вас убьют там... Да, там всех вас убьют другие этары.

— Другие? — пискнул Джош.

— Да, другие этары. Как я. Как все инструкторы.

— Но почему вы здесь? — немного осмелев, продолжил рыжий фермерский сынок. Остальные помалкивали, справедливо считая, что их отделению достаточно потерять одного Джоша.

— Как мы сюда попадали? Вашим приятелям, теперь союзники попали в плен. А они передали сюда. Зачем? А на всякий случай. Мы умеем воевать, вы скоро поймёте.

— Мы тоже, спасибо вам, — уже спокойно сказал Джош.

— Не за что. Мы не готовили вас к войне против Этарх. Так нам сказали... правду, зра-са-сука-бобы! Вы — вообще нерегулярные, для порядка... вот в таких городах, — махнул Цербер на развалины.

— На вас этарская форма? — уточнил Джош.

— Да, я понимаю, кто нас обманул — мы сами. Мы не учили вас воевать против мятежников, мы просто учили вас воевать... понимать нашу речь, видеть в нас опасных, умных, умелых врагов. Ну и пусть, зачем я вам это говорю? Я хочу, чтоб вы увидели, этары — солдаты, и говорю — дай вам солдатский бог выжить, ибо солдаты — братья. Одно оружие и судьба, а враги... там, позади.

Пацаны недоумённо переглянулись.

— Я солдат, готовил из вас солдат и по-солдатски должен... не хочу оставлять несделанным... несказанным... мои братья...

Парни уже откровенно открыли рты, но Цербер просто не договорил.

— Мои братья долго несли меня. Я был ранен, сильно, но они были братья, и не хотели убить. Нас послали на войну убивать, но они несли меня, потому что стали солдаты... Я хочу вам... чтоб вы стали солдаты...

Цербер наконец замолчал, обвёл их своими холодными серыми глазами, вдруг резко, как спохватившись, встал и ушёл не оглядываясь.

* * *

Такая вступила в войну солидно, даже основательно. На другой день после объявления... ну объявили 31.03.3017 Эры Нова в 23:50, а 01.04 в 00:00 с аэродромов союзной Джудии стартовали эскадрильи четвёртого воздушного флота, им до целей было ещё четыре часа переть.

Флоту отличиться сразу не удалось, убитому об коралл цефалоподу ж было ясно, что

война неизбежна, вот и попрятались этары по базам. Однако, как оказалось не все — 01.04 в 00:05 был торпедирован сухогруз Гибон, в 00:20 эсминец Тревор, подошедший для спасения экипажа Гибона, в 01:11 крейсер Малин поймал донную мину на подходе к базе вообще хрен знает как далеко от Первого континента...

Когда начальник школы толкал речугу, бомбардировщики четвёртого флота возвращались на базы, оставив за собой разрушенные, горящие дома Фартфура и полсотни своих машин. А когда Джонни с приятелями садился в автобус, волчьи стаи подводного флота Этарха вышли на трансокеанский такийский конвой и разменяли первую сотню тысяч потопленного грузового тоннажа.

Ребята набились в автобус радостно возбуждённые. Выяснились приятные детали. Оказалось, что они шесть месяцев не дурию маялись, а охраняли правопорядок в официально ещё целом населённом пункте на добровольных началах в составе добровольных же формирований. За что им полагалось от работодателей среднемесячное содержание, а при отсутствии работы стандартный уровень компенсации (СУК). Целых триста баксов, а без вычета за обмундирование и с проездными аж триста пятьдесят!

С гражданкой у Джона всё было в порядке, давно уже выиграл комплект, как знал, что пригодится. Да пацаны не в обиде, их мамки добротнo собирали, каждому по три рубашки уложили и по три свитера в этакую жару. Так им вообще повезло, всех же призывают с места жительства, вот они по домам сначала, родные берлоги повидать. А у Джонни в предписано значится — явиться за повесткой по месту розыска. То есть в родную полицейскую управу, из которой в силы поддержания порядка он попал по недоразумению. Это ему в канцелярии милая улыбчивая Люси сообщила, и утешила, как смогла:

— Зато тебе хорошую характеристику написали, что ты теперь почти неагрессивный. Вот возьми, пригодится. И вот ещё характеристика на Стива, но его ж в госпиталь с переломом челюсти увезли, вряд ли она ему понадобится. Бери её тоже, больше бумаги — чище гм, у меня в столе...

Джон улыбался, вспомнив Люси и любуясь видом из окна. Тренировочные развалины оказывается населённый пункт. Почти неагрессивный? Устроить бы что-нибудь наподобие из полицейской управы, и дома господина Та-ню... да всего квартала, чего уж мелочиться?

Автобус остановился на станции, ребята пошли покупать билеты до своих логовищ. Джон никого не смог уговорить составить ему компанию. Даже тот весомый аргумент, что расстанутся они скорей всего навсегда, был воспринят с какой-то даже обидной радостью, и разбивался об их уверенность в скорой встрече во вражьей столице. Да просто кресты считали своим долгом довести баксы до предков в сохранности. Ну, побаивались парни города, несмотря на полгода, проведённых ими в городских развалинах.

Джонни в одиночестве поплёлся знакомой дорожкой в родной до фантомной боли в почках полицейский участок. Идти было почти через полгорода, но он несильно торопился. Нести свои деньги копам он считал неумным, спрятать ещё глупее — или посадят, или на войне убьют, так зачем мертвецу баксы? Потому он для начала, чтоб привыкнуть к хорошей жизни, купил двойной хот-дог с большой бутылкой колы. Потом схрумкал пачку чипсов, аккуратно и с некоторой почти торжественностью положил пустую пачку, салфетку и порожнюю бутылку в мусорный бак и огляделся оценить произведённое на окружающих впечатление.

По раннему времени окружающих было маловато, и оваций не последовало. Но Джонни даже не огорчился из-за этого, его внимание привлекла вывеска «Икоты бегемота». Вот куда

принесли его натренированные ноги в армейских ботинках! Вот достойное место чтобы потратить просто чудом честно заработанные деньги — решил Джон и направился к входу. В заведении посвистывал потолочный и жужжал напольный вентилятор, прикрытые жалюзи создавали уютный полумрак, в глубине зала за рядами столиков над стойкой возвышался силуэт старого Сэмми, а за его спиной загадочно поблёскивали разнообразные бутылки.

— Привет, Сэмми, мне как всегда, — небрежно бросил Джонни лелеемую воображением фразу и вальяжно направился к музыкальному автомату. Гм, Сэмми, кажется, обожает Магик Блюзес? Так пусть их встреча пройдёт под достойное сопровождение. Джон недрогнувшей рукой скормил агрегату целый бакс и обернулся к стойке.

Мдя, сказать, что он произвёл впечатление — это ничего не сказать. Глаза уже привыкли к полумраку после солнечного утра, и он смог разглядеть все пломбы в зубах раззявленной пасти Сэмми и личность его собеседника, разместившегося несколько сбоку. Господин Та-ню любовался скромным героем полугодовой охраны правопорядка во все свои полные тоски и злобы лупетки.

— Ну, вот он опять! — только и успел огорчиться Джонни, перехватывая за горлышко первую посланную в него бутылку.

— Я жду твои губы! — вывел ящик под нитьё саксофона.

— Э... господа! — попытался наладить диалог Джон, поймав вторую бутылку и аккуратно поставив её на столик рядом с первой, заметил, как под пение трубы.

— Я помню твои глаза!

Господин Та-ню, схватив банкетку наперевес, и с визгом набирая скорость, двинулся в его направлении.

— Мне не забыть твои уши! — стонал Магик Блюзес под акомпониент всей банды, переходящий в ударный соляк.

Джонни перехватил высокую ножку сиденья, дёрнул её на себя и вниз, чтоб в пол воткнулась. Господин Та-ню, не переставая визжать, по всем законам баллистики и при полном содействии Джона взял пологую параболу...

— Как пела твоя душа! — подвёл итог музыкальный ящик и поломался оттого, что наконец-то переставший верещать господин Тано врубился в него излишне горячей своей головой.

— Ба-бах! — вступила в разговор ружбайка. Джонни перекатился через голову, успев схватить со столика бутылки. Швырнул первую в сторону предполагаемого стрелка, снова кувыркнулся между столиками и продублировал подачу. Осторожно выставив над столешницей самый уголок правого глаза, попытался им оценить опасность. Стрелок, предположительно неблагодарный старый засранец Сэмми, видимо залёг за стойкой. Дабы не дать ему возможность перезарядить ружьё и отвлечь, Джон навесиком забросил за стойку кстати подвернувшееся барное сиденье и рванул к её правому флангу.

За ней обнаружили Сэмми, сидущка и ружьё, лежащие в куче, но независимо и в одинаковом бессознательном состоянии. Джонни взял со стойки салфетку, обильно смочил её из случившейся поблизости открытой бутылки вискарём и принялся приводить в чувства почтенного бармена. Он же был, в сущности, незлой парень и очень переживал, что старик мог окочуриться. Но к счастью пронесло. Сэмми засопел, открыл глаза, увидел радушную Джоннину улыбку, икнул и снова попытался ускользнуть в забытьё. Джон пресёк попытку простым отвлекающим вопросом.

— Сэмми, ты собирался звонить в полицию?

В глазах бармена ясно читался ответ, несмотря на яростное мотание головой.

— Вот и чудно, хоть подвезут. Звони, мне туда и надо, — Джон снял с аппарата на стойке трубку и протянул её старику. Набрал номер и продолжил разговор.

— Дружище, я ухожу на войну. Можно я буду тебе писать?

Сэм горячо закивал.

— Спасибо, только и ты мне напиши, хорошо?

Сэм, вслушиваясь в длинные гудки, закивал ещё энергичнее. Тут Джона осенила удачная мысль.

— И вот что, я в городе никого не знаю, с копами сам знаешь, как разговаривать. Можно я тебе оставлю на хранение до нашей победы триста баксов? Благодарю тебя дружище!

— Алё, полиция! — вдруг заголосил старый Сэмми, — Алё! Нападение на бар «Икота бегемота»! Меня взяли в заложники! Да, рядом... Джонни, тебя, — заискивающе улыбнулся бармен, протягивая трубку.

Джон укоризненно воззрился на старого истерика. Ну, за кого он его принимает? Гм, а за кого ему принимать Джона? Ладно, личное можно будет потом выяснить в переписке — решил Джонни и легонько тюкнул старика по макушке телефонной трубкой. Он же итак собирался падать в обморок? Вот и не стоило тратить вискарь на это чучело. Гм, что-то надо сказать полиции, ждут же люди... Так за кого его принимают?

— Алё! Бегемот-икать взорваться чрез час, хочу са-сука-такос прекратить бомбить! Хрух Этарх! — проговорил он в трубку, подражая голосу и выговору Цербера, и, опасаясь непонимания, добавил от себя, — Героям слава!

Улыбаясь от мысли, как бы к его хохме отнёсся сам инструктор, Джон обыскал стойку, нашёл авторучку и пачку патронов. Написал на салфетке короткую записку, завернул в неё свои баксы и засунул старику в нагрудный кармашек ковбойки. Насвистывая и заряжая на ходу ружьё Сэма, направился в подсобное помещение, из подсобки вёл второй выход на хоздвор. Джон почти ухватился за дверную ручку, когда она неожиданно увернулась, дверь открылась, и в проёме нарисовалась грузная фигура в сине-белом комбезе.

— Хозяин, ё-моё, оглох? Сколько тебе сигналить? Вот вывалю твоё пойло на землю, я тебе в грузчики не нанимался! — провякало туловище, смешно таращась со света в полумрак.

— Кто ходит в гости по утрам, — пропел Джонни, засветив прикладом в верхнюю часть тушки, — тот поступает мудро. Трудно тебе было, сука, выгрузить, спрашивается?

Негодую на вопиющую непочтительность к старшим, Джонни обыскал карманы сине-белого комбеза. Не найдя ключи, решил, что лодырь скорей всего ещё и неряха, и прошёл к яркому бело-синему фургону во дворе. Дверца кабины была открыта, ключ торчал в замке зажигания, и Джонни, естественно, воспринял всё это как приглашение.

Аккуратно вырвав со двора на улицу, Джон услышал неприятно знакомое, но пока отдалённое завывание. Гляди-ка, поверили, — ухмыльнулся парень, сворачивая к пустырю. Он как-то сам собой образовался на месте некогда ухоженной лужайки господина Са-но, когда сам господин врезал дуба, и в его коттедж въехали многодетные наследники с исторической родины господина. Хоть деток у них хватало, мусор вынести было некому, а нанять кого-нибудь давила южная жаба. Ну, где одна кучка, там и вторая несильно бросается в глаза, — такого было мнение всех окрестных мусорщиков.

Будучи недавно одним из них, Джон хорошо знал местную топографию и, легко

преодолев помойку, вывел фургон во двор прачечной Че-на, редкой, вдобавок косоглазой, сволочи. Едва сумев обуздать желание поприветствовать старого знакомого, ведь и ружьё под рукой, Джон проломил фургоном хлипкую ограду. С особым удовольствием послал машину в занос на газоне лужайки господина Рогу, сволочи обыкновенной, и от души газанув, с пробуксовкой выехал на тихую улочку.

Подъехал к перекрёстку, как порядочный пропустил кортеж истошно завывающих сиренами полицейских машин и спокойно свернул на прямую дорожку к полицейскому участку. Легко нашёл паркинг неподалёку и пошёл на второй заход в уже не столь вожделенную армию.

* * *

В околотке царило судорожное оживление, вызванное, скорей всего, патриотическим порывом. Родина умела считать деньги и, как водится, норовила подбросить верным своим сынам лишнюю работёнку за тоже жалование. В принципе Родина, как всегда, была права, ведь задача полиции — направлять преступный элемент по правильному назначению, не так ли? Ну и кто из нас без греха? А какое назначение в данный исторический момент правильное, Родине, конечно же, виднее.

Потенциальные преступники толпились в тесном холле и ломались в двери с красивым плакатами. Потолкавшись и послушав разговоры, Джонни кое в чём разобрался.

За первой дверью, с плакатом:

«Мать твоя Такия верит, что есть
У сыновей её верность и честь!»

всем резервистам, у кого имеется водительское удостоверение, полагалось его сдать или оплатить штраф за утерю документа, а у кого прав нет, предъявить что угодно со своей фоткой, именем и печатью. И получив призывное предписание, следовать на сборный пункт. А если этого не сделать, попадёшь за уклонение от призыва даже на сборном пункте.

Хотя вряд ли до него доедешь, потому что все водительские удостоверения объявлены недействительными, а лицам не подлежащим призыву, выдаются временные разрешения за дверью с красивым плакатом «Такиец! Отдай Родине долг как только сможешь! Такия — и твоя ж таки Мать!» Там ещё сразу на оборонный займ собирали.

Джон озадаченно уставился на дверь с приколотой бумажкой, озаглавленной «Розыск». У него в карманах ничего с печатью и фоткой отродясь не было и деньги он Сэму оставил, значит, за первыми двумя дверями его явно не ждали. И Люси говорила что-то о розыске, да и народу в этот кабинет никого, не то, что в прочие. Джонни, культурно постучавшись, приоткрыл дверь, спросил «можно» и увидел за столом копа, уже спровадившего его в армию полгода назад. Ну и пусть не всё получилось, человек же хотя бы попытался, и Джонни счёл встречу удачной.

Коп тоже обрадовался, вернее своему счастью не поверил. Он сразу вспомнил ушлёпка, которого сдуру запихнул не в ту камеру. И никто ему лично не пенял, ведь сопровождающие при доставке в комендатуру одного отпускника умудрились упустить. Но и они легко

вывернулись — по протоколу задержали четырёх? Вот и воякам сдали четырёх, а что один немного не то, так на нём не написано.

Огрелись всем сплочённым коллективом, ибо обоссанный терпила в мусорном баке, когда смог связно изъясняться, назвался сыночком главы магистрата господина Та-ну. И в результате просто кошмар какой-то — фактически, добровольно сдавшийся властям его обидчик, как дух бесплотный растаял в стенах их участка, не оставив по себе даже вони.

А учитывая мобилизацию и ожидаемое снижение преступности путём переноса её на театр военных действий, многие полицейские обоснованно ожидали уже собственного переноса туда же, за преступностью вдогон. На другой же день после вступления в войну поползли зловещие слухи об уровне патриотизме в целом по управлению и отдельным департаментам с конкретными участками по списку, и уже произнесено было, пока шёпотом и с постукиванием по дереву, ужасное слово «переаттестация».

И вот он — счастливый билетик, индульгенция на переаттестацию, счастье его конопатое! Сидит на стульчике и несёт какую-то ахинею, а сделать, как назло, ничего нельзя! Личный состав в оцеплении зоны теракта и на задержании возможных пособников, а ему хоть жопой стреляй! Без стрельбы что-то делать лучше не пытаться, помещённый в мусорный бак этим пареньком обоссанный терпила оказался спортсмен, даже бейсболист, кажется. Оставалось лишь молиться и тянуть время. Улыбаемся и киваем, всё хорошо, улыбаемся и киваем...

Джонни оборвал фразу на полуслове и внимательнее присмотрелся к представителю власти. Ему, кажется, было нехорошо. Или наоборот, но не всё в порядке — это точно. Джонни наконец-то удалось растеряться, он встретил за один день даже для него слишком много психов. И его уже по сегодняшней традиции вновь выручил случайный персонаж. Без стука распахнулась дверь и в кабинет «как к себе домой» впёрся пузатый чин в мундире с красивыми шевронами.

— Как дела с розыском уклонистов, Энди? — грозно насупившись, неожиданно пискляво спросило ответственное лицо улыбчивого копа, начисто игнорируя Джона, — Где результаты за сутки? Пособничаешь? Уклоняешься?

— Нет-нет, что вы, господин офицер! — проговорил Джон, сразу не сообразив, что обращались не к нему.

Улыбчивый коп перестал улыбаться и кивать, побледнел и открыл рот что-то выгнуть, но начальство уже переключилось на посетителя.

— Сынок, ты почему не в армии? Наверное, ещё молод?

У офицера тоже был сынок, и ему очень не хотелось отпускать парня на войну, но проклятое предписание уже лежало в кармане. Ему предстояло лично вручить это сыну, а потом самому отвезти его на сборный пункт.

— Нет, офицер! Я хочу в армию, но я официально в розыске и должен сначала сдать властям. Ведь из документов у меня только справка и две характеристики. — Повторил Джон свою речь с виду вменяемому полицейскому. — А этот коп нефига не понимает, обдолбался наверное, господин офицер!

— Как тебя зовут, мальчик? — проникновенно спросил толстый.

— Джонни, господин. Джонни Ри-тано.

— А вот и нет, — улыбнулся добренький дядя, — Ты — Джонни Ха-ня, а вот твоё предписание.

Джон уставился на вытащенную им из кармана бумажку, открыв рот.

— Но мои документы...

— Ты главное на сборном пункте предъяви предписание, а документы тебе уже там сделают, какие понадобятся, — офицер ловко положил бумажку в кармашек Джонниного свитера, — если вообще понадобятся. У тебя есть на чём добраться до сборного пункта? Это за городом, ты наверное не найдёшь, давай, я тебя подвезу!

— Что вы, господин офицер, я найду, я на машине. А вы лучше присмотрите за этим, кажется, ему лучше лечь, — указал Джонни на странное поведение улыбчивого копа. Полицейский, уронив голову на ладони, трясся плечами и всем корпусом. Беднягу колотило в истерике.

— Всего хорошего, господин офицер, — попрощался Джонни от дверей.

— Служи достойно сынок! Главное — доведи предписание! Я в тебя верю! — успел он услышать, покидая этот дурдом, под вывеской отделения полиции.

* * *

Выбравшись из тесного холла переполненного лихорадочно возбуждёнными или уже впавшими в злобное оцепенение очередей и митингов людьми, Джонни вдохнул полной грудью свежий послеобеденный воздух и забыл выдохнуть. Наполнив воздух визгом и вонью палёных покрышек в лихом полицейском развороте, почти у самых ступенек крыльчика его каким-то чудом не задавил, конечно же, полицейский автобус. Джонни резко отскочил, выдохнул и забрался повыше обратно на крыльцо.

Из кабины выпрыгнули двое копов с винтовками наизготовку и подбежали к дверце багажного отделения. Один из них с размаху врезал по ней прикладом и отскочил назад и вправо, наводя оружие в проём арестанского выхода из автобуса. Его коллега слева уже целился из своего ружья туда же.

Дверца распахнулась, оттуда головой вперёд вылетел Цербер собственной персоной со скованными за спиной руками и, несколько проехав по асфальту лицевой своей частью, притормозил в двух шагах от полицейских ботинок конвоя. Его примеру последовали ещё четверо инструкторов вот только сегодня закрытого центра подготовки добровольных сил охраны правопорядка.

— Мдя, похоже что, хохма удалась, — мелькнуло в голове Джона, — однако пора завязывать с такими шуточками.

Но у духа больного юмора этого дня были свои планы на вечер.

— Так, где ты говоришь, твоя машина, сынок? — послышался сзади голос доброго дяденьки с красивыми шевронами.

Джонни, оглянувшись, увидел всю его внушающую доверие пузатую фигуру с помповым штурмовым полицейским дробовиком наизготовку.

— Вон там, господин офицер, я уже собирался уезжать...

— Вот и хорошо, что дождался меня, сынок, я тебя всё-таки провожу, — душевно отвечал полицейский, — ты сейчас, не торопясь и не дёргаясь, пойдёшь к пассажирской дверце...

— Да я честно...

— Пасть завали, говнюк, у меня язва в желудке, нервы ни к чёрту, и трясутся пальцы с бодуна! — резковато перебил Джонни полицейский чин, — Ну чего встал? Тебя при

попытке к бегству изуродовать?!

Джон, естественно, не стал искать в словах и действиях копа смысла, просто пошёл, куда велено, не спеша и не оборачиваясь. Коп, соблюдая почтительную, но убойную дистанцию, двинулся следом. Джонни медленно и осторожно двумя пальцами достал из кармана ключи, широко открыл дверцу и, заранее протянув руку в приглашающем жесте, обернулся к мужику с дробовиком.

— После тебя, сынок. Вынь ключ и залазь... теперь перелезь за руль... пристегнись... ключ в замок зажигания... умница, положи руки на руль, а рожу отверни к окошку, обернёшься — я не виноват.

Джон уставился на фасад здания полицейского участка, размышлял о горькой судьбе заложников полицейского произвола и прислушивался к пыхтению толстого копа. Наконец раздался скрежет, затем лязг пассажирской двери, и писклявый голос толстого.

— Заводи мотор...

— Можно, я стекло опущу? Жарко ведь...

— Только немного... Поехали... да повернись ты на дорогу, даун! На Шаморскую трассу, загород, только правила не нарушай.

Джонни послушно аккуратно вёл угнанный фургон под дулом психопата в полицейском мундире. Дуло снаружи было никак не разглядеть, а фуражку на больной — голове вполне, и на многочисленных по нынешнему тревожному времени постах постовые провожали фургон форменным подхалимским отданием чести.

Джону это немного льстило, но его начали одолевать нехорошие мысли. Повинуясь указаниям чина с ружьём, он вёл фургон к памятным развалинам заброшенного пригорода. Ну, если этот толстый извращенец имеет ввиду близость с Джонни, он её получит. Джон зло усмехнулся — вряд ли она принесёт тому радость, только б чуть ствол отвернул. Но коп уверенно держал парня в луче разлёта картечи, не сокращая дистанции.

Когда повернули на знакомый просёлок, Джон воодушевился — они ехали к учебке! Только б её ещё не совсем закрыли...

— Эгхм, её, кажется, совсем не закрыли, — подумал Джон, остановив машину у не понятно откуда взявшегося шлагбаума ещё утром отсутствующего здесь блокпоста.

Он вообще-то не вполне материализовался — имелся только завал из мешков с песком и пулемёт на станке, но персонал с винтовками уже присутствовал и поблажек никому не давал.

Ну, не хотел давать. Военный подошёл к водительской двери и в приоткрытое по летнему времени окно потребовал выйти из машины для досмотра. Джон уже решил, что всё благополучно обошлось, однако коп знал секретный пароль, — где нюх твой, Карл? Или твоему папашке капральские погоны жмут?

Карл махнул кому-то рукой и смешно сделал ружьём. Шлагбаум открылся по привычному уже полицейскому волшебству.

— Сыны опоры нации в первых рядах защитников Родины, — наверное, подумал, что объяснил фокус псих с ружьём.

Проехали уже знакомые Джону две сотни метров к ставшему за последние полгода родным плацу, и коп перешёл на нормальный язык, — Припаркуйся вон там, где машин нет... Окно закрой. Глуши мотор, ключ держи в руке. Теперь молча любишь видом и ждёшь... Вылазь... закрой машину... и к тому дому не торопись и не оглядываясь!

Тот дом — это бывшее школьное здание, что вполне устраивало Джонни, и он, почти

спокойно пройдя известным маршрутом, без подсказок направился к дверям канцелярии. За спиной одобрительно засопело, Джон вошёл в знакомое помещение и, открыв рот, уставился на улыбчивую Люси. Она тоже, открыв милый ротик, вытаращила прелестные глазки за спину Джона на полицейского с дробовиком.

— Оформляй, доченька, бойца, — с одышкой пропищало из-за Джонниной спины, — сам сына доставил, боится служить, аж смешно!

Люси истеричным хохотом выразила полное с ним согласие.

И ничего смешного, Родина в это тревожное время по всегдашнему своему обыкновению никого веселить специально вообще не планировала. А удивляться или ржать — конституционные права всякого свободного такийского гражданина, покуда они не мешают ему исполнять его почётные обязанности отдавания священного долга.

Поэтому оторжавшись Люси по инерции мило напоследок улыбнулась, нацепила на личико конторскую скуку и сухо проговорила:

— Бумаги, рекрут.

— Какие, Люси? — не понял Джонни.

— Все, что есть, рекрут, — устало скрипнула девушка.

Джон вывалил на стол предписание Джонни Ха-ня, справку о службе в добровольных силах поддержки правопорядка на собственное имя, свою неагрессивную характеристику и ещё нечитанную характеристику Стива с переломом челюсти. Люси брезгливо двумя тонкими пальчиками взяла предписание и углубилась в изучение, бросив, не поднимая головы:

— Офицер, вы свободны. Пропуска.

— Какие? — растерянно пискнул коп. Он сразу подобрел весь, увидев, что предписание в надёжных официальных руках.

— Ваш и на машину, если вы не пешком пришли, — Люси подняла на него посерьёзневшие глаза.

— Так ведь полиция ж... И я начальник участка, вот его доставлял, а он...

— А он с предписанием, — пресекла полицейский лепет Люси, сняв трубку с настольного аппарата. — Дежурный, проникновение в расположение, кажется, с оружием...

— Да пешком мы с трассы напрямик через лес, доченька, насилу нашли! — залебезил полицейский и обрадовано вспомнил. — Вот в лесу, видать, я и обронил пропуск-то!

— Правда? — протянула Люси в сомнениях, — вроде бы сегодня я никому пропусков не выписывала...

— Забыла, доча, заработалась!

— Возможно, — согласилась Люси, положив трубку обратно.

— Доченька, мне бы позвонить, машину из участка вызвать..., - просительно залопотал полицейский чин с дробовиком.

— Телефон для неслужебного использования в офицерском клубе, только его ещё не открыли. Придётся подождать, — рассеянно посоветовала Люси, что-то записывая на первых страницах почти чистого толстенного грощбуха.

— Обеденный перерыв? — предположил коп.

— Не, на ремонте. Вам, наверное, будет быстрее поймать попутку на пропускном пункте, где вы должны были останавливаться при въезде на территорию. — Деловита забормотала девушка, открыв чистую папку. — Там ещё пулемёт и шлагбаум. Шлагбаум от пулемёта отличается окраской и размерами...

— Спасибо, доченька, отличи как-нибудь, если увижу. Так я пойду? — коп полностью осознал, что здесь ему не у себя.

— Джонни, передай офицеру пропуск, — протянула Люси бумажку.

— Возьмите, господин офицер, — Джон обернулся к толстому. Тот принял пропуск, далеко протянув над дробовиком руку.

— Всего хорошего, офицер, — профессионально улыбнулась и врезала по скоросшивателю девушка — образцовый клерк.

— Угу, служи достойно, сынок! — наконец-то попрощался коп. Так и не решившись повернуться к Джону спиной, обширным задом нащупал дверь и покинул кабинет, задев дробовиком дверной косяк.

— Это кто был? — облегчённо вздохнув с Джонни за компанию, нормальным своим голосом, как ни в чём не бывало, спросила Люси, продолжая канцелярские манипуляции.

— Псих, — пожал плечами Джонни.

— Полицейский, — согласилась Люси, не отрываясь от работы.

— А что ты ему позвонить-то не дала? — удивился Джон.

— Отключили аппараты, когда учебку закрыли. А сейчас включить не могут, блин, проводов не хватает. Недавно за ними в город отправились... — Люси не сдержала смехок, — лесом!

Джон понимающе улыбнулся ей в ответ — ближайший от родных развалин лес находился в десяти километрах, если по прямой.

— Машину ты угнал? — деловито обронила Люси.

— Ага, пригодится, есть бланки для опечатывания? — спросил Джон.

— Пригодится... бланки есть, но без печати, хотя тебе-то без разницы? — улыбнулась девушка. — Так, за солдатской книжкой придёшь с фоткой, вот тебе требование на обмундирование, это на бельё и гигиенические принадлежности, эта на котловое довольствие, эта на табачное, направление в санчасть отнесёшь. Где что искать за день не забыл?

— Не-а. А в какой я команде? — уточнил Джон.

— Да хрен пока знает. Занимай лучшую койку в любой казарме, — Люси сурово насупилась и передразнила копа, — Служи достойно, сынок!

Служба — это серьёзно, и Джонни соответственно устраивался на новом старом месте, максимально используя свалившееся на него счастье. В прошлый раз его тушку перекапывали через борт армейского грузовика и за ноги отволокли в санчасть лицом по совершенно незнакомой местности, и ему как-то ни о чём не думалось. Да и не о чём было думать, в общем-то, Джонни просто тащился от прогулки без приключений. На этот свой заход в армию он спокойно вышел из здания штаба сборного пункта, так оно нынче называлось, и раздумчиво оглядел окрестности. Джонни не спеша обдумывал диспозицию и план компании, исходя из разведанных и оценивая стратегические резервы. Первым делом он аккуратно снял с угнанного фургона номера, пока их просто не отодрали, и «опечатал» дверцы, капот и крышку топливного бака. Подставил под оси фургона кирпичи и выкрутил ниппели из колёс.

В расположении всю готовились к ремонтным работам, что ему лично ничего хорошего не сулило, но имелись-таки плюсы в виде подвозу стройматериалов. По указке бешеного копа Джон припарковал машину прямо на площадке, где их, видимо, запланировали временно размещать. Джон это такое совпадение расценил как указующий перст судьбы, и в мозгу его сами собой оформились требования к казарме и собственно койко-месту. Правильно поставленная задача уже содержит половину решения, а вторую половину Джонни просто вспомнил.

Сходил в гараж, пользуясь временной неразберихой, напялил на себя чей-то комбез и, уже никого не таясь, проследовал по выбранному месту жительства с кувалдой на плече. Боец на хозработках — как и должно быть в условиях масштабного ремонта. Джон решил не терять время организационного периода, максимально обеспечив себе в будущем свободу маневра — отодвинул койку от кирпичной стены в облюбованной казарме и в десяток замахов её разбил. Ну, не полностью, сделал дырку от пола примерно себе по пояс. Приладил в неё подпорки из обрезков досок, снаружи как раз строительные леса лепили, и этого добра было в достатке. Сходил одолжить растворчику, затем забил в щели кирпичные осколки и, нанеся последние мазки, оценил содеянное. Стена выглядела вызывающе эротично. Устыдившись своих ассоциаций, Джон завесил получившийся проход подходящей под цвет стены тряпкой, и придвинул койку на место. Оставалось с одной стороны убрать мусор, а с другой сломать мебель.

С другой стороны стены располагалась умывальня. Там у стены стоял шкаф под хозяйственный инвентарь, вообще не препятствие, если выкрутить несколько шурупов из его задней крышки. Из помещения было два выхода — невозможный и невообразимый. Окон в помещении не было, только продухи под низким потолком. Тот памятный прыжок арестанта из полицейского автобуса, Джону, спустя полгода подобных упражнений, уже не казался чем-то необычным. Ну, из автобуса-то Джон так прыгать без крайней нужды не стал бы, но казарма ж никуда не едет! А выходят продухи как раз на площадку, где фургон припаркован.

О невообразимом выходе думать не хотелось, но следовало на всякий непредвиденный случай помнить и о нём. Дело в том, что помещение было не только умывальней. Под ней имелся резервуар, который заполнялся через отверстия в дощатом помосте, а опорожнялся через дырку на пустыре, со стороны тыльной вообще глухой внешней стены. Джонни видел там работающую ассенизаторскую автоцистерну. Полный нехороших предчувствий он

подорвал пару досок помоста, вытащил из них гвозди и поставил на место.

Управившись и слегка умаявшись, Джон решил отвлечься на ожидаемую от него активность. Сдал на хранение гражданку, получил обмундирование, бельё и прочее необходимое. Нагрязнул в столовку с официальным визитом и встретил там Харпёра — вот радость-то! Джонни встал на котловое довольствие и как пропустивший обед и друг кашевара был допущен к самим котлам. Джон вычищал их хлебом, на дне как обычно оставалось довольно подливки и суп таким черпаком весь не выскребешь. А Харпёр жалился на горькую судьбину. Если парни направились ясной дорогой к героической гибели на полях сражений за счастье Такии, его будущее было туманно. Когда всем выдали справки о прохождении службы, лейтёха Ха-рис попросил задержаться — не отправлять же ребят голодными! Потом офицеры смотались куда-то по делам, а Харпёр мастерил что-нибудь на ужин. Вот смастерил, они как раз вернулись, слопали его стряпню и обрадовали несказанно. Они оказывается стали офицерами мобилизационного сборного пункта, а бывший начальник школы с лошадиной мордой мобилизационным комиссаром с особыми полномочиями. Этот сивый мерин мобилизовал толстого в столовку на время организационного периода с котловым и прочим довольствием и оплатой в размере СУКа (стандартного уровня компенсации).

Джонни, заморив червячка, преисполнился оптимизмом и поделился им с Харпёром, ему толстому ничего не жалко. Действительно, при еде и без битья уже двое суток — чего ещё, спрашивается, надо? А тут ещё и старый товарищ неподалёку, на которого можно положиться. Ну, ведь толстый помнит? Харпёр помнил всё очень хорошо. А что у него в добавок к фургону с вискарём и куревом, опытом, знаниям и смелым замыслам ещё и дружок прямо у жратвенного котла обнаружился, Джон толстому рассказывать не стал. В радости тоже нужно соблюдать дозировку.

* * *

Вступив в войну, военно-политическая элита Такии со стыдливом удивлением обнаружила, что к войне страна совершенно не готова. Более того, они не были готовы просто воевать, что, согласитесь, несколько проще, чем вести настоящую войну даже до пристойной капитуляции. Стратегический план 33 (забомбить и запинать) забуксовал уже на первой 3. Самолёты летали, как им и было положено по фирменной гарантии, и бомбы надёжно разрушали, калечили и убивали, но их, всё же, было явно недостаточно для отбитых войной этарских голов.

Этары дрались за своё небо, как черти, вырвавшись из ада. Технически они, конечно же, ничего путного создать не могли, по мнению экспертов ведущих такийских концернов и авторитетных такийских же антропологов. Но на бешеном этарском фанатизме их истребители, теряя на лету крылья и двигатели, сбивали до сотни высотных, тяжёлых, хорошо вооружённых машин каждый карательный налёт.

Хорошо хоть Этарх не мог строить свои самолётики быстрее, чем промышленность Такии выпускала бомбардировщики. Очевидно, что требовалось резко усилить удары по Этарху, чтоб он вообще не мог ничего строить. Что и было сделано, но уже через месяц стала ощущаться острая нехватка пилотов и штурманов. Если пилотов ещё можно было мобилизовать из гражданской авиации, то штурманов, знакомых с местной спецификой не

было вообще. А просто грамотных не было пока.

Ну, как-то при такой развитой системе безопасности полётов не подумали, что самолёт может заблудиться. Даже джудийцы до конца не отдавали себе отчёта, с кем они связываются, изо всех сил втягивая Такию в войну. Союзники натурально опухли, когда им пришлось в штабе воздушного флота объяснять его командующему, что самолётчик таки может заплутать. И прямо уговорили его принять рекомендации летать с их штурманами плотными группами, а то на все самолёты даже у них штурманов не хватало.

И в спешном порядке готовить кадры, чтоб ни в коем случае не допустить ослабления ударов по Этарху. Ведь, казалось бы, простое решение — забить на первую 3 и перейти сразу ко второй — тоже пока было неосуществимо. Для десантной операции требовалось господство в воздухе, вообще не достижимое без задалбливания этаров. Простое превосходство едва поддерживалось джудаянским героизмом и тем, что ВВС Этарха были вынуждены воевать с кое-кем ещё.

Но и такийский героизм тут помочь не мог, его сперва требовалось тупо довести для начала хотя бы до Джудии. С такими потерями в грузовом тоннаже его можно было частично доставить примерно за год, правда, оставшись почти без торгового флота. Требовалась зачистка океана от этарских волчьих стай, что без сверхусилий экономики и уничтожения промышленного потенциала Этарха грозило затянуться на годы.

Что ж, решили тогда умники в штабах и кабинетах, для начала попробуем просто воевать, а войну вести пока не будем — идёт она как и куда хочет. На них бомбы не падают, торопиться некуда, вот сначала организуем охрану коммуникаций, начнём с организации охраны конвоев. Резервисты стрелять научатся, их, вообще, много чем полезным можно занять — армия дисциплинирует, а тем временем тупо бомбить...

Спустя годы неприятнейших открытий представители военно-политической элиты, листая альбомы студенческих фотографий, перебирая дипломы и грамоты старейших и почтеннейших учебных заведений, грустно недоумевали, нафиг они потратили столько лет на всю эту хрень? С какого бодуна они со своими просвещёнными бошками в академических париках влезли в вот эта вот? В чём причина их тогдашнего массового академически клинического отупения?!!!

* * *

Причина неадекватности элит всех планет и эпох — бесконечно далеки они от народа (тм). Были бы проще, могли спросить у Джонни, яркого представителя народа. Вот он считал естественным удивляться всему непонятному и никогда не стыдился чего-то не знать или не понимать. Спросить же можно или самому подумать, если спрашивать опасно. А с неготовностью к войне ему совершенно нечему было удивляться, тем более стыдиться, — даже пятке головоногого ясно, что ни у кого ещё не получалось подготовиться к чему-либо, о чём не имеешь ни малейшего представления. Как он мог об этом судить? Как всегда, молча — чтоб прийти к таким выводам, ему даже рот не пришлось открывать. Ну, кроме самого первого одного раза. Зашёл он в облюбованную казарму, а там три мужика в майках, трико и шлёпанцах на кровати у окошка в карты играют. Один в очках, другой с бакенбардами, третий просто с умной мордой. А на окошке занавесочки! Обернулись к нему и заржали, не поздоровавшись. Джон уподобляться не стал, вежливо поздоровался с людьми. Он ещё

думал, что, возможно, пойдёт с ними в бой. Мужчины покивали, пригласили в компанию. Один любопытствовал, давно ли он здесь, другого интересовало, где и чем тут кормят, третий догадался спросить, как его зовут. Джон представился и надолго закрыл рот, за ненадобностью.

Господа резервисты любили читать газеты, как и все их знакомые. Так они даже счастью своему не поверили, что перед ними сидит настоящий живой человек, сроду газет не читавший. И не был Джонни неграмотным, он даже в школу ходил. Только туда сперва как-то перестали ходить учителя, а потом и все, кому жизнь дорога, обходили школу десятой дорогой. Там у банды Джона база образовалась. Очень, кстати, удобная база, большая, и маты в спортзале кожаные. Но вот начало Континентальной войны они не проходили, потому он считал, что война на континенте была всегда. Ну, когда Джонни убрался из родного городка, узнал, что война за океаном, а когда началась, не счёл нужным уточнять. Наконец-то умные люди рассказали, что война идёт уже три года, и что это хорошо, депрессия почти кончилась. А будет ещё лучше, потому что дармоедов и коммунистов скоро поубивают, они победят, и всем будет счастье.

Полученная информация была, как овёс — фиг переваришь, а толку пшик, только пучит. Но и её требовалось как-то усвоить. В тот раз Джона выручили неотложные дела, он же из столовки перед походом в санчасть заскочил привести себя в порядок после трудов праведных. Там же девушки, а он даже непричёсан! Дело у него намечалось пустяковое, направление отдать, но Джонни очень удачно подготовился — сумел произвести выгодное впечатление, и к нему была проявлена высочайшая девичья благосклонность. Попросили помочь в переносе тяжестей. В тот раз действительно помочь, а не перетаскать самому, в санчасти ошивался военный водила грузовика и гражданский в почему-то синем халате.

По ходу совместной работы разговорились, и выяснилось, что таскают они оборудование для фотолаборатории и рентген кабинета, а сам рентген привезут, хрен его знает когда. Чему гражданский был только рад, потому что оказался мобилизованным рентгенологом и фотографом по совместительству. Ему, одинокому, предстояло снять патриотический порыв анфас, профиль, и он ожидал, что в ближайшие дни скучно ему не будет и без рентгена. Джонни искренне ему посочувствовал и предложил посильную помощь. Мужик тут же полез знакомиться, типа раньше было некогда. Сказал, что зовут его Дэн, и помощник ему очень нужен, а он научит Джона своему ремеслу. Ну, попытается, — внёс Дэн поправку на не слишком героический облик Джонни. Джон представил себе, сколько ещё собеседников по призыву набьётся в казарму к вечеру, и решил задержаться в санчасти. Вечером девчонки шустро привязали ему на ногу лангетку, дали костыль, попросив не бросать его при посторонних, и оставили проверенного кадра в своём распоряжении. Джонни, конечно, обрадовался ещё одной точке опоры в изменчивом военном мире, явка лишней точно не будет. Закончив дела, поужинали дружным мобилизованным коллективом и разошлись по лечебным койкам. Всё так хорошо складывалось, что Джон сдуру дал волю любопытству и задал тот роковой вопрос.

— Дэн, а почему надо убивать коммунистов?

* * *

На третий день душевной беседы, если считать от задавания вопроса, Джонни очень

хорошо уяснил, что такое политика, политические убеждения, почему следует сперва поинтересоваться каких взглядов его собеседник. Чтоб не задавать таких вопросов коммунистам! Тем более таким убеждённым и разговорчивым. Уяснив всё, что смог, о коммунистах, он решил сделать в общении с Дэном паузу. Забрав собственноручно отпечатанную свою карточку, Джон навестил Люси. Она ему обрадовалась и сразу принялась жаловаться на совершеннейшую ерунду. Типа, вокруг сплошной дурдом при невменяемых санитарах. И что нового?

А ничего. Провода привезли и подключили, но не так или вообще не туда — коммутатор полыхнул. Поехали обратно за связистами, потом связисты поехали за новыми проводами и ещё за чем-то. Вот только что починили, блин! Сразу позвонили из какого-то штаба, не понять чьей мамы округа, вывалили на неё кучу приказов и ей, Люси, объявили взыскание в размере СУКа за то, что не докладывала ежедневных сводок по призыву.

— Но ты ж взаправду не докладывала! — встал за справедливость Джонни.

— Вот так, да? Забирай свою книжку, рекрут, кругом и во вторую дверь налево. Там поумничаешь, — закруглила Люси беседу, загадочно улыбнувшись.

— А надо? — засомневался Джон.

— Очень! — подарила она парню ещё одну очаровательную улыбку.

За второй дверью налево Джонни встретил незнакомый, очень серьёзный моложавый офицер. Джон предъявил удостоверение, расписался в журнале и прослушал коротенькую вводную лекцию-инструктаж об опасности коммунистической пропаганды. Джон пообещал офицеру немедленно докладывать, если что, и, наконец-то, был отпущен. Покинув кабинет, Джон подумал, что Дэн не так уж и не прав, хоть и дурак, конечно. Более-менее разобравшись с военными перспективами и коммунизмом, Джонни отправился на КПП, разьяснять полицейское волшебное заклинание.

Ему повезло застать на посту Карла, Джон легко узнал его по выражению придурковатой преданности на лице. То был нормальный с виду парень, но обернулся, узнал Джонни... и он его сразу вспомнил.

— Карл? — уточнил он на всякий случай.

— Так точно, господин Ха-ня! — обрадовался тот как родному.

Джонни припомнилось, как его назвал нездоровый полицейский чин. Спohватившись, Джон достал солдатскую книжку, открыл — точно Джон Ха-ня, блин!

— Что вы, господин Ха-ня! Папа ваш, когда уезжал, рассказал, что лично вас служить доставил. Такой патриот! А вы домой? Я-то ничего, как вам угодно, папе вашему моё почтение и...

— Что?

— Может у вас случайно пропуск имеется? Я б с радостью отметил только, и всё.

— А я и не знал, что пропуск нужен! Но ты, дружище, не переживай, я тебя подводить не стану.

— Очень вам благодарен, господин Ха-ня!

— Правда? Тогда зови меня Джоном, хорошо? И, Карл...

— Да, господин Джон? — выразил Карл преданность вплоть до готовности к самопожертвованию.

— Не рассказывай никому про папу. Ты меня вообще не видел. Лады? — спросил Джон, с какой только мог серьёзностью. Лицо Карла неуловимо смягчилось, фигура отекла в положение «вольно».

— Лады, — человеческим голосом ответил принявший нормальный человеческий облик Карл.

— Бывай, — простился Джон с новым другом, направляясь обратно в расположение.

— Пока, — услышал он задорный голос паренька.

Джон решил, что хватит с него впечатлений за день и был даже согласен послушать Дэна в уютной фотолаборатории. Но, увы — жизнь военная непредсказуема, и пришлось ему хлебнуть мудрости от господ резервистов.

Сборный мобилизационный пункт был поражён вспышкой унтер-офицерской инфекции. Как у них водится, сами собой повсюду появились сержанты в самых тяжёлых формах. Джон был остановлен одним из них за не отдавание чести и направлен на работы в сборном трудовом отряде бойцов, назначенных в провинившиеся. Джонни возражать не стал, раз сержант считает, что он виноват, ну и пофиг. Отряд под командой унтера стадом протопал к ближайшим развалинам. Там уже кипела работа. Бойцы разбирали завалы, стаскивали обломки в кучи, грузили самосвалы. Умные резервисты приступили к труду, Джонни занял оборону, прислонившись к стенке в тени. Бойцы неодобрительно поглядывая на него критиковали его гражданскую позицию, взывали к патриотизму и любви к Родине.

Джон благодарно внимал мудрость народную почти в полной уверенности в том, что с этими людьми он в бой не пойдёт. Оставались лишь сомнения по поводу сержанта. Тот тоже наблюдал за Джонни, ожидая, видимо, пробуждения его совести. Или внятной реакции бойцов на этакое хамство. Но вызывающая сцена неприлично затягивалась, разлагая только зарождающуюся воинскую дисциплину. Сержант решительно подошёл к Джону и презрительно властно скомандовал, — встать!

— А то чё? — брезгливо бросил Джонни, как сплюнул. Этот человек в военном мундире рассказал о себе всё, что могло быть ему интересно, одним только словом. Просто произнеся его. Джон с неожиданной теплотой вспомнил Цербера. Вот бы порадовался бродяга его поведению! Молча.

— Да я! Тебя! В трибунал! — продолжил смешить его клоун с сержантскими лычками.

Джонни одним упругим движением встал и пошёл прочь, не оглядываясь.

— Стоять! Фамилия! Из какого он отряда? — заверещало сзади, безнадёжно проваливая тест на профпригодность. Осталось только проявить острую интеллектуальную недостаточность, что недоунтер не преминул сделать. Джон зашёл в проходную парадную заброшенного дома. За спиной решительно затопало, и он запустил обломок кирпича через плечо, на звук, самому было интересно.

— Хм, точно в тыковку, — подумал довольный собой Джон, проверив у контуженного сонную. Жить будет. Споткнулся, упал, ударился, с кем не бывает?

Но это ему было, в общем, уже не очень важно. Для полной уверенности оставалось взглянуть на офицеров. Но если предположить, что сержант — это аналог их инструктора, Начальника школы с лошадиной головой разделить на Цербера и умножить на этот ноль без сознания... с этими людьми он на войну не пойдёт. В принципе он мог идти куда угодно, поэтому уже добровольно отправился обратно, в расположение.

— Хм, опять доброволец, блин, — усмехнулся про себя Джонни, — только на этот раз почти настоящий.

Ага, с этими людьми он воевать не будет! Джон в военное время искренне считал, что армия не обязательно означает войну. Утратив романтические иллюзии об армии вообще, Джон перешёл к практическому в ней разочарованию. Он вообще паренёк практический, понятия не имеющий о том, что страдания могут быть моральными. Не грузился, короче. Первым его затруднением стало место ночлега, нелегка ж ты, жизнь добровольца! По его возвращению в санчасти не нашлось свободных коек. Патриотический порыв обернулся повышенным уровнем производственного травматизму рядового и даже унтерофицерского состава. Дежурная милосердная сестра «страшно» округлив глазки, поведала Джону полную драматизму историю нападения на сержанта «каких-то бомжей», пробития его героической головы с выворачиванием карманов. Он ещё без сознания, бедняжка!

Джон её успокоил, что для сержанта это нормально, и пошёл было в фотолабораторию, но его снова тормознули. Оказывается, она — режимный объект, по инструкции её на ночь требовалось закрывать, печатывать и, сдав ключи под роспись, валить спать. А где спать мобилизованному Дэну в инструкции не говорилось. Он оказался даже в худшем, чем Джон, положении. Тому по мобилизации хотя бы койка в казарме полагалась. Джонни как раз застал Дэна под открытым небом у входа в санчасть за оцениванием этой несправедливости с позиций научного коммунизма. Хотя и затейливо у него получалось, но слишком громко, и девчонки совсем не обязаны были слушать такие выражения от ещё не раненного пациента. Джонни, памятуя инструктаж, пресёк коммунистическую пропаганду в расположении, предложив Дэну, во-первых, заткнуться и, во-вторых, следовать за ним.

Проследовали они для начала в столовку, где вкусили от радушия Харпёра хлеба с тушёнкой, и одели Дэна в ещё не замызганную форму толстого, оставив тому синий Дэнов халат — ему на кухне без разницы. Форма у Томаса была ещё добровольная, но в сумерках это несильно бросалось в глаза. План у Джона был, и был он, как сам Джон, прост в своей народной гениальности. Он за суетой в санчасти «забыл» отдать направление, оставив себе на всякий случай официальный повод заглянуть к девчонкам. А тут вспомнил, что рекруту после сдачи предписания до получения солдатской книжки положена только эта фигня. Вот Дэн с 8:00 до 19:00 останется мобилизованным специалистом, а с 19:00 до 8:00 побудет только что прибывшим рекрутом Джоном Ха-ня. Ну, пока чего-нибудь получше не придумают.

Приведя организмы в потребное душевное состояние и пристойный внешний вид, парни спокойно прошли в облюбованную Джоном казарму, но Джонни просто не узнал совсем недавно оставленного гнёздышка. Сначала какой-то перепуганный идиот в положении «смирно у тумбочки» отказался их пропускать, на идиотском, конечно, основании что свои все дома, и вообще «местов нет».

Дэн засмутился и хотел уходить, Джон не поверил и, остановив его за шиворот, принудил следовать за собой. Судя по роже идиота, в его обязанности входило только предупредить, а что будет дальше, ему самому было интересно. Заинтригованный Джон проник в спальное помещение и таки смог оценить сюрприз. Резервисты не обманули его ожиданий даже с некоторым перевыполнением. Коек не хватало, потому что избранный Джоном уютный уголок стал ещё уютней — его огородили кроватями, у стенки поставили топчан, за которым дружная компания защитников Родины предавалась азартным играм с распитием алкоголя. А на освободившемся пространстве вне тесного круга расположились менее доблестные защитники Отечества- на полу у стеночки.

Дэн замер в дверном проёме, судя по его глазам, стараясь запечатлеть в памяти

историческую картину, типа, для потомков. Ну, фотографу простительно, а Джонни решил не лезть к военным со своим уставом, просто подошёл к людям, поздоровался, и присел на коечку. Даже успел сказать, что его зовут Джоном, люди всё были незнакомые. Что тут началось! Джону потом сказали, что это называется дедовщиной — нападать на незнакомоего человека. Даже не так — эти уроды априори ставили себя выше всех, и... чтоб им, попытались указать его место! В армии!!!

Эти фраера дешёвые вовсе не собирались с ним драться — они начали его избивать, даже не допуская мысли об оборотке. Хотя и естественно отвечать обидчику и нападающему, но в уставе порядок ответов не фиксирован. «Ударили по правой щеке, подставь...» плечо, хук в печень слева и апперкот правой — эта догма для спортсменов. Джонни, творческая натура, не был связан условностями. Поэтому, не попав Джонни в репу, верзила-заводи́ла сразу озадачился двумя вопросами: Куда он девался и что за истошный вопль? А он «упал» с койки на плечи, поджав подбородок к груди, в падении врезав коленом в нос соседу слева. Согнувшись упругой пружиной, Джон резким прыжком с плеч вернулся в тесный круг. Он предпочёл ближний бой — Джонни-крыса тоже не стал с ними драться. Просто уродовал.

Удар в висок, чей-то бесстыжий глаз выскочил из орбиты и растёкся по стенке, укол щёпотью под подбородок и удар локтем. Отбросив ненужную пока её владельцу челюсть, разбить стеклотару об одну голову, располосовать щёки на другой... Эти неряхи ещё и столовые приборы по столу так некстати разбросали. Им по выздоровлению следовало сброситься на памятник Церберу — он сумел вбить Джону в голову разницу между реальным боем и учебным. Простой Джон-крыса никогда не оставлял за спиной живых, а так — простой бытовой травматизм, несильно выдающийся на фоне производственного. Шум не успевшей толком разгореться битвы почти сразу перешёл в финальную фазу «вопли раненных и стоны мертвецов». Пора было делить трофеи и осваивать завоёванное жизненное пространство.

— Дэн, иди сюда, не стой столбом! — сказал Джон человеческим голосом, поразив господ мирных резервистов, — Мужики, помогите навести тут порядок. Пожалуйста.

Мужики быстро отошли от чисто культурного шока и спора, но без суеты приступили к ликвидации тяжких последствий дедовщины. Травмированных отволокли к дверям санчасти, дальше тащить смысла не было, как не было свободных лечебных мест. Из казармы выкинули мусор, замыли кровь и расставили кровати. Но их всё равно не хватало, и дедовщина продолжала быть, только наоборот. Осталось двое не покалеченных вот только что привилегированных бойцов, и они приступили к уборке умывальни «до утра, а утром посмотрим, топить ли вас сортире, уроды», по выражению Джона. Он действительно ещё не решил, как быть с этим интересным явлением «дедовщина».

* * *

При первых лучах солнца, задолго до подъёма, Джон по давней своей привычке всё делать быстро проснулся, как включился, прогнав из сознания остатки сна, подгрузил «неотложное утреннее дело» и немедленно приступил. Подошёл к храпящему Дэну и, зажав ему рот ладошкой, закрутил преизрядную «сливу». Предупреждая неуместные реплики, помаячил перед его ошалевшими глазами кулаком и, удостоверившись, что глазки Дэна

собрались в положении «в кучку», шепнул, — одевайся, быстро, но тихо.

Сам по-солдатски сноровисто облачился, помог гражданскому снарядиться и повлѣк его за собой в умывальню. Там, спокойно оправившись и умывшись, с достоинством верблюда, внимающего погонщику, проигнорировал Дэнов возмущѣнно недоумѣнный понос, дождался его иссякания с надеванием штанов и перешѣл к главному вопросу. На цементном полу один «дед» во сне продолжал радоваться жизни, аж ножками сучил. Его товарищ по счастью выражал ликование вызывающим храпом. Джон освежил в памяти основные тезисы: пленные в умывальне, исследовать явление «дедовщина».

Ну, так всё прям здесь сейчас и исследуем! Для начала поздравил с началом нового радостного дня пленных оккупантов своей армии на своей же территории. Продублировав приветствие пинками, Джон не сразу добился от них осмысленной реакции.

— Как успехи, засранцы? — задал Джонни деловой настрой.

— Дык, всё вылизали! До рассвета не разгибались, начальник! Всё в порядке, командир! Под утро тока вот сморило трохи! — наперебой загомонили бойцы, тараща преданные, правдивые и заспанные глазѣнки.

— Всё-при-всѣ в порядке? — вкрадчиво уточнил Джон.

— Всѣ! — ответствовали мужики в голос, как отрезали.

— А это почему? — удивился Джон, пальцами приподняв пальцами доски помоста.

Мужики потерянно судорожно сглотнули.

— Я вам что обещал? Вот если хотите ногами вперед... — не успел договорить Джон, — «спускаться».

Но его неправильно поняли. Храпевший напал на Джона, а сучивший попытался пронырнуть между досок, едва Джонни его успел за ноги поймать, перенаправив отчаянный рывок храпуна фронтом в стенку. Роли, таким образом, определились, и Джон донѣс до трупы мизансцену.

Дело было в том, что тогда ещё притопив сослуживца, он слишком поздно догадался поинтересоваться, достиг ли он дна. Парень сперва был без сознания, потом в шоке, отойдя от шока, ещё очень долго ни с кем не разговаривал, а когда оклемался, заявил, что не помнит нефига. Вот до сегодняшнего момента другой возможности замерить фарватер у Джонни не было. Тот, что поздоровее, ухватив пугливого за руки, опустил его в щель. Он, явно не понимая задачи, поджал ноги. Пришлось опустить ниже до контакта задницы с жижей. Поняв, что терять уже в принципе нечего, исследователь вытянулся, но длинны его и рук второго номера было недостаточно. Пришлось Джону взять на себя роль страхующего, ухватить здоровяка за ремень и пропихнуть его дальше головой в пространство под помостом. Потом ещё чуть подвинуть, потом ещё... Когда он едва не выскользнул из башмаков, снизу пробулькали об обретении опоры.

— Давай, Дэн, теперь ты, — обрадовал Джонни приятеля.

Дэн непонимающе воззрился на Джонни.

— Ну чего тебе непонятно? Как ты из казармы в таком виде выйдешь? Это ж вечером никто не обратил внимания, что форма не твоя и вообще не наша! А сейчас же на раз спалишься! Давай, Дэн, вниз, там немного пройдѣте, тебя говнолаз подсадит, вылезешь уже снаружи и спокойно пойдѣшь в санчасть.

— Джонни, если я в санчасть весь в говне приду, никто ничего не заметит, да? — Дэн, судя по отчаянному мотанию головой, всё очень хорошо понял, но не хотел.

— Ой, да скажешь, что обделался — с кем не бывает? Если тебе страшно, давай помогу!

— Если ты мне поможешь, я из этой ямы не вылезу ни за что!

— Жить там будешь? — удивился Джон.

— Не буду! — сурово отрезал Дэн.

Джонни ласково печально посмотрел на товарища. Так рисковать из-за каких-то какашек! Принципиальный, коммунист, сам ведь недавно говорил, что жизнь — дерьмо. Ладно — он хотя бы придумал и предложил, а выбор, конечно, за Дэном.

— Давай тогда этих вытащим, что ли? — сердито пробурчал Джон.

Вытаскивать наверх двоих Джон счёл лишним, потому, лишь вытащив при помощи Дэна из щели самую широкую часть второго номера, первому было предложено подниматься самостоятельно и без стеснений. Кого ему уже стыдиться? Тот резоны принял и вскоре уже сам помогал товарищу высунуть из щели голову.

— Теперь идёте в санчасть. И что там говорите? — напутствовал их Джонни.

— Обкакались, — понятно дружно ответствовали резервисты.

— Так валите, засранцы! — дал команду Джон.

— Отделение, подъём! — заорал кто-то за стенкой.

* * *

Утро нового дня официально по-военному начиналось с зарядки. Только Джонни с Дэном этот момент как-то упустили, не сочли достаточно важным и спокойно прошли вслед бегущим сломя головы бойцам. Что явилось их первой роковой ошибкой. Все очень спешили на плац, стремясь занять местечко получше, то есть подальше от начальства. Опоздавшим пришлось становиться в первый ряд.

Вторым роковым стечением обстоятельств стала личность сержанта, проводившего гимнастику. Та самая, прибитая кирпичом на топот из-за плеча Джонни. Чело высокого начальства украшала пламенеющая гуля, а очи пылали радостью узнавания. Джон его тоже узнал и сперва даже удивился. Вроде бы ещё вечером был без сознания! Хотя не факт, что оно его вообще когда-либо навеждало.

Но зарядка закончилась, и Джон быстро соскучился. Вместо того, чтобы отпустить бойцов на санпроцедуры и завтракать, это военное чудо принялось молча прогуливаться рядом с Джоном, юмористически на него поглядывая. Он столь откровенно поглядывал на Джона, что был заподозрен в нездоровых наклонностях и, учитывая облик Джонни, дурном вкусе. Джон со скукой следил за его эволюциями. Ну, сколько можно-то? И чего он так пялится? Он же ему здесь, а равно в любом другом месте, ничегошеньки сделать не может! При народе не посмеет, уединяться с Джоном тоже не фонтан. Единственное, что интересовало Джона, сержант — дурак или извращенец? Скорее первое — решил Джон. Предположить совмещение Джону не позволяла забитая в подсознание почтительность к мундиру. Их честным, просолённым потом и кровью гимнастёркам! Разочарование постигло Джона из-за гражданского Дэнова поведения.

— Господин сержант, разрешите... — не смог он договорить, получив от унтера под дых. Но подышал, и, не осознав драматизму и торжества момента, снова взялся за своё.

— Господин сержант, разрешите обратиться! — прохрипел Дэн, разогнувшись.

— Лечь! Десять отжиманий, — откликнулся военный, не отрывая пламенного взора от конопатой личности Джона.

Джон позволил себе неуверенную улыбку, пытаясь высказать сержанту дружелюбие. Но тот был настроен с явным предубеждением и, приблизившись вплотную, подколотым змеем прошипел, — Чего лыбишься, урод?

— Господин сержант, мне срочно нужно в санчасть! — возопил Дэн, закончив упражнение. И накликал-таки беду на свою гражданскую бестолковку — сержант обратил на него пристальное внимание.

— Боец, это на тебе что такое?! — изумился унтер, уставившись на Дэна, как на привидение. Ну, костюмчик был великоват в ширину и слегка коротковат, но для новобранца дело обычное! В чём дело-то?

— Ты вот в этом сюда пришёл?! — изумлялся сержант, — У тебя не хватило ума получить нормальную форму?!

— Не успел, господин сержант! — выдал легенду Дэн, — мне ещё в санчасть надо сдать направление!

— Дай-ка на него взглянуть, боец, — протянул руку сержант. Джону стало тоскливо за Дэна, лучше б ему эту бумажку сожрать, но он отдал её сержанту-придире...

— Ой! Выдано первого апреля, а сегодня какое? Ты уже пятый день так ходишь, чучело? — не поверил сержант.

— Так точно! — добил себя Дэн.

— Тогда ты арестован, сволочь! — с наслаждением проговорил сержант, доставая пистолет из кобуры, — руки за спину! Кругом... вперёд марш!

И повёл куда-то несчастного фотографа и рентгенолога без койки. Но хоть от Джонни пока отвлётся, правда, он, нужно отдать ему должное, совсем был этому не рад. Джон недоумевал, почему он не изъял у барана оружие, даже мысли не допускал, что тот вооружён? А больше всего Джона убили комментарии бойцов.

— Шакалу шакалья смерть! — вякнуло сбоку. Джонни бешено обернулся на голос, но дурак был не прошибаем для взглядов любого накала, и продолжил, — явиться в честную армейскую часть в своей шакальской форме! Тупой, поганый карате... — оратор сложился от резкой боли в промежности, задохнулся от внезапной деформации диафрагмы и размашисто ударил носом асфальт плаца. Три раза.

— Это не его форма, — объяснил Джон недоумевающей публике свою реакцию. Публика с виду сочла объяснения достаточными. Повидали уже фокусов от маэстро.

Вот мы кто для них, потерянно думал Джон, а Харпёр-то сколько мундир таскал! Ну, сука сержантская! Ладно, с ним потом, что получается? Новобранец Джон Ха-ня в мундире карателя отправился на армейскую гауптвахту. Парнишка, что выпрыгнул из автобуса, был в нашей форме! У Дэна так точно не получится... бедняга! Дерьма он испугался, блин! Делать-то что? А! Буду надеяться, а пока подменю его в лаборатории, чтоб потом поменяться, если что.

* * *

Джон верно рассудил, где следует дожидаться Дэна — с гауптвахты никто не мог миновать санчасть, как традиция такая. Забегая вперёд, спешу и в кнопки не попадаю успокоить сострадательного читателя, что Дэн с губы вернётся. У менее сострадательных прошу прощения за натяжку — сам понимаю, что персонаж эпизодический и пора бы его

пользуясь случаем того. Но импонирует мне чем-то этот человек, циник, как всякий настоящий рентгенолог-коммунист, и романтик как коммунист-фотограф. Нефига не способный управлять собственной жизнью, Дэн был уверен, что знает, как следует управлять историей народов. Джонни, напротив история народов была фиолетова в крапинку, а жизнь, пульс народный он считывал чисто рефлекторно. И не из одних лишь гуманитарных соображений он занял оборону в фотолаборатории, санчасть, кстати, и была предназначена для мониторинга народного пульса.

Итак, Джон, позавтракав и забрав у толстого синий Дэнов халат, покинул столовку через служебный вход уже с монтировкой. Ему показалось неудобным каждый раз беспокоить дежурного из-за ключей в фотолабораторию. Нафиг её закрывать, если итак каждый вечер положено печатывать? Медперсонал к появлению Джонни отнёсся радушно и укоризненно, дескать, где его носило? Где Дэн никто не поинтересовался, и вовсе не из чёрствости, просто по определению думалось, что он, конечно же, в лаборатории. А Джон как всегда слоняется по санчасти, типа по поручению, и болтает с сестричками.

Девоньки поделились радостью — почти готова их общага. Ну, дом заброшенный отремонтировали специально под это благое дело. Джону стало стыдно — мог бы и поработать для девчонок-то. Разговорившись, он понял, что стыдиться ему как обычно нечего — общага для девушек только почти готова, а офицерский клуб и сержантское общежитие уже и полностью. Даже свет и воду дали. Дело, конечно, нужное, даже необходимое. Но вроде бы сделал дело — маршируй смело, переходи к боевой подготовке. Однако, судя по производственному травматизму, дел оставалось непечатый край. Хотя, справедливости ради, нужно заметить, что не все травмы были совсем уж производственными.

Возглавил почётный список ударенный сержант — пострадал от рентгену. Последним, что успел сделать Дэн до своей командировки, стала установка и подключение рентген-агрегата. Джон осмотрел его с интересом и опаской. Аппарат подключали те же люди, что и телефонные провода. Очень хотелось опробовать, но никакой подходящей кандидатуры в испытатели в голову не приходило — всех было жалко. И как раз является сержант, успевший удариться повторно и неоднократно уже в столовке. Сдав Дэна под арест, он поспешил за Джоном, но тот видимо увлёкся завтраком. Не обнаружив его в столовой, сержант нагрянул с инспекцией на кухню, больше, по его мнению, Джону прятаться было негде.

А Харпёр, уже привыкнув к жизни без битья, высвободившееся от побоев время использовал для самообразования — изучал инструкцию по кухне. Интересно ему было, за что же он так долго страдал и были ли для того юридические основания. Вот дошёл он до параграфа «...посторонним, а так же всем прочим в повседневной одежде строжайше запрещается...», и тут как тут посторонний, да ещё и с хамскими вопросами и наглой мордой. Чуткую, жалостливую душу Харпёра просто достали голодные попрошайки, кроме Джона, конечно. В руку Томаса сам собой лёг удобной ручкой увесистый черпак и вечный дежурный, не вдаваясь в знаки различия и мотивы вторжения, приступил к выдаче допайка.

Отоваренный сержант явился за медпомощью, был узан Джоном, и направлен его наущением на флюорографию — типа сестричке не понравился цвет его лица, особенно под глазками. Джонни скромненько из кабинки управления дал испытателю последние инструкции — куда встать, к чему прислониться, сказал «не дышите» и опустил рубильник. Говорить «дышите» было уже не зачем, да и некому фактически, а рентген-агрегат

загорелся. К счастью огнетушители в санчасти были исправны, быстро ликвидировав возгорание, Джон волоком вернул сражённого рентгеном сержанта на исходную позицию в приёмной, типа он только что пришёл. Как с пожара весь в пене прибежал и упал на последнем издыхании. Ну, такую свою официальную версию озвучил Джонни дежурной сестричке.

— Как сержантам-то не везёт, Господи! — жалостливо и непонятно воскликнула сестричка.

Джон попросил с этого места поподробнее. Оказалось, что сержант, доставленный в санчасть без сознания, был другой, он так и лежит. Голова у него кружится и тошнит беднягу. И он такой не один, с ним ещё трое потерпевших, но их сегодня отпустят. На них действительно кто-то напал в развалинах — избили и обобрали. У сержанта пропали деньги, часы и пистолет.

— Совсем совести у людей нет! — воскликнула девчушка.

— Ага, — задумчиво кивнул Джон, — совесть у него пропала раньше.

Джонни направился взглянуть на страдальца чисто из интереса, и его чуткость получила заслуженную награду. В комнатке временного стационара, кроме травмированного, обнаружился Карл, боец с КПШ. Пришёл навестить раненного товарища.

Джон встрече обрадовался, Карл удивился, но виду оба не подали. Джонни буркнул, что пора свиданку закруглять и, вообще, делом надо заниматься.

— Вот ты, пойдём, поможешь, — обратился он к Карлу, уходя.

Карл изобразил вынужденную покладистость и пошёл следом. В фотолаборатории Джон усадил нового приятеля за рабочий стол. Со словами: «А мы кофейку сейчас», налил воды в прибор для стерилизации инструментов и нажал на клавишу пуска. Заметив недоумение Карла, Джон объяснил, что до фотолаборатории здесь была обычная процедурная, только её перенесли, а стерилизатор не перенесёшь, потому что розетки запрещены, чтобы персонал на себя ток не мотал. Вот и стерилизуют тут всякое, ещё и за кипятком постоянно лазят, достали блин.

— Да ты не думай чего, всё стерильно, фирма гарантирует, — попытался Джон снять напряжение каламбуром, доставая банку растворимого кофе, одолженную Харпёром из офицерского довольствия.

— Ага, а ничего, что там вон то плавает? — опасливо спросил Карл, указывая на медицинский инструмент.

— Ну, ты даёшь! Они ведь железные! Получай, — протянул Джон приятелю кружку. Достал из стола кулёчек сахара, — угощайся.

— Спасибо. А ты? — Карл его немного стеснялся.

— Кружка одна, давай по очереди.

— Тогда ты первый!

— Ладно. А ты, раз рот свободен, расскажи, как твоего сержанта угораздило.

— Да напали и всё. Что тут рассказывать? А ты что тут делаешь?

— Приятель попросил подменить, надо ему, — уклончиво ответил Джон, прихлёбнув из кружки.

— Правда, настоящее кофе?

— Правда, можешь поверить. На слово, — усмехнулся Джон.

— Да ладно тебе, не жадничай!

— А ты не ври. «Просто напали», — передразнил его Джон.

— Как ты кого-то просто подменяешь! Меня бы кто-нибудь так попросил, блин!

— И не вру я, вовсе, Дэн бы меня точно попросил, если б успел. Арестовали его.

— Фотографа? Штатского?! — не поверил Карл.

— А на нём не написано, блин. Дэн с моим направлением попал, случайно. Так что я его здесь подменяю...

— А он тебя на губе?! Ха-ха-ха! — развеселился Карл.

— Уф, тебе кофе сделать? — Джон допил из кружки, — тогда не трави мне тут про Дэна. Давай про сержанта.

— Не — сперва про Дэна. А ты кофе-то наливай, раз обещал... Ага, спасибо. Как тебе удалось повернуть такое?

— Случайно, конечно. Я б специально и не взялся, наверное, не понимаю ж тут ни хрена. Рентген-аппарат вон поломался, а как его чинить?

— А ты сам бы поменялся с кем-нибудь, кто понимает?

— Хм, с тобой что ли?

— Не. Братишка младший со мной служит, вот он головастый, только убьют его в жандармерии.

— Где?!

— Джон, у тебя точно папа полицейский? — насторожился Карл.

— У мамы моей спроси, — не стал врать Джонни.

— Ха-ха-ха! Жандармерия у нас полевая, за военным порядком следим.

— На губе тоже ваши?

— Конечно.

— Дэну помочь можно?

— Можно. Если братика пристроим в лабораторию.

— Ладно, Карл. Только два условия. Во-первых, Дэн через неделю должен быть здесь, живой. Иначе тебе трындец. После братика, его первого ухайдакаю, — по-дружески душевно предупредил Джон.

— Я почему-то тебе верю. Сказать почему? Твой отец не полицейский и уж точно не капитан Ха-на.

— А я никогда и не настаивал. Однако вот моя солдатская книжка, — пожал плечами Джон.

— Да хоть десять, блин! Ни один полицейский никогда не станет выручать кого-нибудь просто так. Что взять со штатского? А ты и с меня ничего не потребовал. Но главное, ты не наркоман.

— А у копов все детки укурки? — усмехнулся Джон.

— У капитана Ха-на сынок по проверенным слухам... папка ему, говорят, даже права сделать постеснялся. Так он берёт чью-нибудь машину покататься, человек, не разобравшись, сразу заявлять бежит. А людям его задерживать, блин, отпускать, конечно, а потом самим на биржу труда из-за папы его...

— Нормально! Я, значит, на любой тачке рассекать могу!

— Блин, точно. Ты, похоже, многое можешь. Не всякого бы капитан Ха-на лично на сборный пункт провожал. В розыске?

— Да кому я нужен? Ладно, насчёт Дэна ты понял? За нарушение формы одежды больше недели не дают, я это точно знаю.

— Да, понял я, договорились. Придётся рискнуть, братишке ж так и так не жить, блин!

— Да в чём дело-то, Карл?

— В именах наших. Я, вообще-то, Чарли. А он Пол.

— И что?

— Мама нас Карлом и Паулем звала, как бабушка назвала. Она из Этарха родом, вот. Однокашник его развонил, так заедают парня.

— А ты?!

— А меня тоже. Только давай Пауля ещё до обеда сюда перетащим?

— Давай. Только сначала ты мне честно расскажешь, что вы такое в развалинах делаете, и из-за чего вас отоварили.

— Да сам же всё увидишь, раз ты вместо Пауля... ну, ладно-ладно, только кофе ещё угостишь?

— Запросто, начинай.

Карл начал издали. С любви к Родине. Собрались люди за её здоровье выпить, да кто-то выпивку уволок. Десять ящичков вискаря!

— Сколько?! — не поверил Джон.

— Ой, ну мы ж не сами собирались всё выхлебать! Вот взять их лагерь. Расположили его в развалинах, только развалины эти официально населённый пункт.

— Тоже мне Такию открыл! — фыркнул Джонни.

— Теперь смотри, сколько народу сюда пригнали. Им же скучно, вот работой их обеспечили. Сколько объектов всего восстанавливается? Сюда штаб округа переедет, расширяться они думают. И по мелочи всякого добра разместят. А дороги? А канализация, водопровод, электричество?

— И нафига?

— Блин! Да народ сам задарма всё восстановит, чтоб в отремонтированных очагах культуры бабло просадить! На одной работе жизнь не заканчивается, сам понимаешь. Развлекаться как-то народ норовит, да никто и не препятствует, наоборот.

— О-па! Это ж насколько земля подорожает?!

— Ни насколько. Скупили всё загодя кому надо, не беспокойся. Кто её сейчас продавать будет? Вот когда победим или наоборот... Просто представь себе, сколько таких городков в Такии! Сколько народу мобилизовано! И какого народу! Орлы — пробы ставить некуда, блин! Золотая молодёжь — для всех госчиновников в обязательку деток сдавать. Переаттестация началась везде. Главный анкетный вопрос — где сыновья?

— И много они навоюют?

— Да не жалко же! И деньги считать не приучены.

— А вы?

— А мы за этим зоопарком должны приглядывать. Хорошо, хоть нормальные тоже попадают. Слышал, что мобилизация пройдёт в несколько этапов? Отсрочка от призыва только на текущем этапе — штука баксов, нормально?

— Угу. Очень интересно. А по состоянию здоровья?

— Повторяю для тупых, отсрочка от призыва по состоянию здоровья...

— Ну, ни хрена себе!

— Да нам-то не один пень?

— Нам? Не знаю, как нам, а вот сержанту видимо аукнулось.

— Ага, только с другого боку. Понимаешь, бухать в расположении запрещено, ну и не пропускаем с бухлом, досматриваем, изымаем лишнее. Но бухать-то пока больше негде! Вот солдатики к нам обращаются иногда.

— Постоянно?

— Ну, да. Нормально всё было, мужики к нам с понятием, да и мы сильно не борзеем. Сержант у нас темой рулил в развалинах. Так, представь, в руинах этих кроме нас ещё крысы какие-то водятся!

Джон нехорошо посмотрел на приятеля. Не любил он это сравнение. Но Карл чуткости не проявил и продолжил. Бичи какие-то мутные их умудрились вычислить, проследить и окучить. Да аккуратно так — только вырубил и обобрали. А как вискарь упёрли, и не заметил никто!

— Это не крысы, — уверенно заявил Джон.

— Ангелы, блин!

— Может быть и ангелы. Но я тебе точно говорю — крысы бы не просто вырубил. Можешь мне поверить, — усмехнулся Джон.

— Эге, а ты в этом понимаешь?! Блин, батя мне говорил, тут шакалы до нас

располагались, типа учебка была. Вот бы хоть одного оставили!

— А батя не говорил, куда шакалы делись?

— Известно куда — на зачистку. Я ж тебе повторяю, сколько таких городков в Такии?

— Ага. Ладно, дружище Карл, веди Пауля, а после обеда пойдём знакомиться с твоими.

— И с твоими уже, Джон. Я сейчас вернусь, только ты не передумай, пожалуйста.

— Бегом, боец!

* * *

Карл резко стартовал, но вернулся через пять минут, когда Джонни уже задумчиво поглядывал на рентген-агрегат, подумывая, чем бы убить время ожидания. Карл видом своим являл загадочную радость и обещал неожиданный сюрприз тут неподалёку. Джон в сомнении положил отвёртку на место и пошёл за ним следом. Джон совсем не удивился тому, что тот привёл его в комнатку дневного стационара. Всё-таки без контуженого сержанта, непосредственного начальства Карла, вопрос не решался. Начальство, пребывая в явно болезненной задумчивости, морщась, проявило озабоченность.

— Э... боец, вольно. Пара вопросов к тебе...

Джон недоумённо воззрился на Карла, тот изобразил лицом настолько умильно умоляющую просьбу, что не улыбнуться было невозможно.

— Я сказал что-то смешное? — сурово возмутился сержант, не мог он с кровати видеть рожицу подчинённого.

А Карл, видимо, решив исправить ситуацию, судорожно попытался придать физиономии официальную серьёзность, с уклоном в жертвенную суровость. Джон прыснул, не выдержав. Сержант впал в ярость, Карл в отчаянье, и Джонни сам решил направить разговор в нужное русло.

— Расслабься, чувак, а то не выздоровеешь скоро и насовсем. Одна контузия у тебя есть? Мало тебе?

Чувак захлопнул уже раззявленную для начальственного ора варежку, сморщил анфас, размял губы и почти по-человечески улыбнулся.

— Эта, дружище, ты ж тут ренголик? — проговорило сержантское лицо человеческим голосом и получив подтверждающий кивок, перешло к деловой части собрания, — А скажика, правда, что с моей болезнью без рентгена никак?

Чарли усиленно закивал, едва не нагнав на больного сквозняку. Джонни, немного привыкнув к его ужимкам, смог солидно ответить.

— А как же, чувак? У тебя же голова! Пробитой башне рентген — первейшее средство. Рекомендую, дружище!

— Да я б обошёлся, ты скажи, это обязательно?

— Конечно! Как клизма с промыванием. Кстати, тебе ещё не делали?

— Не-е-е... Ты пока погоди с клизмой. Ты скажи, сломался твой агрегат? Чарли вот говорит, что поломался, и мне надо в госпиталь, а мне туда совсем не надо, понимаешь?

Джонни мысленно довольно усмехнулся, начав понимать механику Карла, — похоже, что повезло ему с интриганом.

— Ну, я не знаю... я могу пока не докладывать, что рентген поломался, но фельдшер всё равно потребует снимки.

— А ты ей какие-нибудь чужие дай, а мой боец тебе тут всё-всё быстро починит. Бесплатно!

— Не-е-е, бесплатно не получится. Как я скажу, что он тут делает? И нафиг оно мне?

— Бутылка вискаря, боец! Литровая! — перешёл сержант к сути вопроса.

— Совсем больной, взятки предлагать? — возмутился Джон, — И кто за твоего бойца служить-то будет?

— Но тебе ж, пока аппарат поломатый стоит, делать нечего? А если его скоро не починят, турнут тебя к быкам в общее стойло. Госпиталь же сюда скоро переведут с нормальным рентгеном, и нафиг ты нужен с поломанным агрегатом? — сержант попробовал быть убедительным.

— Ну и езжай тогда в госпиталь, всё равно ж скоро с ним обратно приедешь, — делано затупил Джон.

— Да нельзя мне! На моё место сразу другого назначат! — Вырвалось у сержанта наболевшее.

— Тогда ящик, — вынес приговор Джон.

— Да ты охренел! — обречённо прокомментировал сержант.

— Ага, с детства. Не напрягайся так, чувак, не жмись, готовься к клизме, — успокоил его Джонни.

— А без неё можно обойтись? У меня ж голова всё-таки болит!

— Нельзя тебе больную голову тревожить, а лечить как-то надо, — изобразил Джонни профессионализм.

— Ладно, ящик и блок «Палыма», но чтоб без клизмы! — вкнула жаба из глубин заболоченной сержантской души.

— Договорились. Тебя ещё не кормили? — проявил Джонни участие.

— Не, а что?

— Потерпи пока, промывание скоро...

— Два блока, но чтоб вообще без лечения! Договорись?

— Совсем без лечения нельзя, военная ж всё-таки медицина. Придётся хоть зелёной тебе башню намазать, я сейчас принесу. Заодно Чарли на укольчик отведу, а то истерика у него, кажись. Жадные вы в жандармерии! — укоризненно покачал Джонни головой.

Карл к окончанию торга стёк по стеночке в положение на корточках и, зажав двумя руками рот, в нирване ритмично тукался об неё затылком.

* * *

У ребят, облаченных сержантом высокими полномочиями, остающаяся суета прошла без сучка, но с задоринкой. Сходили на КПП за Паулем, он там исполнял самую тяжёлую работу, шлагбаум опускал за верёвочку. Так был нужен, его даже отпускать не хотели до вечера. Ну, Джон возражать не стал, мол, нет, так нет — он спорить не берётся. Придётся выпустить из санчасти контуженого сержанта на часок.

Так он и десяти шагов сделать не успел, как его догнали и прям таки всучили Пауля и пирожков в дорожку. Типа, домашние, одному мамка нажарила, вот сержанту с наилучшими пожеланиями. Делать было нечего, не отказываться же! Пришлось брать и Пауля в придачу, кстате, не зря — объединённые были пирожки, а сержант пожеланиями уже объелся.

Им же к питанию по военному времени нужно относиться серьёзно, а то вон Поли худенький какой задохлик, даже и не скажешь, что полицейский сынок. Потому первым делом дружной компанией направились в столовку к Харпёру пообедать и Пауля ему представить, надо же парню будет где-то кушать.

Толстый по Джонни толком соскучиться не успел, изобразить радушие у него не получилось, вот Джон и решил его сперва слегка порадовать — мол, зашёл попрощаться. Переходит на довольствие в жандармерию. Сюрприз удался, Харпёр, смутившись, забормотал, что будет скучать, и всю демонстрировал искренность. За поеданием третьей добавки второго, гуляш у Томаса как всегда удался, Пауль, наконец, проявил любезность. Отвлёкся от тарелки на общий вопрос, почему толстый Харпёр? Толстому вопрос пришёлся по душе, он аж переполнился собственной значимостью. Оказалось, что харпёр — зверёк, очень редкий в этих местах, но распространённый на родине повара. Он с детства научился их исключительно вкусно приготавливать, и когда господам офицерам надоели консервы, и они уже грозились пустить на салат для начала уши толстого, его выручил Джон. Добыл по описанию Томаса пару харпёров где-то в окрестных лесах...

Карл с Паулем вытаращились на невозмутимого Джонни. Ну, откуда было Томасу знать, где ближайший окрестный лес, если он из кухни вообще не вылезает? И ободранных кошек никогда не видел — редкие они в его местах. По мнению Джона, настал психологический момент свернуть разговор на окончательную Харпёрову радость. Он, положив руку на плечо вычищающего тарелку Поля, поведал толстому, что вот этот худенький юноша теперь за него.

— За троих тебя, — только и смог пролепетать Томас.

Джон выразил надежду, что это только поначалу за троих, попросил паренька не обижать, а то он, Джонни, сильно огорчится, если узнает. А что узнает, Харпёр может не сомневаться. Судя по грустному лицу Томаса, он и не сомневался. Оставив его в размышлениях первичности пищи духовной и суетной бренности избитых прописных истин инструкции по столовке, направились водворять Пауля в санчасть.

Джон счёл своим долгом задолбить малому, что сержант ему больше не начальник, и вообще, кроме Джона ему никто не указ. Но уж Джона он должен понимать даже не с полпинка, поскольку и полпинка Джонни ему будет многовато. Пауль недоумённо оглянулся на брата, но прочёл на его лице лишь серьёзное согласие с роковой неизбежностью сказанного.

— Так надо, брат, просто поверь, — необычно сурово напутствовал его Карл.

— Яволь, — неуловимо весь подобрался Пауль.

Вот такие они полностью соответствовали образу полицейских сынков, Джону это пришлось по душе, и он облегчённо отбросил сомнения в ребятах. Потому вживание Пауля в санчасть прошло у него легко и вдохновенно. Полю, удостоившись девичьего внимания, очаровательно смутился и алел высокими скулами. Джонни показал ему лабораторию, рентген-кабинет, вручил монтировку от входных дверей и на всякий случай, посоветовал не хлюздить, и, они, пожелав ему удачи, направились на дальнейшую защиту Такии. В жандармскую столовку, конечно, обед же пропустили за хлопотами.

По гениальному замыслу Родины каждый жандарм любому вояке становился личным врагом. Для этого военному достаточно провести недельку на гауптвахте. А учитывая шансы всякого военного загреметь туда с первого же дня службы, все военнообязанные буквально сочлились любовью к жандармерии. Потому и не было для жандарма разницы между суицидом и переводом в обычную часть. Этот естественный для себя момент Карл забыл уточнить Джону, и он, когда понял, как попал, перегрыз бы ему шею, да деваться уже было некуда, пришлось дружить с ним дальше. Ведь Карл имел серьёзные основания выполнить свою часть уговора — спасти Дэна. И способ был один — отстоять на губе весь Дэнов срок с Джоном на пару. Сделать это было несложно — к чести жандармов дежурства там они не любили. У них отчего-то всегда находились срочные, просто жизненно важные дела как раз на время дежурства, но начальство неумолимо. Оставалось взывать к состраданию сослуживцев, но и они сострадание толковали двояко. В общем, даже за деньги подмениться очень непросто. А тут и Дэна надо спасать, и Джону поначалу нужно поменьше мелькать в жандармской казарме, и отношения с ребятами улучшить на будущее.

Дежурства на губе, то есть истязание арестантов, выматывали жандармские души, и руководство всячески стремилось внести в процесс игровой момент. Каждое утро дежурные выбирали «виноватого» солдатика били и могли балдеть до вечера, пока арестованные на работах. Но! Вина должна быть логичной, неочевидной и новой. На вкус начальника губы лейтенанта Зо-на. В противном случае он сам назначал несчастного, а дежурные отработывали строевые приёмы, по очереди временами отвлекаясь на беднягу в одиночке. Карла с Джоном умничать не тянуло, вина Дэна была очевидной, его «добровольный» мундир, и всё шло, как по маслу. А когда начальнику губы это надоедало, и он закрывался в кабинете «вздремнуть», Дэна выпускали убирать сортир. Хотя Дэну сильно досталось в первый день, он вообще не понял, почему в армии так не любят губу — спи себе в одиночке, да гадай, что за бурая хрень вьелась в бетонные стены. Иногда ребята заходят поболтать — всё не так скучно. И кабы не эти туалеты, эх! Отоваривали его лишь при opravках — солдатикам было неприятно, что этот поганый шакал явно по благу устроился на дневную уборку сортира, когда честные арестанты надрываются на непосильных работах или воют под ботинками конвоиров.

Но удивлялся он всего неделю, а Джону с Карлом с губы бежать было некуда, их срок был пожизненным. Штатский коммунист-фотограф-рентгенолог Дэн стараниями друзей вернулся к защите Отечества, просто с губы ни к чему другому вернуться невозможно, а ребята, облегчённо вздохнув, резко поумнели. В свои дежурства они больше ни разу не топтали плац, а чужих им не надо, а то нашли дурачков!

В жандармерии Джон ужился без особых проблем. Карл, рассказывая о придирках, сильно сгустил краски. Не совсем такие имена послужили даже некоторым объяснением и оправданием общей неподготовленности ребят. Инструкторы говорили курсантам, что этих-то хоть уродиться такими угораздило, а остальные тупо филонят. Джон воспринимал инструкторские инсинуации, с теплотой вспоминая свои первые недели в учебке — после губы ему тогда показалось, что он попал в рай. А текущая ситуация больше напомнила школу в лучшие времена, когда там действительно чему-то учили. К подготовке жандармов Родина отнеслась со всей серьёзностью. Матёрые полицейские натаскивали их на силовое задержание, что Джону изначально было чуждо. Сама натура его бунтовала против одной мысли тратить на ликвидацию угрозы или устранение помехи лишние секунды жизни и ватты энергии. Но всякий опытный коп — прежде всего психолог, инструкторы

моментально прокачали его как типичную «крысу развалин». Удивляться не стали, армейский закон — жри, что дают, потому просто в подготовку Джонни внесли поправки. Он стал дежурным демонстрационным объектом силовых задержаний с разрешением делать, что в голову взбрёт. И стало до Джонни доходить, что главное-то, чтоб в голову взбрели нужные идеи в нужное время. И полёт упакованного Цербера носом в асфальт уже не вызывал недоумения, если предположить, что брали его ребята, похожие на инструкторов. И первой же идеей стало осознание, насколько ему повезло с такой ролью. Джон лопатой выгребал драгоценное инструкторское внимание на себя, а что огребался при этом, так ничего необычного в его жизни, в общем-то, не происходило. Тем более что обучение велось по определённому плану и под чутким общим руководством — главной его задачей было именно обучение, а не отсев. Ведь курсанты являли собой основную опору режима просто по происхождению. Это немного не касалось Джона, но это в свою очередь не касалось инструкторов, им интересно было играть с забавным зверённышем.

Простой вознёй с падениями игра не ограничивалась. Тренировки с оружием и скоротечный, внезапный огневой контакт — тема всеобщего помешательства. Что поделать — традиция! Рейнджеры, охотники за головами. Оружейная их больше напоминала коллекцию фаната стрелкового оружия, какой, в общем, и являлась. С той лишь разницей, что все экспонаты были действующими, и из них настоятельно рекомендовалось стрелять. Ну, кроме ухода, обслуживания и прочего. А сам огневой контакт отрабатывали на полицейской пневматике с резиновыми пулями — жалели их инструкторы, и гематомы с жандармских ляжек и задниц не сходили, как при многомесячном курсе внутримышечных инъекций.

Сильно выручало интенсивное кровообращение при частой смене впечатлений. И само собой физподготовка в извращённых полицейских формах. Джонни, вспоминая слова Цербера, как «его несли братья», добродушно улыбался. Они братьев вытаскивали, типа спасали, из условно заваленных подвалов, покорёженных автомобилей, горящих учебным пламенем, снимали их, понарошку раненных с высоты на верёвках. И верёвки эти совсем не понарошку — штурмовали макеты зданий «с крыши», лазили в заброшенные много лет назад туннели, подземные технические коммуникации, прежде всего в канализацию. Именно там Джон впервые опробовал и оценил костюм химзащиты. А где и в чём ещё тренироваться в применении боевых отравляющих веществ? Джонни в этом деле особенно преуспел, у него не оказалось ни малейших признаков клаустрофобии. Прочие фобии тоже почему-то не проявлялись, и он увлечённо отдавался учебному процессу.

Самое смешное, что на почти добровольных началах. Количество учебных часов квотировалось в общем, по отделениям, инструкторы считали по головам и «не замечали» подмен. Отчего так? Не все жандармы были, гм, жандармами — ну, угораздило родиться сыночком большого начальника, а дитё темноты боится, и боли, и высоты, и вообще всё «по...». Да и ладушки — время ещё на это тратить, пусть лучше нормальные пацаны потренируются. Служебные сутки, кроме тревог, включали в себя четыре учебных и шесть служебных часов. Вот Джонни и шёл навстречу отдельным просьбам поменяться с ним на время его стояния на КПП или обхода периметра. За малую чисто символическую благодарность. Джон по доброте своей жалел всех, единственным исключением стал Карл — его он всюду таскал за собой, и у них получалось восемь-десять учебных часов!!! Бедняга проклял день, когда не расстрелял нахрен машину с капитаном Ха-на и его «сыночком» на КПП как подозрительную и без пропуска.

Отдушиной для Карла явился жандармский клуб. Жандармы вообще жили по-семейному, демократично. Общались в своём кругу без излишков субординации, запросто, чужих там не было. В клубе играли в покер и на бильярде, инструкторы и сержанты позволяли себе пиво, но ребятам это дело усиленно не рекомендовали. Да им и без пива было за счастье наказать грозных полубогов на бабки. Игра, конечно, велась на деньги, и было бы Карлу совсем кисло, кабы не искренняя благодарность товарищей за посильную их с Джоном учебную помощь. А так парень дорвался до стола и самоутверждался во все тяжкие, потроша в шарики сослуживцев, пока Джонни скромненько обирал их в покер. Общение с полицейскими волкодавами уже повлияло на Джона, что-то пробудив в его душе. Они вскоре перестали снисходительно говорить ему, как другим курсантам: «Дай дядьке сыграть, малыш, притащи пока пивка мужчинам». Им стало действительно интересно играть с ним в блеф. Курсанты же отчего-то перестали задерживаться за его столом.

Джон с интересом поглядывал на бильярдный стол. Его увлекли интересные комбинации, неожиданные ходы. Он мысленно ставил себя на место игроков и радовался, когда они, как прочитав его мысли, воплощали найденные им решения. Но вот беда — он сроду не держал кий в руках. Его душа не вынесла терзаний и подвела к просьбе к Карлу научить. Тот понимающе хмыкнул, взял кий и повёл Джона к барной стойке. Положив на неё пустую пивную бутылку, предложил Джонни попасть кончиком кия в бутылочное горло, держа его без упора вот с такой дистанции. Джон принял правила и весь вечер тыкал палкой в дырку, добившись некоторых успехов. На другой вечер он смело подошёл к бильярдному столу, но был снова отправлен тренироваться к стойке. На вопрос, до каких пор? Карл ответил без слов, взяв кий и одним точным, мощным ударом выбив бутылке через горлышко дно.

Поняв, что это надолго, Джон пересмотрел своё жалостливое отношение к курсантам. Все служебные часы Карл стал исполнять обязанности за двоих, а Джон тренировался. Так что Карл даже обрадовался, когда через неделю Джон три раза подряд повторил его фокус с бутылкой и даже вознамерился продолжить занятия, усложнив задачу. Типа друг будет бутылки подбрасывать, а он научится разить их влёт. Карл сразу отрезал, что нафиг-нафиг, пусть бутылки кидает, кому заняться нечем. И в тот воистину исторический момент Карл предложил продолжить тренировки непосредственно за столом. Он, дескать, видал такой в одном заброшенном доме, надо только шариков добыть и пару киев.

Джон в тот раз попенял другу за халатное отношение к службе. Надо же — в развалинах отвлекаться на игры! Нет, они пойдут другим, честным путём. Будут тренироваться днём. Джонни договорится с инструктором по физподготовке, чтоб отпускал их за условную мзду, он же итак все нормативы сдал. А Карл скоро сдаст, никуда не денется, Джон в нём почему-то уверен. Карл спорить не стал, надо — так надо, только внёс уточнение. Они ж таким макаром могут все свои служебные часы конвертировать в учебные, и выкупить их у доброго инструктора. Получится недёшево, уйдёт почти половина их стартового капитала. А если учесть, что без служебных обязанностей доходы резко сократятся, то хотелось бы понять, нафиг оно вообще?

— А ты представь, как я однажды поставлю остальную половину на бильярдный стол, — мечтательно протянул Джонни.

Карл помолчал, потупившись, и, наконец-то решившись, махнул рукой:

— Ладно, хоть играть научишься. А что научишься — уж ты мне поверь! Уж я всё тебе припомню, курсант!

Но ребят выучила... гауптвахта! От дежурств на ней не отвертеться, топтать плац у них желания, само собой, не было, поэтому ребята каждое дежурство изошрялись в выдумках всем на удивление. Даже обратили на себя благосклонное внимание лейтенанта Зо-на, и с его позволения парней допустили в комнату отдыха. В ней они обнаружили бильярдный стол, и на Джона просто накатило вдохновение! Главным достижением его фантазии стал визит к начальнику гауптвахты с литровой бутылкой вискаря и маленькой просьбой поиграть в комнате отдыха в бильярд с заключёнными. Лейтенант бутылке обрадовался, особых возражений не высказал, лишь полюбопытствовал, зачем это понадобилось Джону и на что он собирается играть.

Джон честно признался, что играет лажово, а тренироваться у него денег не хватит. Вот если кто из арестантов ему проиграет, отправится в карцер, а коли выиграет подряд десять партий, пускай моет сортир до отбоя. Начальник посмеялся, одобрил, в общем, только сказал, что литряк в день даже для него многовато, достаточно двух пачек «Палыма» каждый день и литра в неделю. А Джонни со своим приятелем Чарли могут играть на губе, когда захотят и с кем вздумается, даже в не свои вахты.

Из-за пристрастия к бильярду у ребят пострадала репутация, даже жандармы их стали обзывать садистами. Ведь губа была одна на два сборных пункта и гарнизон города, дежурства выпадали по графику не чаще раза в неделю, а парни туда, мягко говоря, зачастили. Ну, не могли ж они рассказать, что просто тянутся к интересным людям! И впрямь попадались интересные персонажи. Не всякому отчаюге толщина кишки позволяла решиться на игру с такими ставками, ведь возмнившим о себе криворуким бездарям жандармы в отместку за даром потраченное время, вискарь и сигареты ломали пальцы, ну, кроме прочего. Зато настоящие мастера благородной игры весь срок на губе могли предаваться любимому занятию, попыхивая сигаретами и поглощая бутерброды с кофе.

Естественно, что одним бильярдом общение ограничиться никак не могло, и взрослые мужики с видимым удовольствием просвещали в жизненных и служебных вопросах фактически ещё пацанов. Ушлый Карл, прирождённый интриган, полицейский в третьем поколении, не мог нарадоваться завязанным знакомствам. Для Карла каждый был не просто собеседником — номером связного телефона, явочным адресом, глазами, ушами, и, конечно же, языком. Всякий коп немного мафиози, а коп наследственный просто врождённый организованный преступник. И не мог Карл понять Джона, не замечающего за игрой таких интересных вещей.

А Джонни стеснялся рассказать, что доигрался до глюков — он стал разговаривать с шарами. Мысленно, но, всё же, Джон к ним обращался, и самое стыдное — они отвечали. Причём всегда по делу и никогда не ошибались. На то, что с другом творится что-то необычное, Карл обратил внимание случайно. Просто проиграв ему партию. Ну, конечно же, случайно, — решил Карл и, естественно, выиграл. Потом, проиграв ему ещё раз, удивился не так сильно, решил, что слегка растерял форму с арестантами. Напрягся, форму восстановил и с ужасом убедился, что он не в состоянии выиграть у Джона не то, что партию, перехватить удар не может без его согласия. Как будто Джонни не решал задачи, но ставил их, как стихи писал или картины.

Однако радоваться было особенно нечему, Джон и так болтливостью не отличался, а тут стал не то что замкнутым, а как не здесь. Карл не мог понять его взгляда, глаза друга, ни на чём не фокусируясь, будто блуждали, с лица не сходила полуулыбка, он как тронулся. Попытка вывести его из транса обернулась печальными последствиями, Джонни просто

нейтрализовал Карла. Без лишней жестокости, но и совсем неласково. Карл был точно уверен, что Джонни не идиот, но и не прикидывается. Придурком он прикидывался в их жандармском клубе, изящно проигрывая в бильярд, спешащим свести с ним покерные счёты ребятам. К чему это Джон затеял, Карлу нетрудно было догадаться и мешать ему он не собирался. Просто по своей интриганской натуре хотел выжать из ситуации максимальную пользу при минимуме вреда. Здорово, конечно, что Джон оберёт сослуживцев в день выдачи денежного довольствия, но кто потом захочет с ними не то, что играть, просто разговаривать? И мысль Карла заработала над задачей, как бы отвлечь Джонни от бильярда. Клин клином вышибают, вахты на губе нужно сменить на службу на свежем воздухе, в развалинах.

Карл честно объяснился с другом и предложил выход. Джон по новой своей привычке рассеянно кивнул и сказал, как о уже свершившемся, — конечно, дружище, пойдём в развалины. Сразу после получки. А на губе нам действительно мельтешить больше незачем, не с кем тут толком поиграть. И правда, проигравшим арестантам они ничего больше не ломали, причём не из гуманизму — из справедливости. Джонни был согласен с Карлом, нужно возвращаться в реальность, играми да фантазиями сыт не будешь. Была у него одна настоящая мечта...

* * *

Мечта Джонни, конечно же, звалась Люси. Полагалось ему влюбиться по возрасту и по его воззрениям на жизнь настоящего мужчины. Чтоб обязательно была война, бедность и любовь. Почти по всем пунктам жизнь его соответствовала заданным параметрам, дело оставалось за малым, вот и не стал он заморачиваться с кандидатурой. Но влюбиться платонически, просто чтобы чувствовать в себе живое человеческое сердце, не погрязнуть в скотском отупении было хоть и непросто, но всё-таки менее хлопотно, чем уложить девчонку в койку. Как говорится, мечтать не вредно, если не стремиться к обладанию мечтой. А у Джонни из-за регулярного питания и распорядка дня начались гормональные проблемы, и все его успехи по большому счёту стали результатом сублимации древнейшей человеческой энергии. Но они же делали мечту вполне достижимой, что автоматически выводило её за скобки мечты. На то и мечта, чтоб была, волшебной и несбыточной, но с другой стороны для практичной натуры Джонни невозможное просто не существовало. То состояние, что Карл принял за лёгкое помешательство, было проявлением системного Джонова ментального противоречия.

Дело могло затянуться и развиваться в нездоровые формы, кабы не здоровый пример сослуживцев. Ребята громко хвастали успехами в этой области, ввали, конечно, но судя по их довольным ромам, враньё имело под собой реальную основу. В развалинах, даже восстановленную часть городка продолжали так называть, так вот там появился сперва офицерский клуб, второй по счёту после старого, но не по значению и размерам. А спустя некоторое время открыли центр отдыха для рядового и унтерофицерского состава. Порядок в обоих очагах культуры, как умела, поддерживала жандармерия, что в первом случае было бесполезным, а во втором бессмысленным. Выражалось это в том, что в офицерский клуб военную полицию вызывали лишь для протоколирования уже погашенных скандалов, а на солдатских танцульках хорошее махалово по умолчанию входило в обязательную программу

развлечений.

Джонни в принципе устраивали оба варианта, в бар офицерского клуба в жандармской форме пускали без возражений, там было намного культурней, но в клубные помещения он мог явиться только по вызову, и это слегка его унижало. А на солдатском дансинге могли сбить с романтического настроения, отвлечь своими предубеждениями к честному жандармскому мундиру. Странный народ — сколько его ни учи, обязательно същется что-то кому-то доказывающий перепившийся закомплексованный герой.

Вот оно, предубеждение это, едва сразу же не сгубило весь Джоннин план покорения Люси. Пришёл он к ней под вечер в канцелярию, а она его сразу не узнала. У жандармерии своя структура подчинения и канцелярия. А Люси, вначале его не узнав, вся напряглась, даже посуровела. Но разглядев смущённую физиономию Джонни, изумилась до зависания с открытым ртом и, наконец, как очнувшись, разразилась истеричным хохотом, тыча в него пальцем. Джон даже слегка обиделся — пусть фигура у него не эталонная, но костюмчик ловко подогнали под него, и сидел он как влитой. Ну не видел Джонни ничего смешного в собственном сочетании с жандармерией, военной полицией. Потому и смущаться не стал, сразу перешёл к цели визита. Спросил, что делает Люси с 19:00 до отхода ко сну?

— Да как всегда, Джонни, — ответила она, приходя в себя.

— Наверное, скучно? Надоело, небось? — посочувствовал Джон.

— Ты не представляешь себе как! — искренне пожаловалась девушка старому своему воздыхателю.

— Так может, отдохнёшь? Давай на танцы сходим? — внёс предложение Джонни.

Люси придавила его мрачным, даже немного злым взглядом. Пристально рассмотрев, как первый раз увидела, сказала со злой усмешкой:

— Отдохнуть, говоришь? Это можно. Сто баксов, жандарм.

— За танцы?! — не поверил Джон.

— За танцы отдельно, — жёстко отрезала Люси, и добавила притворно сочувственно — Дороговато, солдатик?

— Годится, — сказал Джон, поиграв желваками на закаменевшем лице, как ему представлялось. На самом деле просто выпятил подбородок и взмахнул ушами, вызвав улыбку Люси.

— Тогда подожди меня на крылечке, я тут быстренько закончу, — привычно поделовому распорядилась девушка образцовый клерк.

На крылечке Джонни спокойно не стоялось, и не от возбуждения вовсе. Он за две минуты ожидания успел три раза уйти гордо и четыре скромно, но всё ж таки возвращался. Понятно, что метался он мысленно в своей попутавшей душе. Сказочный мираж растаял, но мечта как, ни странно, осталась и сказала немного устало:

— Давай без танцев обойдёмся?

Джонни растерянно кивнул.

— Пойдём на остановку, представляешь, до нашей общаги автобус теперь ходит! — пропела Люси, беря его под руку.

— Ага, только заскочим к Харпёру, ну к Томасу в столовку. Ты его не знаешь, но он хороший, соберёт на вечер что-нибудь, — проявил Джон заботу.

— Да накормлю я тебя, не беспокойся! — засмеялась девушка, на них оглянулись.

На них, вообще поглядывали с интересом, особенно на Люси. На Джонни, особенно на его форму, глазеть избегали. Автобус развозил служащих утром и вечером по расписанию,

ждать его долго не пришлось, ехать тоже было недалеко, Джон и засмущаться не успел толком, как добрались.

Общага оказалась добротно отремонтированным двухэтажным домом с одной парадной, Люси протянула консьержке удостоверение, взяла ключи, они, поднявшись на второй этаж, очутились в чистеньком коридоре. Люси тремя щелчками отомкнула дверь, и Джон как в тумане прошёл за ней в прихожую.

— Джонни, ну что ты там застрял? — проговорила она из кухни, — иди сюда, помоги!

— Сейчас, разуюсь только, — хрипло отозвался Джон, никак не мог избавиться от привычки разуваться в жилом помещении, как мама в детстве приучила. Но голос ему перехватило не смущением. На обувной полке он увидел маленькие детские ботиночки.

В ту ночь Джонни плохо спалось, он ворочался с боку на бок, часто просыпался. Только под утро немного успокоился на бодрящем сквознячке, когда Люси в отчаянии выставила его за дверь, в чём был, выбросив недостающие вещи следом. Джон постоял немного в коридоре, но так и не решился начать с ней серьёзный разговор. Кричать ночью в женской общаге через дверь, да ещё и без трусов ему показалось некультурным. Среди разбросанных на полу тряпок трусы тоже отсутствовали, что было принято Джоном как добрый намёк и повод как-нибудь заглянуть. Одевшись-обувшись, чтоб не компрометировать Люси, воспользовался, как специально распахнутым окном в конце коридора, спустился по заботливо кем-то связанным простыням и направился к жандармской казарме.

Шёл он незнакомыми, но легко узнаваемыми, чистыми улочками восстанавливаемой части развалин. С каждым домом у него были связаны свои специфические воспоминания, в воображении сами собой всплывали схемы помещений, коммуникаций, способы проникновения от спросить, как пройти в библиотеку, до штурма с применением спецсредств. А равно основные, запасные, отсечные, ложные позиции в обороне, маршруты снабжения и отхода, наблюдательные пункты...

Джонни грустно себе попенял, — кого он пытается обмануть?

О чём же он пытается не думать, забивая голову ерундой? И чуть не заплакал, всё про себя поняв. Ведь на самом деле тогда ещё юный Джон не убежал из родного городка, таким, как он, бежать нужно, прежде всего, от себя. Джонни сам себе не признавался, что рванул он не от кого-то, а за... За мамой. Ему почему-то казалось, что он её непременно встретит, расскажет, какой он стал самостоятельный, и что за него совсем не нужно беспокоиться. И ей не нужно больше уходить, чтоб принести ему покушать. Только маму он так и не нашёл. Встретил Люси. Она тоже кому-то родному и беззащитному носит еду, как мама. И комок слёз в горле от жалости и нежности становится горше от понимания полной своей беспомощности.

Что он мог бы сделать для мамы? Что он может сделать для Люси? У него ничего нет, да его самого, по сути, нет, даже имя чужое. Он сам — призрак, его голос — эхо... Что он может ей предложить? Спать только с ним и бесплатно? А где? Джон усмехнулся, вспомнив, как она сказала «подожди на крылечке». Позвонила, чтоб присмотрели за её малышом или малышкой, как всегда. И общага эта, и весь многочисленный женский персонал предстали перед ним в совсем неромантическом свете. И Джон, обретя привычную циничность, неожиданно для себя почувствовал уверенность. Хотя, ничего неожиданного, конечно, в этом не было. Это привычный ему мир жестокости и алчности, где правят деньги и сила.

Успокоение пришло к нему, как всегда, с достижением цели — мысль о спасительной власти денег и страха принёс вид жандармской казармы. Он позволил тоске мотать себе

душу лишь по дороге, не мешая ему избегать неприятностей в виде патрулей и самовольщиков. Кем бы ни казался он Карлу, Джонни просто неспособен был на рассеянность, а тут и последние сомнения оставили его. Если раньше он просто не представлял себе лишних денег и сил, то с новых, моральных, его позиций их ему всегда будет не хватать. Ведь он уже не сможет не беспокоиться за Люси и её... Кстати, а кто у неё?

* * *

На другой день молодым жандармам выдавали их первое денежное довольствие, и за ним Джону требовалось идти в санчасть. Вернее не столько за ним, сколько за Паулем, официальным лицом его жандармской службы и носителем его жандармского удостоверения. На территории мобилизационного сборного пункта лучше всего подходила честная солдатская книжка Джона с нечестной фамилией, от которой никого не удивляла его жандармская форма при обычном с виду документе. Но в жандармской канцелярии засели форменные мегеры, начисто лишённые пиетета перед полицией, что неудивительно при их покровителях.

В санчасти Джон застал, не такое уж редкое, сочетание начальственного воодушевления и уныния рядового состава. Сержант почувствовал себя настолько хорошо, что вознамерился вернуться к командованию и расписывал перед Паулем ближайшие перспективы. Как, значит, во-первых, парнишка поймёт какво слать сержанта куда ни попадя, как, значит, во-вторых, Джонни, на которого парень постоянно ссылался, загремит на губу под его, сержанта, личную опеку, и, как, значит, в общем, им всем аукнутся ящик вискаря, два блока «Палыма», намазанная зелёной сержантская голова и, конечно же, злонамеренно поломанный ими рентген-агрегат. Коню ж морскому ясно, что специально поломали, раз сопляк сумел его так быстро починить!

Сержант так увлёкся речью, что не сразу заметил прибавления в аудитории. Джон спокойно слушал его, стоя в дверях рентген кабинета. Даже дождавшись сержантского вопроса Паулю, что же он выбирает между самоутоплением в нужнике и самозамешиванием в бетономешалке, Джонни не стал мешать развитию дискуссии. Поскольку Пауль-то его заметил, тоже очень спокойно взял из-за рабочего стола монтировку «на всякий случай», и, сочтя случай подходящим, с молодецким замахом отоварил ею сержанта в лоб.

Джон поздоровался с Паулем, проверил сонную у поверженного юным героем тёмного властелина, и они уже традиционным сержантским маршрутом отволокли пострадавшего в приёмное отделение. По немудрёной официальной версии он, злостно нарушив лечебный режим, покинул санчасть, на крыльце у него, видимо от высоты, закружилась голова, что привело к последствиям с осложнениями. Сестричка, ничему не удивляясь, занесла душераздирающую историю в сержантскую карточку и велела тащить его обратно «где взяли, блин!» Сказано — сделано, ребята восстановили статус-кво и наконец-то смогли спокойно расположиться за столом в рентген кабинете для обстоятельной беседы. Первым делом Пауль спросил, что с Карлом. Джонни удивлённо переспросил, — а что должно случиться с Карлом?

Пауль, смутившись, потупился, без слов объяснив Джонни, как он к нему относится. Ага, типа, с таким, как Джон, с Карлом может случиться что угодно. В принципе, вполне

заслуженное отношение, Джон не обиделся и успокоил парня, что с Карлом всё должно быть в полном порядке, и даже не знает, где он сейчас.

— Я что, сторож брату твоему? — важно изрёк Джонни, насмешливо взглянув на Пауля. — Кроме братской тревоги вопросы есть? Тогда моя очередь — что ты тут всё это время делал, малыш?

Малыш, успокоено вздохнув, доложил о немалых успехах. Кроме рентген-аппарата починено всё, что поломалось в ближайшей к санчасти округе и что было в личном пользовании у персонала. Так же установлены нелегальные розетки, подкручены счётчики, переключены какие-то линии и по-тихому прибраны ненужные пока провода и часть электрооборудования...

— Это ты как, парень? — обалдел Джон.

Парень, не смутившись, отвечал, что это он так по-большевистски. Дэн, собака дикая, неблагодарная, не успокоился в уютной казарме на тёплом месте помощника специалиста-рентгенолога, и успокоиться, как оказалось, не мог. Дэна ж не только Родина мобилизовала, но и его запрещённая партия. Прямо направила подпольного своего члена в армию для подрывной, конечно же, деятельности в виде пропаганды. Неудача с Джоном не остановила закалённого борца, и он взялся за Пауля, начисто игнорируя тот незначительный факт, что агитирует за свержение власти денежных мешков и полиции полицейского же сыночка. Пауль в дискуссии с истерикой впадать не стал, полностью с Дэном согласился, поскольку любая борьба в виде подрывной деятельности ему как полицейскому в третьем поколении очень близка. Вот теперь он член ВсеТакийской Коммунистической партии большевиков, ВТаК-па-бэ. Есть ещё Почтивсетакийская типа коммунистическая партия меньшевиков, но она неправильная, потому что легальная и против революции. Действительно, нафиг такая полицейскому? А группа товарищей под смертным, по военному времени, приговором, — другое дело. И каких товарищей! Рабочие золотые руки и технически светлые головы со специальным образованием. Ведь идея их, как понял Пауль, вообще простенькая — счастье дело техники. В чём он с ними полностью солидарен. Теперь их ячейка, из скольких членов Джону знать не нужно, занята созданием материально-технической базы вооружённого выступления. А выражается это в подгребании под себя различных материально-технических ценностей и вербовкой специалистов. Вот в этом Джонни с Карлом просто обязаны помочь революционерам, раз им так лихо удалось выручить Пауля с Дэном. Примерно тем же путём, а ячейка для них прям что угодно сделает. Джону политика была настолько фиолетова, что он полностью одобрил начинания Пауля и сразу перешёл к делу, повёл парня приводить в чувство и агитировать сержанта.

* * *

Привести в сознание сержанта удалось нашатырным спиртом с третьего разу, только капнув немного пахучей жидкости ему в рот. Сознание вернулось к нему с визгом удивления и нецензурной бранью, что было вполне ожидаемо ребятами, поскольку они подозревали симуляцию из-за нежелания разговаривать. Джонни терпеливо дождался, пока крикун не закашлялся, надсадив горло, и поинтересовался, как ему кажется, почему он до сих пор живой? Ведь Джону достаточно продублировать монтировкой и всё — если выживет, сержанта заслуженно признают официальным идиотом.

— Но ведь ты не идиот? — задумчиво уточнил Джонни.

Сержант придал лицу максимально возможную осмысленность и неуверенно кивнул. Джон молча, как бы в сомнении недолго его разглядывал и нехотя продолжил. Если сержант — не идиот, это очень кстати, потому что когда выяснится, что преступник в розыске, Джонни, уже месяц служит в жандармерии под его командованием, идиоту ничего не сделают. А умному сержанту светит перевод в армию, через особый отдел, конечно. И ему, Джону, придётся просто убежать. Он, кстати, может сделать это прямо сейчас, что-нибудь натворив напоследок. Может быть, ему так и поступить? Сержант этого не хочет? Отлично, Джонни согласен задержаться и срубить немного капусты. Сержант тоже не против?

Вот и хорошо, значит, он скоро вернётся в родной взвод и проследит, чтобы у Джона не было проблем. А то пришлют вместо хорошего, понимающего, даже любимого командира остолопа какого-нибудь, так сержант сам понимает. Понимает? Вот и пускай поскорее выздоравливает, и как только почувствует себя в силах, бегом возвращается в родную команду. А для его скорейшего выздоровления ему прописана клизма два раза в день, промывание желудка, и уколы внутривенно на усмотрение Пауля, чтоб даже лежать сука не мог.

— Чтоб сука понял, как дешёво тогда отделался, — добавил Джон, имея ввиду два блока сигарет.

И напоследок обрадовал беднягу, что всё время до завтра он может посвятить моральной подготовке с обдумыванием, им на его счастье нужно отлучиться. За денежным довольствием, конечно.

* * *

Пауль, получив в кассе деньги, честно отдал заслуженное довольствие Джону. Аж триста пятьдесят баксов. Как помнил Джонни, ровно во столько Родина оценивала полугодовую добровольную шакалью службу. От грустных сравнений он перешёл к совсем печальному сопоставлению жалования с ценой ночных услуг. Пауль, присвистнув, заявил, что не ожидал вот так запросто увидеть настоящего живого лоха. Цена вопроса — двадцатка за самые красивые глазки. А по сотне, может быть, берут только офицерские подружки, да и то не все. Но им это пофиг, потому что те девчонки никогда не свяжутся с солдатнёй. Джон уточнил, чем одни отличаются от других? Пауль ещё больше развеселился от его дремучести — офицерские-то все официально проверенные и на должностях, некоторые даже при погонах! А для солдатиков обслуживающий персонал и привозные, вахтовым методом.

Джонни, наслаждаясь моментом, спросил о девушках из штаба сборного пункта — они кто? Тут уже Поль без смеха удивлённо оглядел Джона и как про себя пробормотал, — тогда это любовь, которая действительно зла!

И хотел уже возвращаться в санчасть, но Джонни попросил его составить компанию. Ему показалось неправильным, если их с Паулем будут путать. Наглость — второе счастье, если они появятся вместе в жандармском клубе, никому и в голову не придёт, что они — два в одном.

Джон немного лукавил, говоря, что понятия не имеет, где Карл. Он был почти уверен — Карл в клубе на разогреве публики, время от времени проигрывает по маленькой инструкторам и сержантам. Проигрывал он больше из субординации, но и отчасти по злему

умыслу. Ребята глядя, как проигрывает Карл, распалились, уверенные, что уж они-то так не лопухнуться. И немедленно наказывались старшими товарищами за самоуверенность уже по крупному. Молодёжь пламенела ушами и горела очами, но всё равно пёрла на амбразуру. Полубоги, пряча усмешки, радовались удачному совмещению воспитательного процесса с профилактикой глупостей — ведь ясно же, что юнцы с деньгами способны лишь на глупости. Потому, когда старшие товарищи аккумулировали почти все наличные молодой жандармерии, никто этому не удивился. И как раз вовремя явился припозднившийся Джонни и подался к столу со словами, — а можно я тоже? Кто последний?

— Только ты, ещё с деньгами остался, золото моё конопатое, — грустно усмехнулся Карл, не сумев скрыть от Джона азартно блеснувших хитрющих глаз. Не просто ж так он способствовал сбору средств в промежуточных карманах. У него не было сомнений в том, что Джонни оберёт всех, поэтому он всё сделал, чтоб Джонни обобрал только инструкторов рядовым на радость. Типа, для торжества справедливости. А инструкторам их любить и по должности не положено.

Джон спокойно бросил на подставку для шаров полтинник, собрал шары в рамку и без особого блеска разбил. Инструктор-оружейник, улыбнувшись, положил свою денежку рядом и приступил к разделке. Мастер, на взгляд Джона, довольно неубедительно пару раз ошибся, и Джон «азартно наказал» дядьку. Тот потребовал отыгрыша и повторил шоу. Джонни цвёл торжествующей улыбкой, как от него и ожидали. Оружейник мог потребовать квит, но предложил удвоить. По его расчетам у сопляка больше и быть в карманах не могло. Джонни изобразил суровую решимость и, конечно же, согласился. Но на этот раз инструктор действительно лоханулся, к чести его, сам того не заметив, и Джонни просто выполнил необходимый для партии минимум. Что ж, и на старуху бывает проруха, никто не удивился. Джону снова предложили сыграть на квит, он согласился. Только теперь уже начиналось его шоу. Он выиграл с минимальным преимуществом, следуя золотому правилу — умеешь считать до десяти, остановись на семи. Полубоги повелись, не могли ж они предположить, что их разводит сопляк! Вернее, два сопляка. Седьмую партию Джон сдал, просто чтоб передохнуть. Карл сменил его на три долгих гейма, стараясь не столько выиграть, сколько максимально их затянуть.

Джон, передохнув, снова взялся за кий уже со спокойствием обречённого. Он знал, к чему снова приведёт его эта игра, ему нужно было лишь продержаться подольше. Пауль машинально добил четвёртую кружку кофе, не отрывая глаз от разыгранной драмы. Что-то в простецкой физиономии Джонни заставляло его вглядываться, стараясь понять, что же это? Игра света и тени, или ему не чудится в нём настоящий бес, какими их рисуют в книжках сказок бабушкиной родины? Джонни больше не отходил от стола. Он всё меньше уделял внимания тому, как выглядят его выигрыши, просто действуя самым прямым образом, без лишних затей и красивых финтов. Своих противников он знал достаточно хорошо и ставил перед ними самые неудобные задачи, выигрывая по большей части на их ошибках. Но некто живущий в его душе, как будто сам дух игры, требовал своего — насмешки, издёвки, размазывания по сукну. Карл видел, что друг на грани и, повинувшись тому же правилу о счёте до десяти, решил сворачивать шоу — незачем всем видеть странности Джонни.

— Чарли, а что же ты не сыграешь? У тебя, что ли, тоже кончилось лаве? — удачно завистливо подначил его свежесвыпотрошенный приятель. Молодёжь к тому моменту уже спокойно могла идти баиньки.

— С Джоном?! — изумился Карл, — да ни в жизнь! Все на Джона! С любым

противником! — вывалил он на карточный столик из карманов смятые бумажки, все заработанные ими деньги за месяц учёбы и спекуляций.

Народ разглядел, что это такое на стол положено, зашевелился как-то судорожно возбуждённо, а Пауль умненько вынул из кармашка блокнотик, ручку, записал «Пол До-ки — 100» и положил на свой стол сотню.

— Джон, а ты на себя ставишь? — уточнил азартный юный жандарм. Джон, уже рассеянно безразлично пожав плечами, выложил все выигранные деньги на стол Карла, — мы с ним на один карман.

— Сколько партий играешь? — уточнил рукопашник. — Три вывезешь? Поли, дружок, запиши мне на первую триста!

Пауль без улыбки принял деньги и записал инструктора. В банке Карла на кону первого гейма лежали две с половиной тысячи... Рукопашник передал кий химику, поставил ещё триста, а на столе Карла лежали четыре с половиной тысячи. К третьей партии ставка Джона и Карла уже равнялась восьми тысячам, и её вряд ли кто-нибудь мог достойно поддержать, со всех карманов наскребли несчастные три тысячи, но тут к собранию с почтительной просьбой обратился бармен клуба. Он вместе с выручкой внёс все свои деньги и взял кий.

Джону повезло, с ним ему почти не пришлось притворяться, парень смог побыть собой настоящим хотя бы четверть часа. Дядька оказался истинным маэстро, но ему не приходилось ещё в жизни встречаться с чудесами, и в духа игры он не верил. А Пауль заморожено смотрел на того, кто ему, не пьяному, не накуренному, просто не мог казаться. Победный дуплет от борта забил тот самый бес Этарха из бабушкиной книжки.

Зависла драматическая пауза, длимая, казалось с наслаждением всеми собравшимися. Люди как не хотели отпускать чудесный момент и время послушно затормозилось. Но пискнула чья-то юная душа, не вынеся молчаливого упоения, писк поддержали, и через мгновенье он превратился в рёв молодого бизона перед свиданием. Улыбались даже инструкторы, соглашаясь со справедливой ценой за такое шоу. За общим криком Пауль не сразу понял брата, проговорившего. — Ха! Теперь у нас есть с чем сыграть по-настоящему!

Игра по-настоящему

Игра по-настоящему началась с крупной взятки лейтенанту Да-на. Вообще-то, настоящая игра в понимании Джона — это реальная работа в развалинах и усиленная боевая подготовка. Джон считал стрельбу своим слабым местом, а о Карле и речи не было. Всего лишь за тысячу баксов лейтенант освободил Джонни и Карла от всякой ерунды, типа стояния на КПП и патрулирования, и дал свободный доступ на стрелковые тренировки. То есть в тир по желанию, а за отработкой огневого контакта — на тренировки любого отделения. Ещё тысяча ушла на репетиторов, главным из которых являлся сам лейтенант. Он согласился заниматься с ребятами в своё свободное время и попросил коллег подменять его, когда он занят. Но больше всех поразил лейтенант Зо-на. Освободить ребят от дежурств на губе никто не мог, и лейтенант Да-на рекомендовал парням, прежде всего, обратиться именно к нему. Дескать, лучше него в этом деле земля ещё не носила. Карл отнёсся скептически, а Джон напротив, вспомнил собственную карьеру мусорщика и с улыбкой рассеял сомнения друга. Тем более, что оговоренную мзду начальнику они продолжали платить, хоть и не играли уже с арестантами в бильярд. Зря, что ли, платят? Оказалось, совсем не зря. Робкую просьбу ребят он воспринял с азартом, сразу потащил их во двор, выдал им по паре травматических пистолетов, поставил их с одного края, а сам, тоже с парой стволов, отошёл на другой край двора.

— Теперь я пойду на вас и буду расстреливать, попытайтесь в меня попасть, — возвестил он о начале шоу.

Тогда попасть в него парням не удалось. И на другой раз тоже. И на третий... В тот день их как ногами избили, а они инструктора не задели даже вскользь. Ребята озлобились, вновь стали идти навстречу просьбам сослуживцев подменить их на губе. И с должностью Зо-на прояснилось — это синекура, награда за заслуги. Но скучает лучший стрелок, а тут Джон с Карлом! Ребята старались не увлекаться, гауптвахта всё-таки не санаторий — когда начальник избивал их из пневматики, арестанты наслаждались покоем.

* * *

Да и другие были дела — работа в развалинах. За бильярдом и учёбой ребята сильно оторвались от жизни. Планы Карла развернуться с вискарём накрылись тазиком — вискаря в развалинах хватало. У любого водителя грузовика, бригадира, повара полевой кухни и так далее можно взять виски всего за пятёрку. Жандармы его даже не изымают — зачем он им? И в развалинах завелись настоящие крысы, привлечённые запахом чуждого им праздника жизни. Нападения на подгулявших солдатиков и даже офицеров стали обычными и результаты их выглядели просто омерзительно — мужиков если не убивали, то уродовали. Стали пропадать девушки-служащие, находили не всех, да и то лишь истерзанные тела. Произошло несколько нападений на общежития. Командование усилило посты и патрули — Джон даже не улыбался, вспоминая набеги родной стаи. Именно набеги, а это так — вылазки. Но не идти же с этим к командиру? А куда? Правильно — в развалины, зарабатывать денежку.

При таких реалиях дежурства там настолько потеряли привлекательность, что за

подмену предлагали даже больше, чем за подмену на губе. На гауптвахте всё-таки точно не убьют. И очень кстати вернулся к обязанностям контуженный сержант — для полного выздоровления ему хватило всего одного дня «интенсивной терапии» Пауля. Поскольку его отделение разбрелось по другим командам, остались только Карл с Джоном, лейтенант сразу свалил на него занятия по строевой подготовке и поддержание общей дисциплины. То есть он гонял нарушителей по плацу, а если они кончались, не присылали никого, сам лазил по постам и следил за патрулями. Понятно, что Джону с Карлом плац не грозил бы даже если, отдавая сержанту честь, они прикладывались ботинком к сержантской заднице. Они ж из всего отделения единственные у него остались, их беречь нужно, а лучше вообще не замечать, забыть о них, и всё! Ребята этим нагло пользовались — ходили куда хотели и делали, что вздумается. Вернее, что вздумается Джону, Карлу и на КПП было неплохо... не тоскливо без Джона, если в развалинах. Вот и таскался за ним следом, ведь четыре ствола лучше двух, и даже два, если они у Джона, лучше этих обалдуев на КПП. Ребята, кстати, переняли манеру Зо-на, вооружались револьвером и магазинным пистолетом. В домах, подвалах, подземных коммуникациях и прочих любимых Джонни местах с винтовкой слишком неудобно. Хотя это для них уже было непринципиально, ребята справлялись со всем, что нашлось в оружейке.

Догулялись они до того, что к ним в компанию стали проситься, даже напрашиваться другие ребята. Большинство честно тянули службу без подмен, к тому же Зелёный этот достал — сержанта так прозвали, зелёнка долго не отмывается. И просто тянуть службу кое-кому стало неинтересно. Джонни ребят не прогонял, но ставил жёсткие условия — во-первых, стрелковая подготовка, во-вторых, подчинение ему как командиру. Насчёт подготовки — готовьте денежки, Джонни договорится. Да и сами они уже могут кое-что преподать чисто по-дружески. Но ясно ведь, что у жандарма денег не густо, если он за кого-то дежурит — ребята выбирали второй вариант. Так, тем веселее! И Джон с Карлом в реальных декорациях срывали на ребятах злость, привитую Зо-на. Обучали, обучаясь — классика. Парни приходили и уходили, но возвращались регулярно. И Джон с Карлом несказанно обрадовались, узнав, что «их» ребята по их абонементу повадились к лейтенанту Да-на. Он за них ещё тысячу вытряс явочным порядком по факту оказания услуг — дескать огольцы сослались на Джона с Карлом! Но огорчаться не стали, Джон формировал отряд. По своей шакальской подготовке, расписал «постоянных» бойцов по ролям — картечь, винтарь, револьверы... Солдат, дозорный, разведчик! Ну, воспитан он так, его мозги иначе не работают!

* * *

В апогее самодеятельности на обычном построении лейтенант Да-на вызвал Джона из строя, зачитал приказ о производстве Пола До-ки в капралы и поздравил Джонни с назначением его сменным командиром сводного отряда особого назначения по утверждённому уже, но пока не составленному графику дежурств в развалинах. Джон от счастья долго не мог подобрать ругательств погрязнее — целых сто пятьдесят баксов к жалованию! Он же за день с «подменных» двадцатку имел! Карл вполне разделял его чувства, да вся команда была солидарна — их «освободили» от всех прочих дежурств и нарядов!

Но против начальства не попрёшь, нужно выполнять приказ. Ну, как сам его понимаешь. По замыслу лейтенанта отряд Джона — силы постоянной готовности на случай крысиного набега. Он, оказывается, тоже в курсе, что это такое. Джон в душе послал лейтенанта на хрен — крыса не может настолько выжить из ума, чтобы вести кучку полицейских против стаи. Поэтому, по мнению Джона, единственный способ выполнить приказ — это сделать всё, чтобы набег не допустить.

Ну, что, вроде бы такого? Загнать в руины дивизию, ну две... вопрос к жителям другого мира — сколько дивизий немцы загнали в Сталинград? С танками, при поддержке авиации! И толку? А Сталинград не мегаполис ни разу. А тут мёртвый именно мегаполис, а не городок, как родной город Джона. Но даже там у властей дурной мысли не возникло вводить в руины гвардию. Города чистили именно так — на окраинах оборудовались плацдармы и с них отжимали, отвоёвывали квартал за кварталом. Просто глупо загонять крыс в угол — пусть лучше бегут, ведь дело не в них, а в территории, которую нужно от них очистить.

Джон глобальных целей перед собой не ставил и в стратегии не вникал. Просто его стае нужна своя территория. Пусть жандармы думают, что они что-то контролируют, Джонни смотрел на вещи реально — чужих на их участке быть не должно. И мало прийти и занять место, нужно до всех довести, что место занято. Поэтому он отнёсся к делу не по-военному серьёзно — припомнил застройку, ещё раз всё облазил. В облюбованном районе, через который проходило достаточно разных коммуникаций, так любимых крысами, Джонни занял под базирование удобный для защиты дом с минимумом подземных коммуникаций и с хорошим обзором из окон, наметил наблюдательные пункты, инструктировал и расставил бойцов. Но сразу они никого не трогали, даже старались не проявлять видимой со стороны осмысленной активности. Внешне это была обычная бестолковая жандармская суета. А пока ребята оглядывались на позициях, изображая службу, Джон брал Карла и пару-тройку бойцов и лазил по крысиным тропам. Показывал парням — вот лужа, из неё натащили немного грязи, значит здесь прошло столько-то человек, тогда-то, в том направлении, а здесь постоянно лезят, пыль на трубах стёрта. Или тут по любому наблюдатель сидит, хороший обзор, и вот несколько незаметных путей отхода-подхода. И хорошо, что следов нет, следят простые звери, а в наблюдатели попадают самые смышлёные.

Через неделю, когда ребята осмотрелись, решил приступить. Выпросил у лейтенанта его джип, прихватил с собой бойцов, и взял из арсенала пару ящиков дымовых шашек, десяток спасательных масок и противогазов, два ящика светошумовых гранат, боевых у жандармерии отчего-то не оказалось. Оставил заявку на нормальные лимонки, противопехотные мины натяжного, разгрузочного, нажимного действия, толовые шашки, пластичные взрывчатые вещества, детонаторы... Обещал заглянуть через недельку и честно предупредил, что если, сука, требования не удовлетворят, то всем в арсенале не поздоровится вплоть до инвалидности. Забрал на продскладе три ящика тушёнки, пару ящиков галет и пять сорокалитровых баллонов с питьевой водой для сухая и демонстративно разместил всё это богатство в специально выбранном подвальчике. Открыто выставил караулы, и, как стемнело, потихоньку увёл парней на запасные позиции.

В два часа ночи шарахнули растяжки, бойцы забросили в люки канализации и кабельтрассы дымовые шашки рвотного действия и приступили к отработке преступного элемента, поползшего на свежий воздух. Жандармы по неопытности принялись их задерживать, за что и поплатились колото-резаными ранениями и сотрясениями военных мозгов под ударами гражданских кастетов и дубин. Половину упустили при попытке их

братъ, ещё половина взятых ушла при конвоировании на «базу».

Джонни такой ерундой не заморачивался. Он с Карлом и тройкой бойцов на подстраховке дождались подхода основной группы. Джон знал, что на прорыв наружу кинется «мясо», «солдаты», просто для отвлечения. Вожаки ни за что не выйдут на поверхность, спокойно уйдут по запасному маршруту. И, конечно же, встретят там Джона с приятелями, ему-то и думать особенно не пришлось, где их поджидать. Воображение услужливо рисовало варианты развития, как на бильярдном столе, только в подвалах, тоннелях, коридорах, лестничных пролётах...

Вот и дошёл до схватки, да описывать Джонни ничего не даёт. Почти нечего описывать, проще посмотреть учебный фильм «Будни мясокомбината». Просто Джон очень высоко ценил удачу, дорожил каждым шансом и раздаривать их, кому попало, не собирался. Не было у него романтических иллюзий, не существовало в его мире благородных бродяг. Кино Джонни любил, но смотрел, когда удавалось, только мультики, про животных и про любовь, а боевиков и детективов ему итак всегда хватало. Да и не вышли ещё в такойском прокате «Генералы песчаных карьеров». Потому Джонни острым военным ножом «срезал крысиные хвостики» — ловко сделал нужные надрезы и с реальных, ещё живых, что обязательно, крысиных генералов содрал скальпы. И тут же украсив ими стенку места происшествия, учредил таким образом первую «стенку почёта».

Ну, почти украсил — когда вешал четвёртый трофей, он почувствовал, как на сознание будто упала тень... Блин! Он же не в стае! С ним лошье жандармское, пацаны только отходят от схватки — пытаются глубоко дышать и не смотреть на изуродованные головы... стараются не смотреть! — додумал Джон уже на полу, куда так вовремя инстинкт бросил его тело. Выстрел, и «стена почёта» стала ещё красивее от заряда картечи. Охотничье, значит будет ещё, — пронеслось в его голове, когда сам он уже был в кувырке. Ба-бах — прозвучал второй выстрел. Перевернулся на задницу, закатившись в угол, и по наитию открыл огонь с пары наганов в дверной проём, вернее в его сторону. Ночная тьма и их фонарики едва не сыграли с ними злую шутку, противник мог расстрелять их с улицы в любой момент, оставаясь невидимым. Но сначала ему трудно было отделить своих от чужих, потом непросто стало понять, что свои для него кончились...

Звякнуло в падении ружья, с шорохом упал убитый. Джонни спокойно прокрался к двери вдоль стеночки, выглянув, убедился, что стрелок был один. Пожав плечами, спросил у полумёртвой крысы, — вот тебе оно очень надо? Уходил бы себе.

Не получив ответа, проверил у него сонную, убедившись, что крыса ещё дышит, содрал с него трофей и принялся прилаживать с другими по соседству. Пацаны уже распаковывали перевязочные пакеты, закоцало ребят картечью. Жандармы сосредоточенно занялись оказанием друг-другу первой помощи, стараясь не глядеть на командира. Ну, этим объяснять уже ничего не нужно — решил Джон. Только Карл смотрел на него во все глаза. Долго смотрел и наконец, как стесняясь потревожить мертвецов, спросил полущёпотом. — За что... их так, Джонни?

— Привычка, — буркнул он в ответ, отвернувшись. Ну, не рассказывать же, что именно так их стая метила территорию в его родном городке. Вряд ли местные крысы сильно отличаются от них, должны сообразить с кем имеют дело.

Провели ещё несколько подобных операций, в основном, засадных. Джон, крыса-разведчик, быстро вычислил места привалов, тайники. Чтоб не таскать припасы на всю стаю, если цель набега не близко от логова, рядом с целью делают тайники. Ага, пробежались налегке, перекусили, отдохнули — и с новыми силами вытворять безобразия. Так, по мнению Джона, крысы солдат вообще лохами считают. Нашли несколько кучно расположенных закладок как раз на хорошую стаю. Эге, почесал затылок Джон, — набег готовится, однако мы вовремя. Ну-ну, добро пожаловать.

Организовали встречу, с жандармским-то вооружением — хвостиков хватило не на одну «стенку почёта» И по мелочи вылазки перехватывали. Но Джон отдавал себе отчёт — это лишь потому, что крысы привыкли к солдатам. Стая, то есть отряд, доходчиво показал, что здесь неправильные солдаты, и этот участок нужно просто обходить. Но в том-то и дело, что обойти его непросто, он транзитный для целого сектора. Значит, во-первых, не поздоровится остальным двум секторам, во-вторых, у отряда забот будет — только успевай раненных перевязывать — у крыс есть оружие.

Верное решение подсказал Карл. Он зачастил к брату и, вообще, был «на связи с большим миром» по разным вопросам. Как оказалось, не напрасно. Во-первых, Пауль предложил сигнализацию. Действительно, никаких мин и гранат не напасёшься. Под землёй и в воздухе между крыш уйма проводов, Пауль со своими «электриками» под охраной жандармов быстро смонтировал первый контур. Показал, как подключать к нему датчики, пока простейшие на двери и люки, а сам принялся монтировать дублирующую цепь. Если бы его вовремя не отправили восвояси, он бы и третью начал. Хотя одного контура, конечно, маловато, но Паулю следует и прямые обязанности исполнять. Утешили мальчика, что если он будет слушаться старшего брата, ему потом дадут ещё чего-нибудь помонтировать.

Во-вторых, Карл снова рассказал о «неправильных» крысах — никакого зверства при нападениях, и самое главное — они брали деньги, часы и обмундирование. Причём не со всех пострадавших, явно выбирали по размеру. Джон расплылся в счастливой улыбке, интересно, о ком он подумал? Но в тот же вечер взял с собой самых крепких, продвинутых в силовом захвате ребят и отправился на танцы. И где тут девочки? Не подумайте дурного, Джона интересовали мальчики. Вот один договорился, второй договаривается... Ба! А кто это такой рыжий?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Берём троих с рыжим, — скомандовал Джон. Жандармы в солдатской форме прогулочным шагом, как мимо проходили, сблизилась с объектами задержания и грамотно слепили субчиков, девки даже завизжать не успели. Оттащили в сторонку. Джон присел рядом с лежащими парнями на корточки. — И кто тут у нас? Джош, Гарри, Стиви, Тони — старые приятели! Узнаёте Джона?

Парни затравленно зыркали на него.

— Привет, Стиви, как челюсть? — беспокоится Джон.

— Нормально, там только трещина была, — сказал Стив, — а ты как тут?

— По-разному. Джош, я что, со всеми отдельно должен здороваться?

— Приветик, — улыбнулся Джош, глядя на Джона, как на привидение.

— Здорово! — Гарри всё-таки рад.

— Добрый вечер, — пытается острить Тони.

— Ну и ладушки, — Джон повернулся к своим бойцам, — ребят, спасибо, свободны. Говорю же — сво-бод-ны! Приятели это мои, разыграли мы их, ага.

Бойцы, недоверчиво поглядев на командира, всё-таки послушно отправились... да к девочкам, конечно! Раз уж угораздило выполнять задание на танцуйках, чего только не сделаешь для достоверности.

— Ребят, ну вы поняли, что секса не будет? — улыбается Джон.

— С тобой точно не будет, — сплюнул Джош, — куда нас?

— Да к вам сейчас пойдём, поболтаем, не виделись же сколько! — Джон само радушие.

— Два месяца всего-то, — улыбнулся Стив, — блин, как вчера расстались.

— Ты один пойдёшь? — Прищурился Тони.

— Нет! Девочек вам сниму! — усмехнулся Джонни, — пойдём, ребята, ведите.

Парни поднялись на ноги, ошарашено огляделись...

— Один я, один, — успокаивает ребят Джонни, — если собираетесь от меня сбежать — лучше сразу скажите, чтоб мне не гулять без толку.

Ребята переглянулись, Джош сказал, — конечно пойдём, конопатый. Ребята будут тебе рады.

— Опа! — кто-то проорал в голове Джона, но он не подал вида.

Легко обойдя патрули, скопления солдат, и КПП, ребята молчаливой компанией сноровисто двинулись вглубь развалин. Идти пришлось недалеко, всего полчаса шакальей побегки. На подходе сбавили скорость, Стив пошёл вперёд предупредить, что возвращаются. Подошли к старому дому, спрыгнули в окна полуподвала и по лесенке поднялись наверх. Ловко — оценил Джон, а вниз, конечно, по верёвке. Зашли в помещение, и у Джона отвисла челюсть. А что он ждал от солдат? Только казарму они и могли себе устроить. Их тут половина от учебного состава оказалось.

Джон с грустной улыбкой слушал рассказы ребят, хотя правильнее сказать — разные вариации одного рассказа. Как Джон считал глупым нести баксы копам, ребята считали неумным везти деньги предкам. И к чему торопиться? Полгода ждали, могут ещё недельку подождать — в общем все с умными рожами нарочито купили билеты на разные направления, но до ближайшей остановки. Джон может не обижаться, они и друг с другом не делились планами. И кто раньше, кто позже приходили к мысли, что они — дезертиры! Их отпустили за предписаниями, а они просадили все бабки на... э... разное. Да что там — на шлюх они всё спустили, озабоченная пацанва. И предкам на глаза не покажешься и под суд отдадут, одна дорога — в ставшие родными развалины. А в развалинах сначала Джош встретил Стива, потом они Гарри нашли. Почесали затылки и остальных искали уже целенаправленно...

— Фреди и Боба поздно нашли, — склонив голову, глухо поведал Джош, — крысы.

— А как ты нас вычислил? — сменил тему Тони.

— Да что тут вычислять? — удивился Джон, — на кой ляд крысе солдатское обмундирование и деньги? Сбегать на танцуйки к девочкам? Крысе? А кроме нас и крыс руины никто не знает.

— А ты что делаешь? — проявил учтивость Гарри.

— Ничего, собственно. — Вздохнул Джон, — в жандармерии служу.

Повисла понятная тягостная пауза.

— И что теперь? — скрипнул Джош.

— Ну, если хотите и дальше хулиганить — пожалуйста, — пожал плечами Джон, — но выучка наша... это вы пока не убиваете солдат, но очень скоро — поверьте крысе-разведчику — вы станете ещё одной стаей. И я вас уничтожу.

— Или что? — скривился Джош, — сдать власть? В тюрьму?

— Да нафига??? Идите в мою стаю, тьфу, — горячо заговорил Джон, — идите в мой отряд. Под мою команду.

— Говоришь, что давишь крыс? — заинтересовался Стиви, — в отряд возьмут официально?

— Пока просто возьмут, — не стал врать Джон, — но куда ж они денутся? Вы не представляете — в этой жандармерии вообще не с кем работать. Есть один, но это не его.

* * *

Уговорил Джонни парней, да и нетрудно это было. Нормальным, честным ребятам омерзительно считать себя дезертирами, отщепенцами. Им важно знать, что они воюют на правильной стороне. Именно это решило дело. Обсуждение перешло в практическую плоскость. Ребята уже разбились на старые учебные отделения со старыми командирами или выбрали новых. Джон только назначил Джоша своим заместителем и старшим «добровольного» отряда. Базу парней решили пока не бросать и не светить, пригодится. А работу наметили так — вот прямо сейчас с Джоном идут Стив и Гарри. Ночуют на базе жандармерии, Гарри берёт троих кадетов на учебную прогулку, а Стив возвращается и приводит ещё двоих. Чтобы треть состава работала с жандармами, треть отдыхала, треть охраняла. Просто по семь человек — шакалов в учебке было всего сорок один.

Со «старой гвардией» дело пошло веселей. Все, кто просто в гости зашёл, считали, что база — это просторный дом с хорошим обзором вокруг, без мёртвых зон. Его прозвали «особняк». Но у отряда хватило сил закрепиться в двух ближайших от него зданиях, прозванных «первый» и «второй», под ними проходит тоннель канализации. И он уводит к «отморозку» — огромное пятиэтажное административное здание, под которым десятки тоннелей, многие из них ведут вглубь. Глубины ребят пока не интересовали, а на горизонтальные шахты было обращено самое пристальное внимание. Местечко не зря так прозвали — гиблое место, проходное. Жандармы «постоянного состава» под руководством шакалов осваивают здесь методы настоящей войны на живых людях — дикари постоянно набегают. Избиением это не назовёшь, крысы вооружены и смертельно опасны, но ребята справляются. Сюда попадают лишь после одобрения Джона или Карла, специалистов по огневому контакту. У кого что-то получается в «отморозке», уходят с шакалами в поиск — охоту на небольшие группы дикарей, но больше минируют позиции наблюдателей, места привалов. Отряд надёжно контролирует свою землю, постоянно отодвигая границы, за которые благоразумной крысе лучше не заходить.

Джонни вздохнул свободнее, смог навестить старину Зо-на, и... Люси, конечно. Занял удобную позицию и подждал её у общаги, когда она со службы придёт. Ну и дождался — идёт такая под ручку с незнакомым армейским лейтёхой, тот в свободной руке полный пакет держит. Джон не стал комплексовать, подошёл, и лейтенант потерял сознание — плохо ему стало. Люси поджала губы, не зная, как на это реагировать. Джон подобрал пакетик, взял её за руку и сказал:

— Господи, ну какая тебе разница? — улыбнулся и добавил, — а я соскучился! Очень!

Люси, не выдержав, засмеялась и тут же всполошилась — а с этим что? Он живой? Джон успокоил девушку, что минут через пять очнётся. Ну, бывает — голова закружилась,

что такого? Люси чмокнула Джона в щёку, сказала, что он лопухий монстр, взяла его под руку и повела к себе, как будто так и нужно.

Утром Люси пошла на службу, Джон тоже, о свидании не договаривались. Просто Джон попросил её учитывать, что в любой из дней сценка обязательно повторится. Люси вздохнув, сказала на это, что тогда Джону придётся за себя и за того парня — он ей всех кавалеров покалечит. Джон отправился на КПП ловить попутку в непростых раздумьях — что ж сделать-то?

* * *

Так уж сложилась Такийская история, что государству Такийскому вообще не приходилось вести войн с серьёзным противником. И хотя ничего особенно странного в этом не было, отсутствие войн вселяло в такийский истеблишмент определённую неуверенность в собственной нужности. Ведь во всех читанных ими учебниках такийским по белому написано, что государства только для войн создаются и существуют. Поэтому ещё можно понять в принципе, зачем такийские заправила вообще влезли в войну. Но они так никогда и не пришли к общему мнению, зачем Такии именно эта война? Воротилы, в целом, были солидарны — все хотели ещё больше власти и денег. А рассуждая об интересах Такии, каждый считал само собой разумеющимся, что хорошо для него любимого, то подойдёт и обожаемой Родине.

Но затевая войну, в интересах Родины конечно, про победу в ней как-то не подумали. Серьёзно, ведь для победы требуется некий план, хотя даже он — не главное, можно по ходу дела сориентироваться, главное — направление. Нужна ясная всем цель с достижением которой, достигается и победа в войне. В этом все войны похожи, ибо естественная цель любого вменяемого государства — это войны избежать. Для того, кстати, к войне и готовятся. Но у элит Такии получилось немножко наоборот — они сначала вляпались в это дело и только затем принялись готовиться, обсуждая по ходу, зачем им всё это понадобилось.

И ладно если б стало ясно, что война неизбежна, ну, бывает — напали или скоро нападут. Тогда у любого обделавшегося от хронической контузии паренька с тремя классами и винтовкой не возникает вопросов типа, что он делает в окопе, залитом по горло вонючей жижей?! И не нужна ему, в общем-то, правда, требуется простая уверенность — наше дело правое. И если он в родном окопе на родной земле, сгодится любой бред, всё равно слушать не станет, не зачем. А что если до окопа надо тащиться через океан? Тогда пока про окопы нужно просто забыть.

Ничего личного — только бизнес. Экипажам самолётов назначили прогрессивную таксу за боевые вылеты, морякам за дни походов, отдельно прописали премии за уничтожение врага и ежеквартальные бонусы по результатам соревнований. Для пехоты придумали наподобие, только добавили доли от трофеев и пленных. И выпустили государственные акции, обеспеченные репарациями мысленно уже побеждённых и освобождённых народов Большого континента. Торговлю этими очень ценными бумагами запустили на международных площадках, и они сразу заняли топовые позиции в рейтингах и биржевых новостях.

Даже элиты враждебных, предположительно побеждаемых в самом ближайшем

будущем стран проявили заинтересованность. Грязные дельцы, используя подлые вбросы и инсайдерскую информацию, принялись спекулировать на предположениях о близости-удалённости славной Такийской победы и полной её стоимости в миллиардах баксов и миллионах жмуриков. Разразилось несколько громких биржевых скандалов, вызванных обоснованными подозрениями в связях с врагом некоторых брокерских фирм. И такийцам было плевать, что они нейтральные вообще — никому не позволено шарить в их карманах. Суверенные, по идее, власти сдали отдельных негодяев с головами, косоглазые даже выдали головы негодяев отдельно.

Ну, слишком прямой перевод, простодушный народ, традиции опять же. И опять же согласно традициям и простодушию одних изведённых негодяев сменили другие, и ничего собственно не изменилось — враги злобно обыгрывали на биржах собственную гибель, загребая валюту для незаконных (по такийским понятиям) контрабандных закупок стратегических материалов и оборудования. На этой почве особых скандалов не случилось. Во-первых, трудно ругаться с самим же собою, во-вторых, всё происходило в духе Великой Такийской Конституции — «...каждый имеет право на стремление к счастью...»

* * *

Джонни про Конституцию в школе проходил, считал себя свободным гражданином со всеми неотъемлемыми правами. Но с тех же позиций, что и элиты, действовал гораздо умнее — попытался сформулировать ясную цель, достижение которой сделает его счастливым, и представить пути её достижения. Ну, главная-то его цель, не беспокоиться за Люси, была вообще недостижимой. Или ерундовой, если просто плюнуть на Люси, но тогда не будет ему счастья, а значит, и смысла не будет. Подведя философскую черту, Джонни подумал о практическом воплощении, или хотя бы максимальном приближении мечты.

Получалось — трахаться с Люси, когда и сколько вздумается, на своей территории и никуда её от себя не отпускать. Как не отпускать девушку для Джонни было очевидно — он просто решил отдать ей все их деньги, типа на хранение. В смысле, типа ей, он её и свои деньги всяко без охраны не оставит. А что она может от него с их деньгами удрать, Джонни не боялся — во-первых, он же хороший, ну и, во-вторых, её ребёнку нужен защитник. Ему казалось, что именно ради защиты Люси пошла на службу. Правда, на армию в этом деле полагаться нельзя, так вот же Джон рядом!

Карл по-жандармски насчёт армии с ним согласился. Они вдвоём обсуждали планы, просто Джон первым взял слово. Вот друг его послушал-послушал и не выдержал, полностью, конечно, поддержал, но в целом, а в частности внёс поправки. Прежде всего — никаких денег они Люси не дадут и ничего предлагать ей не будут. Джону нужно, чтоб она спала только с ним? Фигня — вопрос, не дороже пяти сотен. За эти деньги он берётся устроить ей перевод в канцелярию жандармерии. Ведь им же лишние пятьсот баксов не помешают? Джон, помотав головой, спросил, кто кому будет платить, за что и зачем, вообще?

Карл снова начал издали, просто с любви. Его любовь Джулию, девочку из хорошей семьи, просто затрахал начштаба, жирный хомяк со связями. И она за любые деньги готова перевестись хоть куда, лишь бы от этой скотины подальше. Но с такой хорошей знакомой содрать больше пяти сотен ему не позволяет жандармская совесть. Вот на её месте в

жандармерии Люси гулять будет тупо не с кем, ну, кроме Джонни. Она ж из армии переведётся, для жандармских это что-то вроде зоофилии. А старые её кавалеры шарахнутся от неё, как чёрт от жандармерии. Джонни не понятно, с какой радости она пойдёт на перевод? Да из-за него, конечно, оболтуса конопатого! Люси ж выписала две разные книжки на одну фамилию, так ей срочно нужно делать стройными ножками, пока не привлекли за должностное преступление. Типа по болезни. Джулия заболевает и порекомендует подружку на подмену, Люси поступит симметрично, потом каждая просто уволится. Ну, Люси как бы по-хорошему сбежит, а Джулия давно мечтает расцарапать кое-кому рожу и обматерить хомяка с обливанием его помоями на весь штаб.

А они, пока девчонки переезжают, да устраиваются, займутся делом, пора как следует обживаться в развалинах, а то за их логово перед людьми неудобно! Джонни грустно и молча долго разглядывал друга Карла, редкую сволочь. Но свою уже сволочь, почти родную. Наконец, вслух посетовал, что ему всё представлялось по-другому. Как он заберёт Люси с дитём, и что ей скажет...

— Ой, да кто ж против-то? — беззаботно махнул рукой Карл. — Наговоритесь ещё, только она сама тебе на шею бросится. Вцепится, что аж немного боязно — как бы ты от неё на войну не сбежал. Ну и меня за собой не потащил!

* * *

В войну ребята уже влезли и парней за собой потащили. В оправдание Джонни нужно сказать, что он ни перед кем и не думал оправдываться, не считал себя в чём-то виноватым. Джон не придумывал себе миссии и не искал в своих действиях высшего смысла. Не говорил ребятам речей о долге и чести, не объяснял им значения их исторической роли. Ему даже в голову не могло прийти, что они кого-то защищают или спасают. Они всего лишь давили крыс, вот и всё. И Джон бы сильно удивился, каким пиететом к его нескладной фигуре наполнялись души бойцов от этого «всего лишь». В их отряде проявлением такого уважения стало безоглядное доверие, подчинение без лишних вопросов. Вовсе не бездумное или показное — они никогда ему не козыряли, не обращались «господин капрал» и, конечно же, не тянулись перед ним, «ага», — вот и вся их учтивость. Но это «ага» говорилось лишь при полной уверенности в понимании задачи. Парни быстро заметили, что командир, сам, мягко говоря, не очень эмоциональный, считывает их вопросы прямо с мужественных лиц. И никогда не оставляет недосказанным чего-то действительно важного, обходясь почти без слов. Им вскоре стало предельно ясно — зачем они здесь и почему здесь именно они. Не все ребята в жандармерии могли себе позволить быть ходячей вешалкой для парадного мундира. Не у всех папаша были при должностях и широких погонах, многим самим предстояло выгрызть у жестокого мира полосатые штаны, мягкие кресла и, конечно же, престижные колледжи и непыльную работёнку для ненаглядных деток. А лучше места, чтоб наточить зубы и натренировать челюсти, чем в сводном отряде быстрого реагирования, просто и не придумать.

Уже после первых операций сформировался костяк отряда, постоянный его состав. Сменный состав тоже присутствовал — начальство удумало использовать Джона как пугало, ссылая ему в подчинение впавших в немилость «нормальных жандармов». Карл, грустно вздыхая, только головой качал — все эти детки снова вылижут начальству задницы и полезут

наверх или их за шиворот потащат, а ненавидеть Джона и его отряд они будут всю жизнь. Обоснованно, кстати, ненавидеть, на них сваливались все хозяйственные работы, в условиях развалин довольно опасные, грязные и очень тяжёлые. От них также требовалось изображать тупую суету обычной жандармерии. Хотя ничего они, конечно, не изображали, искренне считая, что тянут службу за обнаглевших плебеев — в отряде царила просто жуткая дедовщина.

Джону, крысе, было плевать, но Карлу такое положение грозило серьёзными неприятностями. Он обсудил ситуацию с Паулем, и они нашли, как им казалось, способ притормозить Джона «по-хорошему».

В подкидного дурака

Однажды лейтенанта Зо-на позвали к телефону. Он досадливо прервал занятия — у Джона только что-то начало получаться! Начальник прошёл в здание, Джон поджидал его во дворе, и вдруг лейтенант крикнул в окно, — Джон, ты опять напроказил? Бегом к Да-на, он тебя вызывает. Можешь взять мой джип, только не сломай!

Джонни с нехорошим предчувствием воспользовался разрешением.

Доехал быстро, он умеет водить, поднялся на второй этаж жандармской канцелярии, одёрнул гимнастёрку, и со вздохом постучал.

— Входи, — раздался голос лейтенанта.

Делать нечего, вошёл, начал рапорт, — Капрал До-ки по вашему...

— Документы, — прервал его лейтенант.

— Э... — смутился Джон, — вот, — просто положил на стол лейтенанта свою солдатскую книжку и замер по стойке смирно.

Офицер невозмутимо изучил документ, полюбовался бравым видом своего капрала, снял с настольного аппарата трубку и также молча накрутил номер. Звонил он в канцелярию штаба сборного пункта поинтересоваться, где в данный момент рядовой Джон Ха-ня. Узнав, что боец проходит боевую подготовку и расположения не покидал, совсем не удивился, только ухмыльнулся иронически. Так ухмыляясь, набрал другой номер и попросил к аппарату капитана Ха-на.

— Хочешь с папой поговорить? — серьёзно спросил лейтенант.

— Никак нет, господин лейтенант! — как отрезал Джонни.

— Тогда вольно и присядь пока, — обыденным тоном бросил лейтенант.

Джонни примостился на краешек стула.

— Алё! Здравствуйте, капитан! Лейтенант Да-на из жандармерии. У меня ваш сынок, так я хотел бы..., - начал было офицер, но надолго замолчал. Отведя трубку от лица, удивлённо спросил Джона, — слушай, он, правда, твой папа?

Джон смог только смущённо кивнуть.

— Э, господин капитан, не нужно пороть горячку, совсем не зачем передавать дело вашего сына полиции, ибо дела никакого нет..., - попытался он что-то культурно объяснить абоненту, но вскоре всё-таки потерял терпение и гаркнул в трубку. — Да ты заткнёшься, свинья полицейская?! Алё! Алё! Ты там в обмороке, что ли? Слушаешь? Точно слушаешь? Тогда поздравляю! Бля, не шучу, а поздравляю! Твой сын моим приказом произведён в капралы за отличную службу! Только я уже сомневаюсь, что речь идёт о твоём сынке — парень совсем не похож на укурка... Давно бросил? Да засунь ты свои заверения в задницу, придурок! Да... лично? Какие веские доказательства? А! Предъявишь лично! До обеда сумму... э... доказательств соберёшь?... Ну, давай после обеда, но чтоб до ужина точно! Жду.

Лейтенант точным, аккуратным движением положил трубку на рычаги, снова задумчиво уставился на Джона и неожиданно открыто улыбнулся.

— Как тебя звать, чудовище? — весело спросил он.

— Джонни, — буркнул парень, но заметив вопросительно поднятую бровь лейтенанта, подскочил и рявкнул, козыряя, — рядовой Джон Ри-тано, господин лейтенант!

— В розыске, конечно. Шакал? — задал офицер уточняющий вопрос и, получив кивок

Джона, убил его вопросом. — А где остальные? Дружище, ты понимаешь, что передал оружие дезертирам?

— Они солдаты! — угрюмо бросил Джон.

— Вот только не надо тут меня убивать! — воскликнул Да-на, — кто ж спорит, конечно, солдаты.

И перешёл на чистый ор. — Только чьи? Твои собственные? Ты нынче герцог развалин? Какого хрена я должен слушать стукачей, а не твои доклады, щенок?!

Джон, краснея, не нашёлся, что ответить. Действительно, офицер в праве чувствовать себя оскорблённым.

— Ладно, ты, вообще, молодец, — подышав, лейтенант заговорил ровным тоном, — у меня тут завалился старый циркуляр времён войны полувековой давности, но его никто не отменял. Чинам жандармерии предписано привлекать местное население для поддержания порядка. Из этого циркуляра впоследствии выросли шакалы. Кстати, знаешь, что такое шиза?

— Никак нет, господин лейтенант, — искренне изумился Джон.

— Так я тебе сейчас объясню! — обрадовано заговорил Да-на, — вот ты теперь капрал жандармерии Джон Ха-на, который привлёк старшину местного отряда Джона Ри-тано к поддержанию порядка. Понял?

— Никак нет, господин лейтенант! — обалдело заявил Джон.

— Я говорю, что это и есть шиза, понял? — сделал ещё одну попытку лейтенант.

Джон взял трёхсекундную паузу на обдумывание и вдруг расцвёл весь. — Так точно, господин лейтенант!

— Ладно, хорош прикалываться, — спокойно проговорил Да-на, сообразив, что Джон валяет Ваньку. — Капрал Ха-ня, приказываю к двадцати ноль-ноль явиться в клуб... сыграем, капрал?

— Так точно, господин лейтенант, — откозырял Джонни.

— А пока у тебя увольнительная, сходи в санчасть, обрадуй малыша Поли, что ему больше не нужно от меня прятаться — отныне он весь твой...

— Так точно, господин лейтенант!

— Это у вас семейное, что ли, слова сказать не даёте? — нахмурился командир.

— Никак нет, господин лейтенант! — Джонни слегка понесло.

— Вот и заткнись! — рявкнул лейтенант и, выдержав положенную паузу для проверки, продолжил, — проследишь, чтоб до вечера в клубе проводку починил, он умеет... Вот чего ты молчишь? Не спросишь, что с проводкой? Неинтересно тебе? Провода лампы над бильярдным столом оторвались...

На Джонни накатила тоска — и этот псих! Но лейтёха, помолчав, спокойно, даже печально договорил:

— На шнурке выключателя клубный бармен повесился, слава Господу, неудачно. Навестишь его в санчасти, если он в форме, дадим ему вечером отыгаться...

— Так точно, господин лейтенант! — Джонни горячо поддержал командира.

— Вали, чудовище! — отпустил его лейтенант и, спохватившись, крикнул вслед, — в канцелярию зайди, охламон!

По пути в канцелярию жандармерии Джонни предвкушал долгожданную встречу с Люси. Она уже неделю подменяла Джулию, и он надеялся, что хоть с ней полный порядок. Бедняжке пора отойти от страха ответственности, ей уже ничего не угрожало. Может быть, настроение позволит ей сходить с ним в жандармский клуб? Капралу позволительно привести даму. Люси, конечно, оценит его новое официальное положение, к тому ж почти законное. Вот прям сейчас он откроет дверь и войдёт, широко улыбаясь... уф!

Люси кого-то выслушивала по телефону, уставившись перед собой потерянными, невидящими глазами. Наконец пролепетав, — да, господин лейтенант, — сфокусировалась на радушно сияющей физиономии Джона, и милое её лицо резко утратило отсутствующее выражение.

— Припёрся, сволочь! — процедила Люси, с трудом двигая челюстью на сведённом злобной судорогой личике.

Джон оторопел от такого приёма. Они ж ещё даже не женаты! И всего один раз... гм, ладно, всего одна ночь вовсе не даёт ей право так с ним разговаривать!

— Люси, — нежно, но твёрдо произнёс он в ответ, — привет... хорошо смотришься... то есть выглядываешь... мне эта... вот командир сказал войти... выйти...

— Ага-ага, — закивала она, будто обрадовавшись, — только что два приказа велел приготовить. То есть три, блин! О разжаловании Поля До-ки в рядовые, переводе рядового Ха-ня, тебя сволочь, в жандармерию и о производстве тебя в капралы, будь ты проклят, гад!

— Так радоваться ж надо! — попытался Джонни вернуть ей настроение.

— Угу-угу, — также охотно истерично согласилась девушка, — надо, блин! Давно надо! Уже неделю, сука, надо радоваться!

— По-почему неделю? — удивился Джон.

— А он приказывал велел задним числом составить, — на последних каплях злости держалась Люси, — как раз недельной давности... почему ты не пошёл к нему неделю назад, Джонни?

— Ну и что? Всё ж хорошо закончилось! — Джон никак не мог врубиться в её проблемы.

Люси, потратив последние крохи самообладания, просто разрыдалась. Джон не знал, что ему делать, потому стоял столбом и слушал её упрёки сквозь плач. Сколько она натерпелась страху из-за двойного солдатского удостоверения! Если б она только знала! Она б ни за что не пошла на перевод, а теперь ей придётся совсем уволиться, вот! Всё из-за лопоухого конопатого засранца!

Джон сначала просто не мешал её выговориться, но с этого места стал прислушиваться внимательнее. Оказалось, что он прав в своих грязных инсинуациях, общага — настоящий бордель. Никто никого не принуждает, ни, Боже, ни, но стоимость недельного проживания от трёхсот баксов, в смысле от трёх сотен до половины заработка. Хорошо, что ей удалось немного отложить, можно будет какое-то время продержаться и поискать работу в городе. Но какая там нынче работа, когда все нормальные мужики в армии? А у неё Ники! В общаге за ним присматривают, когда она занята, а куда его пристроить в городе?

Джон решил высказать удивление. Ведь она служит ещё с шакальей учебки! Офицеры старые остались, неужели никто за неё не заступится? Она, весело рассмеявшись, сказала, что в том-то всё и дело! Им всем от неё только одно и нужно! Было нужно, блин, пока она в жандармерию не перешла. Да и не могут они ничем помочь, даже если с какого-то перепугу очень захотят. Всем рулит зам по тылу, сынок большой шишки в городе, он сука назначает

откаты со всего. С ним все боятся связываться, шакалы-то тью-тью — осталось только конопатое недоразумение да Харпёр. Хоть вешайся, если б не малыш только!

Джонни автоматически отметил — он не говорил ей, что Харпёр остался с учебки. Но никаких внимательных взглядов он обращать на неё не стал, напротив, грубовато пообещал ей со всеми разобраться. Даже один шакал на стадо баранов — уже слишком много. Денег он ей даст, просто так, пусть не боится. И вообще — емуу него увольнительная. Вот она пускай успокоится, напишет нужные бумаги и его удостоверение, а он пока ещё одного висельника навестит и заскочит за ней. Надо в город смотаться, пока начальство в настроении. Он знает хороший бар, хозяин — его друг, даже денег должен. Короче, всё хорошо, а будет ещё лучше.

* * *

В санчасти Джон застал Карла. Уже решил было, что он пришёл просто брата навестить и хотел даже высказать ему пару ласковых — они договорились не отлучаться из отряда сразу оба. Но, как всегда, спешить с упрёками не стал, и правильно — Карл помогал эвакуировать раненных. Был контакт, победа без потерь, но с ранениями — обычное, в общем, дело. И как обычно пришлось тащить ребят сначала до ближайшего жандармского поста, узнать там, что связи опять нет, и переть пацанов дальше. Блин, по обочине, в боевом порядке и полной готовности к отражению нападения... оглядываясь, чтоб грузовики не задавили! Ни одна сука не останавливалась в развалинах, на КПП только погрузились в попутку. Вот Карл и решил попросить брата что-нибудь сделать со связью, чтоб не ломалась. И вообще, им с такими делами скоро потребуется свой лазарет. Ещё своя машина нужна, кстати, Карл помнит, что Джон с папой в сборный пункт на фургоне приехали, а обратно папа уехал на попутке. Так не помнит ли Джон чисто случайно, где тот фургон?

Джон угрюмо ответил, что на площадке стройматериалов. Беспокойство за судьбу фургона стало открытой раной в его душе, тяжело придавленной жабой. Площадку стройматериалов оборудовали в склад временного хранения с тремя рядами колючей проволоки по периметру, вышками с прожекторами, овчарками и псами с винтовками из УМОПа (Управления мест ограничения прав). И старая казарма Джона оказалась на территории этого концлагеря — если на работу в развалинах солдат стали посылать только за взятку... ну, чтоб окосить от бесконечной строевой подготовки... вот на склад отправляли провинившихся или просто с наглыми мордами. И, судя по всему, выпускать оттуда никого не собирались.

Пауль печально поведал, что ячейка ВТаК-пэ-бэ в полном составе загремела за колючку, за ум, честь и совесть. Карл сказал, мол, хрен с ними, а за вискарь он бы этот склад взорвал бы нахрен! Джон в душе удивился — он не говорил другу, что фургон был непустой. Но всё опять оказалось ещё хуже. Вот почему жандармов выперли из спекуляции виски? В развалинах бутылку можно взять уже всего за пять баксов. Откуда там вискарь берётся? Да со склада же! Машины УМОПа идут без досмотра прям на склад, а на территории жандармь вообще были почти бесправными. Серьёзно — вне расположения они любого военного могли остановить, где угодно, а в расположении только на постах. И арестовать военного в расположении они могли лишь по приказу его командира, блин. А главное — рулит всем зам по тылу, сынок очень большой городской шишки, хрен под него подкопаешься, такая

сволочь!

Ну, погрустили — пора порадоваться, жизнь-то продолжается. Джон, во-первых, поздравил Пауля с назначением в отряд под его личное подчинение и дал ему первое, ну, первое официальное, задание починить освещение в клубе. Во-вторых, велел обрадовать клубного бармена, если он ещё живой, что вечером ему предстоит встреча с Джоном у бильярдного стола. И, в-третьих, выдав Карлу дружеский подзатыльник «от Люси», рассказал, как всё здорово получилось — просто добавь капусты. Ребята не могли долго печалиться, ведь все проблемы, кроме смерти, решаемы, и они от души повеселились с Джоном за компанию. Пожелали ему произвести на девушку самое выгодное впечатление, затрахать бедняжку до судорог, и простились до вечера.

* * *

Из санчасти Джон направился к штабу сборного пункта, хотя он ему и нафиг был не нужен. Просто ему нужно было произвести на Люси впечатление, а, как всем известно, лучший способ произвести впечатление на девушку — это прокатить её на шикарной тачке. Вот на парковке у здания штаба Джонни заметил парочку подходящих.

Джону сначала не повезло — на парковке у штаба ошивался здоровенный хмырь под чёрной плащ-накидкой с яркими белыми полосами и надписью УМОП. Ждать, пока он уйдёт, было бессмысленно и неприятно. С утра шёл надоедливый, вялый, но холодный и мокрый дождик. Охраннику-то пофиг под накидкой, а что продумают про жандарма торчащего под дождём у штаба? Да ничего хорошего, и Джон уже хотел идти, поискать машину попроще, но его окликнул хмырь в дождевике.

— Жандарм, дай закурить!

Некурящий Джонни завёл привычку носить с собой сигареты, ребята в отряде почти все курили, только курить им обычно было нечего. Вот и этому служаке, наверное, тоже — Джон протянул ему пачку «Палыма».

— Ого! Нормально живёт жандармерия, — одобрил охранник, — я возьму парочку?

Джон благосклонно кивнул.

— Ты не думай, друг, у меня свои есть..., - проговорил боец с сигаретой во рту, прикурил и продолжил, — вонючий «трояк», да ещё и сырой. Дружище, а ты ведь никуда не торопишься?

— На службу, — улыбнулся Джон.

— Ну, она подождёт, ей не впервой, — задушевно заговорил охранник, — а ты б меня выручил? На десять минуточек бы мне отлучиться, а? Под дождевиком и не заметит никто, что меня нет, правда?

— Ладно, давай свой дождевик, приятель, — нехотя согласился Джон.

Боец чуть не выпрыгнул из накидки и бросил уже на бегу, — я скоро!

— Да можешь уже не торопиться, — добродушно пробурчал Джон, — просрал ты своё счастье, псина конвойная.

Немного подумав, всё же решил совсем его не подставлять, почти коллеги всё-таки, и надел плащ. Оглядел из-под капюшона паркинг и скривился, выбор был небогат. Вот что за непраха — как понадобились, так нет никого?!

И тут как по заказу к штабу, даже в такую погоду сверкая полировкой и тонированными

стёклам, плавно подрулил двухдверный серебристый «красуйлер» с чёрной крышей и дверями. Из машины вылез высокий, стройный офицер с правильными чертами лица господина Та-ню, редкой сволочи. Человек с лицом господина Та-ню, заметив фигуру в дождевике, не оборачиваясь, бросил Джонни под ноги ключи.

— Поставь тачку, дружок, только не запачкай, — проговорил офицер ритуальную фразу, даже не оглянувшись на парковщика, поднялся по ступенькам крыльца и скрылся за дверями.

— Ну, вот он опять, — огорчился Джон, — опять он, сволочь, не поздоровался!

Но ключи поднял, офицер же всё-таки приказал. Скинул дождевик прямо в лужу и сел в машину.

— Тачку тебе поставить? Да хоть раком! — усмехнулся Джон, мысленно обращаясь к пижону. Повернул ключ в замке зажигания, — вот понторез дешёвый! Стоило глушить мотор только чтоб ключами кидаться?

— Даже на ручник не поставил, оболтус, — проворчал Джонни, трогаясь, и порулил к жандармской управе.

Хоть у входа и было полно свободных мест, Джон скромно припарковался немного в сторонке, за жандармским кунгом, и поднялся в канцелярию за Люси. Она, конечно же, была сильно занята и умоляла оставить её в покое до вечера, а там хоть до смерти, бедняжка уже на всё согласна... и заревела, блин! Джонни еле как удалось её немного успокоить. Она, широко раскрыв глаза, слушала про его друга бармена, даже владельца бара, задолжавшего ему триста баксов, и что у него, вообще, дела, и он зовёт её только за компанию, ну, развеяться, покататься, вот и машину ему дали...

Тут Люси как-то нервно засмеялась, уронив лицо в ладошки. Джон даже растерялся, не зная, что ещё говорить, но оказалось, что наговорил он достаточно. Люси внезапно успокоилась, посмотрела ему в глаза, вернее, очень серьёзно так взгляделась. Весело тряхнула волосами, сказав непонятно, — да нет, не похоже...

И традиционно попросила подождать её у входа, она пока не готова.

— Ага, кстати выпиши пропуск на «красуйлер» триста двадцать один — тау, — сказал он, уходя, и услышал уже из-за двери, — ч-и-и-и-в-о-о-о, бля?!!!

Но не придавал этому значения, списав на девичьи нервы. И правильно, как оказалось, Люси появилась через пять минут спокойная и деловая, на шпильках, в элегантном платье при сумочке и макияж лежал на личике, как будто она в жизни не ревела. Ухватила Джона под локоть и, задрав носик, позволила ему сопроводить себя к экипажу. Джонни галантно распахнул перед ней дверцу, потом ещё одну, пассажирскую, закрывая её, так в смущении хлопнул, что чуть бедняжку на смерть не зашиб. Уселся за руль, утешил, что он случайно, а синяк на ножке ему лично будет очень симпатичен и, вообще, до свадьбы заживёт.

— Точно до свадьбы? — улыбнулась Люси и повелела, — тогда трогай.

Джонни элегантно выехал с парковки, что-что, а водить он умел. Проехавшись по расположению, плавно остановил у КПП и спросил у Люси пропуск.

— Облезешь, — весело ответила та.

А жандарм уже подошёл к машине. Джон укоризненно сморщился, вот трудно ей было бумажку написать? Не любил он это панибратство, но делать было нечего. Опустил тонированное стекло, заранее дружески улыбаясь сослуживцу, чтоб извиниться, объяснить как-то, даже начал, — привет, Джорджи, я это...

— Совсем охренел? — приветствовал его дружище жандарм, — Джонни, ты тачки не

попутал?

— Блин, да нормально всё! — Джон отбросил церемонии, — Расслабься, малой!

— Как скажешь, капрал, — ответил Джорджи с какой-то странной интонацией.

Такое ощущение, как будто все про него что-то знают, один он как клоун! Прямо заговор какой-то! Джонни в сердцах сплюнул в окошко, поднял стекло и поехал дальше, всё равно ведь шлагбаум подняли.

А Джорджи переживал крушение легенды. Сначала ребята говорили, что у них служит сынок капитана Ха-на, только инкогнито, чтоб не удавили укурыша, столько он честных полицейских под биржу труда подвёл. Потом, когда слухи сошлись на Джонни, все решили, что слухи ложные, для прикрытия, а парня специально готовят для чего-то секретного и героического — ну, не может такой пацан быть торчком и всё! Но только конченный торчок может угнать ЭТУ машину! А Джонни всё равно жалко, земля ему пухом.

* * *

На паркинге у «Икоты бегемота» Джонни скромничать не стал, небрежно бросил тачку почти у самого входа. Они вышли из машины и под ручку вальяжно прошли в бар, демонстративно игнорируя возможное возмущение окружающих их вызывающим поведением. И неважно им было, что возмущения и последовать не могло из-за несомненной красоты Люси, жандармского мундира Джона или временного, но полного отсутствия каких-либо окружающих на улице в будний день и рабочее время. В том-то и дело, что не всякий с улицы мог позволить именно в рабочее время и будний день разгуливать по барам в годину военных испытаний.

У Джона возникло странное ощущение возвращения в прошлое. В заведении также посвистывал потолочный и жужжал напольный вентилятор. Только прикрытые жалюзи не создавали уютный полумрак, по случаю пасмурного дня работало освещение, и сразу было видно, как в глубине зала за рядами столиков красовался за стойкой старый Сэмми, а за его спиной загадочно колыхались занавески, наверное, в знак соперничества с Родиной, закрывая поблёскивание разнообразных бутылок. Бармен в этот его визит красовался в одиночестве. Сэмми тоже их разглядел и так же, как тогда, отчётливо выделялись на фоне белоснежных протезов его пломбированные бивни в раззявленной пасти.

— Только ружья не хватает, — подумал Джонни, но увлекаться нахлынувшей ностальгией не стал и просто сказал, — привет, Сэмми, нам как всегда. Познакомься, это Люси.

Пока бармен размышлял над своей репликой, парочка успела подойти к стойке. Сэмми захлопнул рот, пожевал губами и ответил, — привет, а как всегда — это не как в прошлый раз?

Джонни картинно облокотился на стойку, оглядел зал и ухмыльнулся, — ну, в прошлый раз работал музыкальный аппарат. А где он?

— В ремонте, — буркнул Сэмми, но сердиться дальше не смог и улыбнулся, — ещё спрашивает гадёныш! Угощу-ка я вас колой, ребятки. Без алкоголя, зато бесплатно!

— Да ладно, Сэмми! — улыбнулся Джон, — я-то за рулём, а Люси шампанского налей, да и себе плесни, угощаю.

— Ты где бегал, Джонни? В лесу? — отчего-то обозлился бармен.

— В армии, — растерянно проговорил Джон.

— А что ж не написал? Ты ж обещал! — сказал Сэм с укором.

— Часть секретная, — соврал Джонни, потупившись, Люси прыснула в кулачок.

— Ну, тогда понятно, — зло ухмыльнулся Сэм. — Сухой закон на гражданке! Пипец, бля, Родина в опасности!

— Ну и хорошо, давай свою колу, — примирительно улыбнулся Джон.

— Для кого хорошо, твою дивизию с тылу?!!! — продолжал негодовать бармен, наполняя им бокалы, — мне вот кранты! Молодым хоть в армию можно податься...

— Сэм, а ты как вообще... — замялся Джон, — ну выжил-то?

— Да хрен его знает, дружище! Когда ты ушёл, не помню, уснул я или в обморок упал. Слышу, орут громко, очнулся, а сам за стойкой валяюсь.

— А кто орал?

— Ой, и не спрашивай! Копы в мегафон орал, выходите, мол, по одному и без оружия, с поднятыми, значит, руками. Ну, я и вышел, блин, как было сказано.

Люси прыснула в бокал, Джонни укоризненно покачал головой, Сэмми кивнул, соглашаясь с компанией.

— Сэм, а что ты копам про меня рассказал? — невзначай спросил Джон.

— А всё, блин! Всё, что знал и что спрашивали! — ответил бармен с вызовом и продолжил горько, — то есть ни хрена.

— То есть они ни хрена не спрашивали? — уточнил Джон.

— Ну да! Били только, потом в камеру бросили. Я там до утра провалялся, а утром они меня нашли.

— Где? — не поняла Люси.

— В камере, доченька, — полиция, сука, всю ночь хозяина бара разыскивала! И нефиг так ржать, я всё-таки старше!

— Прости, Сэм, не со зла. Ну, отпустили тебя, и...

— Ни хрена меня не отпустили, Джон, в бар привезли для опознания. Они на заднем дворе парня нашли, тоже забрали как подозреваемого. Уж не знаю, как его допрашивали, только тело назад бросили, как было, и ко мне пристали, чтоб я его официально опознал на месте преступления. Бармен замолк, осуждающе глядя на скисшую со смеху Люси. Вздохнул и вбил последний гвоздь, — а потом на бар напали.

— Второй раз?! — удивился Джон.

— Не-а, первый. Ну, по официальной версии. Привезли пятерых каких-то, сюда завели, сказали мне, чтоб я их запомнил.

— А нафига? — не понял Джон.

— Чтоб опознал, когда их поймают, — спокойно поведал бармен.

— Так их же вроде уже... — пискнула Люси.

— А они снова! Что тут началось, и не спрашивай! Всё равно не скажу, опять мне в башню прилетело откуда-то. А когда я очухался...

— В полиции? — высказал предположение Джон.

— Здесь, — улыбнулся Сэм, — меня копы даже не били, представляешь? Сказали, что на бар вот только что напали, паренька водителя убили а фургон его угнали. Но их всё равно поймают, ведь я всех запомнил. Ага, до сих пор ловят, блин!

— Ха-ха-ха! — от души рассмеялся Джон. Радовался парень — ай да Цербер, ай да сукин сын! Брали-то его волкодавы, а спектакль обставлять, видать, лошки взялись, мужикам

им даже убивать не понадобилось!

— Уф, Сэмми, это... извини, что спрашиваю, я тебе триста баксов оставил, их, наверное, копы забрали?

— Ты будешь смеяться, но таки нет! — ухмыльнулся Сэм, — они меня даже не обыскали, сразу начали лупить. А потом и не с чего им стало меня обыскивать. Только нету у меня денег, Джонни, сухой закон этот...

— Ну и ладно. Сэм, а пикапчик твой живой? — вспомнил Джон слова Карла, что отряду нужна машина. — Если нет, сможешь быстро найти наподобие баксов за пятьсот?

— Тебе две машины нужно? — переспросил Сэм, — одну? Тогда забирай пикапчик, он в хоздворе уже готовый стоит... только, Джонни, пятьсот?

— Пятьсот, старина, не парься, — успокоил его Джон и как спохватился, — а этот как?

— Кто? — не понял бармен.

— Да посетитель твой! Это ж он, сволочь, музыкальный ящик своей башкой разбил! — напомнил Джон.

— А! Господин Та-ню! Да не видел я его больше, и не спрашивали про него...

Люси округлив глазки и открыв ротик, переводила взгляд с одного на другого, — так тот придурок, про которого ты рассказывал...

— Уже хвастаешься девчонкам, негодник! — хохотнул Сэм, но Джон не разделил веселье, выжидающе глядя на Люси.

— ...тот придурок — наш зам по тылу?! — закончила Люси.

Джонни присвистнул, оценивая новости. Ну, что он взял тачку господина Та-ню, Джон знал, но что господин Та-ню, мало, что редкая, но ещё и главная сволочь, стало для него новостью.

— Э... Сэмми, вот деньги за пикап, давай ключи, — заторопился Джонни, — пока старик, пора нам. И, Сэмми, ты нас не видел, лады?

— Как скажешь. А вы на пикапе поедете? Твою тачку куда-нибудь отогнать? — насторожился Сэм.

Джон обернулся к окну. Фу! Через жалюзи их тачку было толком не разглядеть.

— Я за ней сегодня же вернусь, Сэм, — уверенно соврал Джон уже на ходу.

Ребята прошли через чёрный ход в хоздвор, и Люси вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу — сумочку забыла! Джонни попытался ей сказать, что и хрен бы с ней, с сумочкой, ей без сумочки намного лучше, но она уже убежала, смешно семеня на шпильках. Блин, ждатель её ещё! Да ладно, пока ворота откроешь, пока пикап выгонишь, потом закроешь ворота — автоматика Сэму не по карману, а старость нужно уважать.

Джон уже закрывал створки, когда Люси спокойно, как на подиуме продефилировала к старому доброму Порд-пикапу. Чисто по-королевски разместились в простецкой порд-овской кабине на переднем сиденье и пропела-повелела, — трогай, Джонни, едем сначала на заправку.

— Так хватает же газолитра до сборного пункта, — несмело возразил Джон.

— А шопинг? Ты, милый, натошак и голышом от всех бегать собираешься? — удивилась Люси ласково.

Джон притворно мужественно удивился — с чего бы ему бегать? Люси тут же согласилась, что, конечно, бессмысленно Джонни убегать, всё равно поймут и убьют. Его бы давно убили, только не знали, где искать, а после угона машины господина Та-ню и разговора с барменом... ведь он же сдаст Джона, как миленький!

Джон глубокомысленно кивнул, соглашаясь, только отметил, как Люси упомянула Сэма — бармен. Презрительно и спокойно, как мертвеца. И пахло от неё смертью. Не острым, едким палёным порохом, он знал, что в сумочке у неё уже нет пистолета. От неё больше не пахло оружейным маслом. След запаха ощущался от её миленькой левой ручки. А девочка-то правша! С левой не всякий правша ножом пырнёт, а чтоб стрелять без специальной подготовки и думать нечего.

Та-а-ак! Её оговорка, что Харпёр — шакал, это раз. Номер тачки он ей сказал в канцелярии, чтоб пропуск выписала, а она типа поленилась. Это уже два. Сэмми, Царствие ему Небесное, это три. А четыре — матовый оттенок кожи её тонких пальчиков. На левой руке, это хорошо было видно по сравнению с розовой правой, когда Люси сложила их лодочкой у груди, уговаривая Джона. Джон заставил себя уговаривать, хам такой! Вроде как он не бросит Люси в опасности, ведь бармен её запомнил, и ей нужна защита, особенно Микки. Она горячо стала его убеждать не беспокоиться о ней с Микки! Но он её почти не слушал, она убедила его одним лишь словом.

С Микки! Он специально перепутал имена, но Люси сама не была уверена, что тогда, вся в слезах, сказала Ники. Мать неуверенна, как зовут её сына. Или дочку? Да в их общаге никто не в чём не может быть уверен, блин! Но она-то уверена, так ему прямо открыто говорит, — не волнуйся, нас с тобой не свяжут, никому и в голову не придёт, что я связалась с солдатом!

— Ну, конечно! Осталось лишь выяснить, нафиг ты со мной связалась? — подумал Джонни и вслух полностью с ней согласился. Вполне искренне согласился, ведь он готов был платить деньгами за её любовь с самого начала, так что для него ничего, в принципе, не изменилось. Только слишком уж крутую цену она запросила! Он был готов услышать любую сумму, или условие, да хоть Луну с небес на золотом блюде, но чтобы такое! Она просто предложила ему скрыться в развалинах — другие же скрылись, вот и те преступники из бара, скорей всего, тоже туда от полиции убежали. И там люди живут, у него получится, а она ему поможет, чем сможет, если что...

— Пипец! — проорали в Джонниной голове.

Офицерская проститутка, потерявшая из-за него работу, мамаша, не помнящая имя своего ребёнка, милая девчушка, только что хладнокровно убившая человека, оказалась настолько сентиментальной, что готова помогать беглому жандарму в развалинах! И самое интересное — не только ему! Из её слов выходило, что он же не может обратиться к своим новым друзьям в жандармерии, они его сразу сдадут — придётся Джону искать старых знакомых. Да эта ж сучка имеет в виду Цербера с компанией! Вот кто ей нужен!

Книжки и газеты Джонни не читал, но комиксы любил самозабвенно. Особенно про шпионов и заговоры. В детских своих фантазиях он сам был шпионом, разоблачающим и убивающим злодеев, или сыщиком, разоблачающим и убивающим злодейских шпионов. Ура, сбылась его детская мечта, он разоблачил шпионку! А что Люси именно шпионка, Джон уже не сомневался. Только что ему с ней делать? Убить? Убивать её он был готов всю жизнь, но лишь одним способом, э..., то есть двумя, ну... тремя... блин, по-всякому, короче!

Джонни свернул с дороги, загнал пикапчик на безлюдный пустырь и выразил полное согласие с Люси. Да, они сейчас поедут прикупить ему в дорогу вещей и продуктов, он оставит ей все деньги и уйдёт в развалины мимо постов, ни с кем не попрощавшись. Кроме неё, с ней он простится, как следует, вот так он по ней уже очень-причень соскучился...

Долгие проводы — лишние слёзы, в чём Люси убедилась не один лишний раз, и потому само расставание прошло скомкано. У неё даже не хватило сил изобразить радость, когда Джон отдал ей «все свои деньги», целых две штуки баксов! Пока бедняжка была чуть-чуть не в себе, Джонни успел съездить в магазин, но Люси даже шопингом из машины было не выманить. В супермаркете он по-солдатски организованно приобрёл рюкзак и сноровисто его наполнил.

Выехал на шоссе, проехали поближе к сборному пункту, остановил у бровки, вылез из пикапчика на обочину, забрал увесистый рюкзак и, махнув на прощанье рукой, солдатским шагом уверенно пошёл через заброшенную промзону в сторону городских развалин. По его прикидкам Люси должно было понадобится, минимум, ещё полчаса отдыха, чтобы уверенно сесть за руль. Отойдя достаточно от дороги, сломал курс на сто двадцать градусов и через час вновь вышел на обочину. Проголосовав, легко поймал попутку. Сказал, что едет в родной городок в отпуск, хотя ему ехать-то нужно было лишь до первой заправки. Но водителю это было неинтересно, он всю дорогу болтал о войне и политике, а Джон благодарно слушал, изредка подтверждая интерес кивками и удивлёнными возгласами. Наверное, он не сразу заметил, что Джона в машине нет, когда тот на газолиновой станции по его просьбе воткнул пистолет в горловину бака, сходил оплатить газолин, аккуратно повесил пистолет обратно, закрутил крышечку, незаметно выгрузил рюкзак, присел на корточки, хлопнул задней дверцей машины и проводил взглядом габаритные огни уезжающего серенького «жука».

Джону, вообще-то, был нужен телефон-автомат. Он набрал номер санчасти, попросил позвать Пауля, типа его дядя зовёт. Реальный, кстати, дядя дальнбойщик, действительно часто ему звонил, девчата охотно звали парня к аппарату, настолько он был очаровательно любезен и благодарен. Пауль и виду не подал, что услышал не дядин голос. Очень обрадовался, весело болтал для прослушки всякую родственную чушь и невозмутимо повесил трубку. Всё, как обычно, ничего особенного, и даже как всегда не вовремя закончились сигареты. Пришлось идти в чипок рядом с КПП, там вспомнить о небольшом дельце в городе и, воспользовавшись жандармскими связями, ненадолго самовольно отлучиться из расположения на попутке. Тоже до газолиновой станции, вернее до телефона-автомата. Ровно через час от первого звонка Пауль набрал номер шофёрского кэмпинга для дальнбойщиков. Ровно на пятом гудке Джон снял трубку и чётко продиктовал, кому, когда, где находиться и что прихватить с собой. И, не дожидаясь ответа, дал отбой. Теперь ему самому следовало поторапливаться. Джон в баре кэмпинга легко договорился с отбывающим дальше по маршруту водителем и на его грузовике вернулся почти на то же место, где простился с Люси. Зачем было огород городить? Да ради конспирации, благослави, Создатель, её и больную ей золотую голову Карла.

На губе, пока Джон мысленно разговаривал с бильярдными шарами, Карл мотал на ус житейскую примудрость, придумывал схемы и варианты для самых разных случаев, а связи и координации уделил особое внимание. Сокровищ своих от друга не таил, даже навязывал, что снисходительно воспринималось Джоном как маленькое дружеское сумасшествие. Но всё-таки воспринималось, и, как оказалось, совсем не зря. Карл сумел заразить Джона

интриганством в крайне тяжёлой форме махинаторства, и в его голове как сами собой вызревали коварные планы и дерзкие замыслы с учётом мельчайших факторов и нюансов. Хотя из-за жизненного опыта Джона и врождённого авантюризма они сводились, в основном, к бессмертной формуле — пришёл, увидел, ну и дальше видно будет. Но общие контуры задач и исходные данные он научился формулировать достаточно чётко. Потому Джон, казалось бы, в неожиданной ситуации, экспромтом, на ходу, смог составить план-перечень ближайших своих шагов, и по ходу их выполнения родился план компании. Главное его достоинство — такое никому, даже Люси, в голову прийти не могло, значит у них тактическое преимущество. Основной же его плюс — Джон никого не обманывал, даже Люси, делал всё, что она хотела, бежал и прятался, искал друзей. Только очень по-своему.

На том месте, где из дырки в земле ассенизаторская автоцистерна временами откачивала жижу, встретились Джонни, Карл и Пауль. Карл принёс комплект солдатского обмундирования, костюм химзащиты с автономным газоснабжением, и специально придуманную для таких случаев раскладную лесенку-подставку.

К чести Джона нужно сказать, первым делом он велел Карлу Джорджа, дежурившего сегодня на КПП, забрать в развалины и на глаза его никому не показывать. Во-вторых, нужно, чтобы Карл лично угнал от канцелярии пикапчик, на котором уже должна приехать Люси, и отогнал его в развалины. Теперь это их отрядная машина. В-третьих, через два часа, но не позже утра, Карл с парой надёжных ребят из отряда должен стоять на КПП при выезде в развалины и быть готовым к неудачному захвату живьём одной редкой сволочи. Он рванёт на прорыв с заложником на памятном Карлу фургоне, ну и сдохнет смертью дебила при сопротивлении.

— А заложником будешь ты? — задал риторический вопрос Карл.

— Ну а кто ж ещё? — хмыкнул Джон, — ты предупреди парней, чтоб не стреляли.

— Без команды? — уточнил Карл в сомнении.

— Вообще, блин, не зачем уже будет, останется только протокол, — успокоил Джонни друга и попросил Пауля рассказать о положении в большевистской ячейке.

Оказалось, что всё намного печальней, чем можно было ожидать от большевиков. У Пауля были основания доверять лишь Дэну, ведь он говорил только с ним, и Пауль один из группы не загремел в спецчасть. Остальных же не просто кто-то сдал, похоже, что они все сдавали друг друга, так быстро накрыли ячейку. Джон без лишних сожалений сразу прикинул, как можно использовать это обстоятельство.

Ещё Пауль неуверенно упомянул Брюса, Джон, может быть, его знает. Его отец, господин Чё-на, владелец прачечной. Джон улыбнувшись, подтвердил, что знает эту узкоглазую морду, даже приложился к ней пару раз. Пауль, не усомнившись, всё же высказал восхищение — Брюс драться умел, его папа с младенчества учил. Папа у него тот ещё фрукт, в полиции на него папочка, с исторической родины прислали. Он у тамошних бандюгов был в авторитете, но из-за каких-то ихних непоняток грохнул кого-то не того или не так. Вот и пришлось ему в спешном порядке отчаливать с благославенных своих островов. Так Брюс от папочки недалече ушёл, он, похоже, в армию подался не только из-за патриотизму или по большевистским убеждениям. Ему же папаша легко мог отсрочку оплатить. Так что коли понадобится серьёзная помощь, то за ней можно обратиться только к Брюсу. Джон, скривившись, всё же согласился, в конце концов, парень не виноват, что у него папаша узкоглазая редкая сволочь, напротив — это обстоятельство полностью оправдывало Брюса в его глазах. И уже переодевшись, по понятному желанию отсрочить погружение, попросил у

Пауля общих уточнений по складу и вообще спецчасти.

— Ну, казарма охраны, блокпост, казарма для солдат, открытая площадка, на неё есть выход из здания штаба, ангар и столовка с беднягой Харпёром. Спецчасть работает круглосуточно, ночью принимают машины из города, пока улицы пусты, а под утро начинают грузить транспорт материалами для развалин...

— И нашим вискарём! Джонни, ты б узнал какие машины с чем, чтоб наверняка? А то ж все подряд нам досматривать никто не даёт! — Влез со своим Карл.

— Дружище, ну вот зачем, по-твоему, я туда лезу? — процедил Джон, указав на дыру.

— Скрываться, конечно, — улыбнулся Карл, — самое надёжное место. Поэтому завтра ты, или предъявишь тушку Та-ню...

— Кого?! — изобразил удивление Джон.

— Одной редкой сволочи, — передразнил его Карл, — не забывай, что имеешь дело с полицейским!

— И что с того, что с полицейским? — «удивился» Джон.

— Ты реально не врубаешься, что ты легенда? — не поверил Карл. — Да про конопатого, лопоухого Джонни, который ходил в полицию помыться, полицейские бабушки полицейским внучатам рассказывают сказки!

— А у меня вырезка была из газеты, — мечтательно признался Пауль, — где господин Та-ню раком бошкой в мусорном баке.

— Редкая вырезка, — прищурился Карл, — редакция сгорела, редактора и всю его семью... каково тебе, Джонни? В общем, ты господина Та-ню...

— Или сообщишь номера машин с выпивкой. Хотя бы одной до обеда. Иначе после обеда тебе трындец, лично тебя сдам, — душевно заверил его Пауль. — Сам же понимаешь!

— Как я сообщу номера? Через колючку буду орать? — зло проговорил Джон.

— Ага, при помощи вот этой штучки, — протянул ему Пауль коробочку в целлофановом пакете, — нажмёшь кнопочку и проговоришь в микрофон номера. Не сомневайся, она работает, уже проверили. Батарейки хватит на сорок часов или всего десяток сообщений.

— Братишка нам связь придумал! — похвастался Карл.

— Парни, я же вернусь, — спокойно сказал Джон, — я же обязательно с вами ещё поговорю!

— Кто бы сомневался! — фыркнул Пауль.

— Не пуха! — напутствовал его Карл.

— Иди к Джулии, — улыбнулся Джон и надел маску. Присел на край дыры, свесив ноги, и осторожно погрузился в жижу с головой. Карл подал сверху лесенку.

Гра-та-та-та!!!

Выгребной резервуар по форме был равносторонним треугольником с вершиной в месте откачки и основанием, закрытым помостом в умывальне. Глубина ямы увеличивалась от основания к вершине, и заблудиться в ней Джон не боялся. Он уверенно двигался в подъём, выставив над поверхностью одну руку с чистой тряпкой, опираясь другой на стремянку. Почувствовав, что голова прошла через границу сред, он протёр тряпкой обзорный щиток маски. Впереди через дырки в помосте пробивался свет, освещение в помещении не выключалось.

Оказавшись под помостом, Джон свободной рукой открыл защитные клапаны наушников и прислушался. Первые же звуки его совсем не обрадовали, он даже решил, что ему не повезло — помостом воспользовались прямо над ним, буквально ему на голову. Но Джонни вспомнил, что оно, вообще, к деньгам, особенно если птичка с ветки или на лету. Солдатики тут явно в пролёте и на птичьих правах, так что всё одно к одному — ему же требовался информатор, а этот вот прям сам напросился. И место для допросу он счёл удобным, точно никто не помешает.

Установил Джонни лесенку, приподнялся и хлопнул дристуна по заднице. А когда сиделец отчасти на реактивной тяге судорожно принял вертикальное положение и убился бы об потолок, Джон предусмотрительно придержал его за ноги, резко дёрнул клиента вниз. Попытку застрять пресёк ударом головой под диафрагму, и осторожно помог ему стечь до места радостной встречи.

— Человек за бортом! В говне! В дыре! — заорал кто-то сверху, путаясь в определениях.

Что, в общем, было естественно и согласно нелепости ситуации, как и дурости всей затеи в целом. Джону пришлось признать очевидное, его экспромт был настоящей сырой импровизацией — ну, как всерьёз можно было рассчитывать незаметно вылезти из сортирной ямы в костюме химзащиты в солдатской казарме?! Ему ещё повезло, что ныряльщик потерял сознание и не дёргался, солдатика, кстати, повезло не меньше, иначе свихнулся бы нахер. Но раз уж все мы здесь сегодня собрались, нужно городить огород далее, куда кривая вывезет.

— Хм, в костюме я действительно буду выделяться, поэтому ну его... и пострадавшему нужно помочь, — подумал Джон, ведь он вовсе не был злым парнем. На ощупь снял с мужика ремень, связал ему руки и привязал к верхней перекладине переносной лесенки. Вытер руки о чистые ещё участки солдатской формы в районе ворота, стащил с себя шлем и спас-маску и приспособил на голову спасаемого. Отстегнув от себя ранец с дыхательной смесью, закрепил его на ногах солдатика, надёжно притянув их к стремянке. Уже без горестных вздохов, вообще, стараясь поменьше дышать, вылез из костюма химзащиты и привязал его к лестнице, а всё сооружение осторожно отодвинул из-под дырки в тень.

А наверху тем временем к бестолковым восклицаниям прибавилось осмысленной активности. В помосте были подняты две доски, и в образовавшейся щели появилось несколько брезгливо сморщенных морд. Джонни приветливо помахал им рукой. Его заметили, сунули ему швабру, чуть глаз не выбили, блин, и велели крепко держаться, а то, мол, второй раз его из говна вытаскивать не будут. Джон вцепился в деревяшку с дурацкой мыслью, что он почему-то не додумался использовать этот несложный инструмент при замерах фарватера, над людьми издевался, вот его и наказует судьба за бездушие!

Судьба, видимо, удовлетворившись его раскаянием, снова взяла сторону Джонни и уже не оставляла парня без удачи. Когда Джоннину тушку извлекли из щели, её, конечно, сразу не опознали. Хотя оно и понятно, после такой ванны негра от эскимоса не отличишь, что, в принципе, является доказательством всеобщего равенства. Но, несмотря на столь очевидный довод в пользу равноправия, Джона немедленно подвергли дискриминации. Ему было отказано в статусе пострадавшего на том лишь основании, что он стоит и дышит, а что слегка запачкался, полностью определяет его вину и меру искупления — ему запрещалось выходить из сортира, пока не отмоет всё вокруг, и сам не станет хотя бы с виду отличаться от какашки. Но, скорей всего, с таким ароматом, минимум, весь ближайший месяц он будет сильно занят работами в туалете.

Джонни и не возражал, изображая шок, впрочем, без особых усилий — он действительно был слегка озадачен. Окружающие упорно называли его Дэном. Однако разных Дэнов много и у Джона в душе шевелилась надежда, что под помостом на лесенке расположен другой какой-нибудь Дэн, пока она не была безжалостно раздавлена солдатским сапогом, выдавшим ему пендаля и пожелание творческих успехов «сраному фотографу». Джон в смущении, как стоял, вцепившись в швабру, так и принялся ею сгребать кучки в щель в помосте. Народ ехидным смехом одобрил его порыв, и веселился бы далее, но уж слишком напряжённой была атмосфера, и лишние поспешили удалиться.

Джонни немедленно приступил к извлечению Дэна из ямы. Его руки были удачно закреплёны на верхней перекладине лесенки, Джон легко до них дотянулся. Подтащил и выволок всю конструкцию целиком. Сняв с Дэна маску, кое-как отдышался, отвязал и уложил его в бетонный жёлоб для мытья ног, пустил воду и умылся для начала. Большевицкий фотограф открыл глаза, увидел Джона и в полубреду резюмировал:

— Я всё-таки в аду. Столько дерьма и этот конопатый засранец!

— Не хочется тебя огорчать, — дружески улыбнулся Джонни, обернувшись, — но это пока ещё всего лишь армия. Привет, Дэн.

Он искал в хозяйственном шкафу моющую пасту. Едучая дрянь, но надеяться ему больше было не на что.

— Привет, Джонни. Это ты окунул меня в нужник? За что?

— За ноги, блин. На твоём месте мог оказаться каждый, но не каждый бы сейчас разговаривал. — Джон был очень серьёзен, — хвала судьбе и твоему поносу.

— Ага, я очень тронут. И что ты собираешься делать? — спросил Дэн, настороженно глядя на снимающего с себя одежду Джонни.

— Сполоснуться слегка, — ответил он, намазываясь пастой, — подвинься.

Дэн уселся в жёлобе, Джон улёгся под бьющую из кранов воду.

— А смысл? — к Дэну на глазах возвращалась философская рассудительность.

— Пока без смысла, — поддержал его тон Джонни.

— В смысле пока? — предался Дэн любимым рассуждениям.

— Пока ты всё тут не отмоешь, дружище, — охотно ответил Джон, — когда ты плавал в говне в обмороке, тебя тут наказали... э... вообще-то, меня, но они говорили мне «сраный фотограф». Это ж они про тебя, правда? Вот отмокни немного, а то засохшее не отдерёшь потом, а я за чистой одеждой схожу.

— Спасибо, конечно, только куда?!

— Не за что, я для себя. В казарму вашу, постой на фасаре, хорошо? — попросил его Джонни, вытираясь рабочим халатом, взятом в шкафу.

— Хорошо, я пока никуда не собираюсь, — кивнул Дэн.

— Я быстро, — бросил Джон уже из-за дверцы.

Ему действительно не потребовалось много времени. Он пролез через дырку в стене и оказался как раз под бывшей собственной кроватью. На ней кто-то спал, но простой сон дело ненадёжное, и Джон, сориентировавшись по контурам тела, легко нашёл шею спящего и слегка надавил на сонную артерию. В казарме слабо горело ночное освещение, и никто не заметил, как Джон стащил со спинки койки обмундирование и прихватил ботинки. Спустя ещё полсекунды он аккуратно поправил маскирующую занавеску уже с обратной стороны и вышел из волшебного шкафа. Приключение напомнило ему одну сказку, что рассказывала мама, и он озорно улыбнулся Дэну.

— Дружище, ты слышал о Буратино?

— Нет, только о всякой Шушере, — скривился Дэн, — зачем ты вылез?

— Э... из говна? За тобой, конечно, — соврал Джон.

— Я сейчас расплачусь, Джонни! — воскликнул Дэн, — чисто от пафосу! Он вылез из говна спасать друга! Едва не утопив при этом, — заметил он сварливо.

— Надо было утопить, — заметил Джон, — толку от тебя! Хотя ещё не поздно...

— Ладно-ладно, спасай! — примирительно сказал Дэн, — только учти, в яму я не полезу!

— Опять? — иронично удивился Джон.

— Да, опять, и вообще — нас и тут неплохо кормят. — Проговорил Дэн и загрустил, — кормили. До твоего появления, гад такой!

И поведал свою печальную историю. Когда он попал в спецчасть, у него слов не было от злости — в их ячейке предатель! А теперь не хватает слов от избытка иных чувств, в основном благодарности. Ведь тут платят семьдесят баксов в неделю при полном довольствии! Или просто на полном не довольствии, если не работаешь, как вот ему теперь придётся из-за одного благодетеля! Хитрое здешнее руководство здорово это дело продумало — со стороны тюрьма, добровольцев не бывает, но никто из солдатиков на свободу не рвётся. Что они там не видели? Мушгры? Развалин? А тут мало того, что баксы зарабатываешь, есть шанс всю войну проторчать, потому что секретные все. Служивые мало того, что слова никому лишнего не скажут, сами чересчур длинный язык отгрызут — наступат точно.

— И ты? — спросил Джонни горько.

— А что мне это даст? — не стал ломаться Дэн. — Ты, раз сюда попал, оставайся лучше. Тут у всех документы на входе отбирают, удостоверение не спрашивают, если на работе. А мне как раз не выйти никуда...

— А ты всё тот же, рядовой Ха-ня? — ухмыльнулся Джон, — не похожи мы с тобой, Дэн.

— Да фигня это! — убедительно заговорил Дэн. — Я тебе свой жетон отдам. Ты егс сержанту в начале работы сдашь, он его отметит после смены и жетон вернёт. И всё!

— А как узнать в какую смену, к какому сержанту?

— Блин, если ночью, фуры разгружаем, начинается смена, пока не разгрузим. А днём фургоны так же загружаем. Сколько погрузок вывезешь, столько и отметят. Ты парень крепкий, нормально срубишь, и я тебе половину потом отдам, идёт?

— Половину? — посомневался Джон, — хрен с тобой, посмотрю, как пойдёт.

— Нормально пойдёт! — заверил его Дэн, — если я по семьдесят зашибал, ты легко

сделаешь сотню! Только попроси Томаса, чтоб пожрать мне с тобой передал...

— Харпёра? — удивился Джонни.

Дэн поведал о грустной судьбе Харпёра. Новые власти выперли беднягу с кухни и перевели в баландёры. Нынче солдатиков, вообще, в столовку не пускают, кормят только на рабочих местах — через каждые четыре часа полагается по пятнадцать минут. А бедняга Томас со сменным помощником катает тележку с баками, полными похлёбки, чаю, и с коробами с посудой и хлебом. Едва успевают всё отмыть между обходами, да и навряд ли стараются, солдатика и так всё съедают без гражданских претензий. В кухне же угнезвился товарищ Брюс, редкая, молодая, узкоглазая сволочь, но готовит вкусно, и много, и хлеба не жалеет никогда, и чай у него получается особенный. Видно, что старается парень, ничего не скажешь. Его с кухни вообще не выпускают, и каково ему там, неясно, только передал через Харпёра пару приветов и всё.

Ага, смекнул Джон, втянули толстого в политику, охмурили бедолагу. Но сейчас это к лучшему, будет с чего начать разговор. Что ж пора отправляться в ангар на работу. Отдохнуть бы не мешало, денёк выдался хлопотный, но времени мало до завтрашнего обеда, и часов всего сорок.

— Вот подойдёшь к товарищу Томасу, — перешёл Дэн на привычный подпольный тон, — передашь ему привет от Смотрящего сквозь.

— Сквозь что? — не понял Джонни.

— Сквозь всё, блин, — раздражился Дэн, — псевдоним у меня такой, подпольный.

— Сам, что ли, придумал, глазастый? — ухмыльнулся Джонни.

— Вот передашь ему от меня привет, — сухо продолжил Дэн, — он тебе подскажет, в смену какого сержанта лучше воткнуться...

— Ага, а по-другому Харпёрушка со мной и говорить не захочет? Ну, давай свой жетон, — протянул было руку Джонни, но резко остановил движение, — сполосни сначала!

— Да ладно, пожалуйста, — пробурчал Дэн, сунув алюминиевый овал под струю, — пойдёт? Забирай.

— Ну, я пойду, — буркнул Джон, направляясь к выходу.

— Стоять! — воскликнул Дэн и пояснил, — чтобы выйти из казармы, в неё сначала нужно зайти, иначе народ не поймёт!

— Блин, точно! Тогда вот что — поставь к продухам лесенку и глянь наружу.

— Зачем? — спросил Дэн, хватаясь за стремянку.

— Скажешь, когда не будет никого, — ответил Джон, отходя к противоположной стенке, — ну, как?

— Ну, никого, — проговорил Дэн, вглядываясь в густые сумерки.

— От винта! — воскликнула голова Джона уже снаружи. Вылетев из окна всем туловищем, он развёл руки в стороны, резко сместив центр вращения тела, сгруппировался и приземлился на корточки. — Стремянку спрячь, пригодится! — напутствовал он Дэна напоследок.

— Не дай Бог! — аж перекрестился коммунист-рентгенолог.

* * *

Джонни оглянулся на перекошенное удивлением лицо Дэна, бледнеющее в туалетном

оконце, и вздохнул от умиления. Вот что значит настоящий, верный друг! Он человека напугал до полусмерти, окунул в нужник, а тот за него Богу молится! Не то, что некоторые, хотя, что взять с полицейских! Главная их беда в полицейской модели устройство мира, состоящей из умных копов и всех остальных, само собой, неумных. И неумному Джону, по их воззрениям, ничего не остаётся, как им таким ушлым верить, и на этом весьма спорном допущении, они делают вывод, что поэтому он может обратиться за помощью только к ним! Вернее, ещё глупее — только к ним и только за помощью! Вот сколько Карл играл с Джоном в бильярд, но так ничего и не понял. Джону вообще ни от кого никогда не требуется помощь, лишь услуги. И чем корыстнее и подлее мотивы, по которым ему их оказывают, тем Джону спокойнее — просто так понятней.

А Дэн с его коммунизмом... неужели он действительно в это верит?! Царствие Божье на земле?! Мдя, Небесное всё же практически достижимо гораздо проще. Вот интересно — догадываются ли полицейские братцы, насколько они были к нему близки? Даже без дурацкого ультиматума Джону не составило бы уж очень большого труда разместить их бездыханные тушки в выгребной яме. И никто б не хватился — они же умники, залегендировали свои отлучки как следует. Что ему мешало зачистить единственные контакты, по которым о нём вообще можно что-то узнать? Ведь он с момента угона машины редкой сволочи господина Та-ню фактически на нелегальном положении.

Джон честно себе признавался — именно так и следовало поступить и спокойненько идти обживать развалины по совету Люси. И столь же откровенно он давал себе отчёт, кто виноват в вопиющей нелогичности его поступков. Тот, кто на самом деле обыгрывал ассов в бильярд, кто рисовал ему схемы коммуникаций, кто хохотал на всё сознание, когда Джона уносил рукопашный замес. Эта часть его души была частью ещё кого-то или чего-то, и это нечто требовало своей доли — финтов, издёвки, размазывания партнёров по сукну или по стенке.

А в данном конкретном случае простой справедливости. Полицейские братцы сказали ему — мы тебя не предадим, пока ты нам полезен. Ха, это им казалось, что они так сказали. На самом деле сказано было — ты нам никто и звать тебя никак (тоже новость!), мы тебя используем и сольём с максимальной для себя пользой. Ещё и убивать Джона самостоятельно хлопотно и чревато, лучше бы подставить. Вот это деловой разговор, это он понимает и всегда готов к сотрудничеству. С максимальной для себя пользой и удовольствием.

Что они хотят? Номера машин с вискарём? И чтоб он поверил, что для досмотра. Конечно же никого они досматривать не будут, проследят, куда машины направляются, организуют наблюдение... а потом крысы ограбят несколько объектов. Стоп! А что сейчас мешает сделать это настоящим крысам? Уж не их отряд — это точно. Они пусть успешно, но с трудом удерживают свой маленький район — и только. Единственное объяснение — получатели вискаря сами крысы! Но каким образом?

М-м-м... охраняет тут всё УМОП, Управление мест ограничения прав, но это только вывеска. Что под ней скрывается? Ну, конвой, охрана... В тюрьме Джону сидеть не приходилось, и таких знакомых у приличного парня сроду не было. Что-то обязательно должен знать ушлый Карл, но у него спрашивать глупо. Да ладно, получит он свои номера немного погодя, правда, будет ли в кузовах вискарь, Джон утверждать не возьмётся. Карлу надо, пусть сам и проверяет, организует слежку, а до нападений дело или не дойдёт, или Джону будет уже пофиг, тьфу-тьфу-тьфу.

Поплевав через плечо, Джонни отодвинул на время теорию и занялся насущным. Подкравшись к фургону, притаился, выждал некоторое время, оценивая обстановку. Помянул добрым словом полицейского психопата, выбравшего столь удачное место для фургона, достал из-под заднего правого спущенного колеса маленький ключик и открыл замок на топливном баке. Откинув крышку, засунул руку в горловину, нащупал бутылёк от сердечных капель, вытащил. В нём он спрятал ключи от дверей и замка зажигания и ниппели. Спокойно открыл дверцу, повернул массовый выключатель аккумулятора, откинул сидушку. Ага, ружбайка Сэма на месте. Достал из бардачка патроны, перезарядил оба ствола и положил пока оружие обратно. Включил зажигание и, не испытывая иллюзий, открыл капот, вручную подкачал в карбюратор газолину. Взаялся за кривой стартер — машина простояла больше двух месяцев. Через четверть часа остервенелого верчения мотор чихнул спросонья, нехотя та-такнул и заурчал. Джонни вынул насос и занялся подкачкой колёс.

Подготовив машину, он, не теряя времени даром, двинулся на разведку. Ему требовалось выбрать по возможности укромное место, где должен проходить Харпёр с помощником. Джону повезло с противником — реально занимались безопасностью только периметра, отдав всё внутреннее устройство солдатскому произволу. Кучи, конечно, не громоздились, но слепых и закрытых зон было достаточно, что могло объясняться лишь неистребимой дедовщиной. Подходящее место с безопасным подходом нашлось почти у самой столовки. Нормальный вход в неё был со стороны общей плаца, снаружи спецчасти, и охранялся умоповцами, а запасный вёл на внутреннюю помойку и, соответственно, в охране не нуждался. Действительно, нафиг нападать на баландёра, если он сам всем еду раздаёт, сколько влезет? Кстати, где он? Джонни посмотрел на часы. По обычному армейскому распорядку ужин был ровно в восемь. А на часах уже половина одиннадцатого. Так, где-то два-два с половиной часа у них должен занимать обход с раздачей, ещё час они посуду моют, и полчаса сами перекусывают, хотя Харпёру для этого отдельного времени никогда не требовалось. И в подтверждение его расчетов показали две фигуры с тележкой. Джонни спокойно дал им пройти в столовку — не самому же посуду мыть, есть дела поважнее.

Сам он пока вернулся к фургону и приступил к выгрузке вискаря. Всего оказалось десяток ящичков виски и два десятка пива — маловато... Непьющий Джонни не был уверен, хватит ли. Но слышал, что если пьющему долго не давать выпивку, его развезёт и с небольшого количества. Впрочем, всех поить он не собирался, достаточно будет пары десятков пьяных идиотов. Хм, порой хватало и одного, но Джонни решил действовать наверняка и занялся скрытным перетаскиванием боевых отравляющих веществ в место их тактического сосредоточения, поближе к помойке у чёрного входа в столовку. Только-только управился, как на выходе нарисовались долгожданные силуэты. Джон скользнул к ним тенью, нанёс рубящий удар в основание черепа фигуры потоньше, а с той, что потолще, вежливо поздоровался.

— Привет, Том, тебе привет от Смотрящего сквозь... э... Том?

К нему обернулась фигура потолще, лицом, явно не похожим на Харпёрово. Надо же было настолько обознаться! Но кто бы мог подумать, что на Харпёра так подействует всего месяц прогулок вне столовки. Джонни, по сути незлой парень, придержал пострадавшего от излишне резкого падения, но ситуация явно выпала из протокола, и он временно отбросил тушку друга. Толстый незнакомец как раз набрал побольше воздуха с очевидным умыслом завопить поистощнее, когда Джонни врезал ему под диафрагму, ударом под колено перевёл для начала в партер, а с карачек уложил нейтрализующим по шее. Содрав с потерпевшего

фартук, натянул его на себя, получилась почти плащ-накидка, и, сопя с натуги, оттащил тушу за гору пищевых отходов, под которой с трудом угадывались очертания мусорных контейнеров. Немного поразмыслив, Джон перевернул крайний бак, надёжно замаскировав следы своей преступной деятельности. В принципе ничего не изменилось, и Джон, как и положено нормальному помощнику баландёра, принялся приводить его в чувства. После нескольких пощёчин веки Харпёра разлепились, зрачки выкатились из-под лба, сфокусировались на радушной физиономии Джона и поспешно закатились обратно. Что было сочтено Джоном явным признаком узнавания.

— Да ладно тебе, Томас, сам знаешь — я никакой не глюк, ничего не пройдёт...

— Господи! — прошептал Томас.

— Кстати, отлично выглядишь, я тебя даже сразу не узнал.

— Спасибо. А ты совсем не изменился, — пролепетал Том.

— Привет тебе от Смотрящего сквозь, — перешёл Джонни к делу.

— От Дэна, что ли? — усмехнулся Харпёр, — и что ему понадобилось на этот раз?

— Да как всегда, в общем, — пожал плечами Джон, — революцию устроить.

— Прямо сейчас?! — Харпёру показалось, что он сострил.

— Ага, — не стал его разочаровывать Джон, — уже этой ночью.

— Так, — посерьёзnel Том, — революцию устраиваешь ты?!

— А ты против? — делано не поверил Джон, — ну, извини...

— Что ты, что ты! — горячо заговорил Том, — я только за! Только давай завтра?

— Промедление смерти подобно! — пафосно заверил его Джон, — ты в курсе почему?

— Не-а, — вытаращился на него Том.

— Потому что, если ты и дальше будешь корчить из себя придурка, я тебя убью, — просто заверил его Джон, — ты мне веришь?

Харпёр уверенно кивнул.

— Тогда выливай чай на землю, — отдал Джон первое распоряжение, — я сейчас.

И удалился за первым ящиком с пивом. Обернулся быстро.

— Чай вылил? Молодец. Открывай бутылки и лей пиво в бак, я сейчас ещё принесу.

— Что ты задумал? — совсем потерявшись, проблеял Томас.

— Праздник, — улыбнулся Джон, — просто праздник!

* * *

Джонни понял намерения Карла в целом верно, но не полностью, для этого нужно было знать, что из себя представляет УМОП. Дело в том, что сам по себе УМОП был именно управлением и не более. Вывеской и кучей клерков, которые в большинстве своём даже не представляли, что из себя представляют места ограничения прав. Как, впрочем, и большинство такийцев. Просто большинство полноправных, свободных граждан знать не хотели, что их город, деревню, частный дом могут объявить таким местом, даже не поставив их в известность. Что абсолютно законно и логично, поскольку в первую очередь ограничивалось право на получение информации. Временно, до необходимых разъяснений. Но когда дело доходило до официальных разъяснений, обычно всем заинтересованным лицам уже было всё ясно или фиолетово в крапинку. Ведь разъяснения давали вообще неофициальные лица — натурально поддержание режима ограничения прав являлось

частным бизнесом частных структур. Ну, не все ковбои в прошлом были хорошие, и не все рейнджеры подались в полицию.

Благодаря этим структурам Такия никогда не знала организованной преступности, просто по её законодательству не могло происходить преступности, то есть правонарушений, в местах ограничения этих самых прав. В местах «компактного проживания перемещённых аборигенных и самовольно проникающих лиц», в депрессивных экономических зонах с пониженным уровнем комфортности, особенно при условии извлечения жизненно важных для национальной безопасности ресурсов, просто в депрессивных зонах, где поддержание уровня прав не позволяют интересы национальной безопасности — тупо нет денег на полицию.

Ну и те, что известны всем под названием «тюрем», где человек, не будучи в ладах с законом, мог и дальше класть на него с прибором, заняв в иерархии частных структур подобающее ему по его силе или деньгам место. Карл очень хорошо знал, что их развалины, начиная с жандармских КПП, и спецчасть за колючкой — как раз такое место. А зампотылу господин Та-ню не просто сынок главы магистрата, он сынок Та-ну, главы одной из старейших частных структур, подмявшей под себя не одно такое место. Что, конечно же, очень не нравилось другим не менее уважаемым и старым подобным структурам. Карл был уверен, что Джонни грохнет сыночка, и он также хорошо знал, что Джонни после этого долго нигде не прожить. Разве что на войне, но до неё ещё как-то над доплыть. Поэтому Карл неотлучно дежурил на КПП, не отходя от станкача. Уж в этот-то раз он не пропустит фургон без пропуска! Джонни, конечно, славный парень, благодаря ему у них теперь свой отряд, даже деньги. Но просто давить крыс глупо! Когда можно попытаться договориться с серьёзными людьми, доказать им свою полезность, занять место в их иерархии. А Джон для этого слишком резок, непонятен, непредсказуем, неуправляем... да, если честно, Карл его просто боялся! И Пауль, конечно, прав, что такой отморозок доведёт их до беды... Но Карлу было стыдно, ему казалось, что ему было стыдно, вернее, ему хотелось так думать — он просто не желал верить своему ощущению, что беда уже происходит, уже произошла, и ничего не изменишь.

* * *

Итак, к деловито суетящемуся безмятежному терминалу двинулись зловещие тени: Харпёр, укоризненно сопя и даже пыхтя, толкал тележку, а его помощник с наглой мордой шёл почти налегке, чем-то подозрительно позвякивая в сумке через плечо. Целенаправленно направились к первой свободной платформе, ребята только отправили машину — прервать погрузку было немыслимо. Облегчённо вздохнув, проводили взглядами отъезжающий фургон... и уставились на злодейскую парочку.

— Томас, нас уже кормили. — Весело сказал до икоты знакомый Джонни недоренгененный сержант.

— Вот зараза живучая, — улыбнулся Джонни в душе, умильно разглядывая ставшую немного придурковатой сержантскую личность. — Но вот ведь чудо-машина этот рентген — всю суть выявляет!

Но полным дауном бедняга не стал — задумчиво взгляделся в радушную конопатую курносую харю.

— Не напомнишь, где я тебя видел? — севшим голосом осведомился надсмотрщик. УМОП в детали не вдавался. УМОП в детали не вдавался, солдатикками командовали «списанные» сержанты и прочая сволочь.

— В штабе, наверное, — небрежно бросил Джонни, — я по поручению оттуда, контролирую выдачу праздничного довольствия — слежу, чтоб всё, что положено, дошло по назначению.

— Какой праздничный штаб довольствия??? — забуксовал придурок, его таки крепко двинуло по фазе.

— А что положено? — перешли к делу солдатики.

— День рождения господина Та-ню, — возвестил Джон, — и по итогам за отчётный период. А положено рядовым пиво, а вам, господин сержант... — злодей нежно взял сержанта за локоток, увлекая немного в сторону. Тот непонимающе на него уставился.

— Вот, — вынул Джон из сумки бутылку вискаря, — только прячьте быстрее, рядовым об этом знать не рекомендуется.

Солдатики задумчиво наблюдали за этой сценкой, нехорошо поглядывая на Джона, особенно на его сумку. Но не забывали подходить с манерками к баку, а Харпёр «не замечал», что очередь отчего-то не кончается.

— Толстый, ты что творишь?! — по старой памяти обратился к другу Джон, — по одной порции! Другим же не достанется! Блин, с кем приходится служить!

Но было поздно, черпак тоскливо скрежетал по доньшку.

— Вот чучело! — возмутился Джон, — снова идти за следующей порцией, а у меня ещё в сумке...

— Сержант! — принял решение Джон. — По поручению штаба, составьте список одиннадцати командиров и бригадиров. И выдайте им под роспись праздничное довольствие!

— Так точно, э... — вытянулся придурок.

— Да просто Джон, — отозвался рыжий, извлекая «довольствие» из сумки прямо под ноги сержанту. Ну, не было у него другой сумки! И сказал вполголоса — Пойдём, Томас. П — ц сержанту, виски — это не какой-то там рентген.

В целом Джонни был доволен Харпёровой самостоятельностью и понимал парня — ему очень хотелось, чтоб всё побыстрее закончилось. Бедняга решил, что им нужно просто перетаскать весь вискарь и пиво. Вот ещё! Сколько хватит для начала, столько и достаточно, — улыбался Джонни, глядя на деловито суетящегося Томаса. Тот шустро наполнил бак, но не доверху, и вкатил в пиво ящик вискаря, дюжину бутылок.

— Вот умница — одобрил Джонни. — Пойдём.

На вторую ходку их встречали. Харпёр флегматично за работал черпаком, а к Джонни подошёл верзилушка. Недобро заявил, что он и командир, и бригадир, и список у него готов на двенадцать персон.

— Список переписать на двадцать четыре фамилии, — отрывисто скомандовал Джон, опорожня сумку.

— Сумочку тоже давай, — ухмыльнулся амбал.

— Не могу, дружище, самому нужна, — из сумки амбалу в глазки двумя стволами заглянуло ружьё.

— Как скажешь, командир! — отшатнулся служивый, вспомнив о субординации.

— Вот и замечательно, — осенило Джона, — ты вот что, командир и бригадир,

прихвати пару бойцов и за мной. Составишь список на всё остатнее.

Действительно — что он сам как дурак бегаёт?

— Ну, конечно, командир! — не поверил своему счастью солдатик, но распорядился деловито.

Выдав бойцам праздничное довольствие, Джон отправил Харпёра «мыть посуду» и носа из столовки не высовывать. А он организует шоу и прибежит ему помогать. Уговаривать Томаса не пришлось. Джон набрал в сумку пустых пивных бутылок и вернулся к фургону. Опустил в бак шланг, потянул воздух и, отплёвываясь, наполнил тару газOLIном. Разорвал халат помощника баландёра на лоскуты, заткнул горлышки. Бережно уложил бутылки в свободный ящик с сепарацией и надёжно его привязал. Уселся за руль и, напевая, — праздник к нам приходит! — поехал прямо к штабу.

Времени было в обрез, рикошеты изобретались на ходу. Джон рысцой побежал к терминалу. На площадках шла нормальная драка. Ребята били морды возмущённых простом водителей фур, в конец доставших кладовщиков-учётчиков и давно бесивших сержантов.

— Добавим-ка огоньку, — пропел Джонни, поджигая фитили, — первая пошла, вторая пошла. Ух ты!

Одна прилетела особенно удачно — машина почти сразу взорвалась.

— Забегали, ага-ага. А теперь внимание, барабанная дробь, — веселился Джон, занимая позицию за штабелем ящиков, — прибежали, родимые? Ну, получите.

Джон хладнокровно прострелил головы двум УМОПовцам подоспевшей группы быстрого реагирования.

— И ещё разок, — сменил он позицию, перезаряжая ружьё на бегу, — тах-тах, вы убиты!

Джон играл в войнушку, только те двое и взаправду померли.

— Эх! Ну, напоследок, для души, — грустно проговорил Джон, в сущности, не злой парень. Просто он иногда чересчур увлекался. Два выстрела — два тела, и Джон вышел из ставшей уже неинтересной игры.

Бойцы ГБР основным своим оружием считали дубинки и ботинки. Огнестрел тоже имелся, но так редко применялся! Не все ковбои были героями — по судебным документам большинство погибших в славные времена рейнджеров были убиты выстрелом в спину с близкого расстояния из ружья... картечью! Вот и у этих кроме картечных ничего с собой не оказалось. Но шесть убитых за минуту! Каратели открыли огонь тупо в толпу солдат. Солдатики попрыгали за ящиками и ответили, чем под руку попало.

Но это так — для истории. Звуки «ответных» выстрелов Джон услышал уже возле здания штаба. Впрочем, он хорошо представлял себе шоу во всех деталях. Но сказочная ночь всё не кончалась.

— Хм, карета для Золушки, — усмехнулся Джон, запуская двигатель. Вышел, вытащил бутылки с зажигательной смесью, запалил все фитили. — И приглашение на бал! — бутылки одна за другой полетели в открытые окна первого этажа. Джон хорошо представлял себе помещения штаба, и запомнил слова Люси, — случись пожар на первом этаже, выход только в окно. А под окнами зама по тылу тарахтел фургон с услужливо открытой водительской дверцей.

— Какая-то золушка ненастоящая, — оценил Джон прыжок господина Та-ню. Из другого окна с визгом выпрыгнула Джулия и тоже сунулась к фургону, но спортсмен, краса нации, опрокинул её с ног небрежной пощёчиной тыльной стороной ладони. Да просто

отмахнулся, уселся за руль и, не собираясь никого спасать, двинулся на выезд из спецзоны. Джулия рыдала, лёжа на земле.

— Дурочка везучая, — прокомментировал Джон, — однако, бал состоялся, нормальным золушкам пора на кухню.

И тенью шмыгнул в направлении столовки, ему было нетрудно обойти горячие места.

— А скоро тут у всех все места задымятся, — усмехнулся своим мыслям Джонни.

* * *

Светлый праздник жандармерии — беспорядки, а перестрелка в спецзоне — именины жандармского сердца. Оно истекает кровью, если ему куда-то нельзя, тем более на территории сборного пункта. А что там зона временного ограничения прав под управлением частной структуры... жандарму особенно мило. Сложные у полиции чувства к тем частным структурам. Отряд Джона из развалин звать не стали, кто ж такой вкуснятиной будет делиться? Лейтенант лично повёл своих орлов на штурм столовки. Жандармам не составило слишком уж большого труда отпинать заранее прилётшую на живот, руки за голову, УМОПовскую охрану. Стратегический объект был взят. Захвачено пятеро солдат, вернее четверо...

— Вот почему мне совершенно не удивительно встретить тебя здесь, капрал? — проворчал лейтёха Джону, скромно стоящему перед ним в белом фартучке, руки в мыльной пене по швам.

* * *

Господин Та-ню не счёл нужным притормаживать у КПП. Подумаешь, жандармы. Возможно, если бы он плавно остановился, вышел к ребятам... его сгубила спесь. Карл нажал на гашетку, лучший в мире станкач затрясло в экстазе. Одиннадцать миллиметров в упор — этого хватило бы и бэтру. Изрешеченный фургон, паря прострелянным радиатором, затих в кювете. Карл, заранее обнажив табельный ствол, направился проконтролировать работу пулемёта. Рванул водительскую дверь, из неё вывалилось, хоть и почти без черепной коробки, с развороченной грудной клеткой и без оторванной по плечо руки, тем не менее, легко узнаваемое тело. Других тел в кабине не было. Карл задумчиво посмотрел на табельное оружие в своей руке...

— Мдя, на самоубийство не спишешь, — протянул он.

— Чарли, — окликнул его боец, — Поли звонит.

— Ага, — откликнулся тот, и побрёл к доту, бормоча, — обрадую братца, может, у него дела ещё хуже.

Нарочито, на публику, зевнув, взял трубку.

— Карл, в спецзоне творится что-то невообразимое! Джон не отвечает! — запаниковал Пауль.

— И всё? — насмешливо перебил его брат.

— А что ещё? — растерялся младшенький.

— Я... только что... расстрелял из пулемёта...

— Джона? Ну, не переживай так, ты ж не хотел, — принялся утешать его Пауль.

— Я и не переживаю, хотя и хотел бы, — усмехнулся Карл и, вздохнув, закончил, — я расстрелял господина Та-ню.

— Как??? — Задохнулся Пауль.

— Ты дурак или глухой? — почти истерично веселился Карл. — Я ж говорю — из пуле-мё-та! Разобрал? Приступай к эвакуации в развалины. Нам давно требуется свой лазарет.

— Куда??? Нас Джонни грохнет! — воскликнул совестливый Пауль.

— Не грохнет, ему пофиг лирика, — убедил его циник Карл, — чтоб к утру ты был на базе. Понял? Понял, спрашиваю??? — заорал Карл.

— Да, брат, как скажешь. — уже спокойно ответил Пауль и хмыкнул, — папку жалко...

— Обсудим это с Джоном, — обнадежил его Карл, — собирайся, брат, пошевеливайся.

* * *

Жандармы со вкусом приступили к наведению порядка. Ребята справедливо рассчитывали на богатый куш, реки виски и горы сигарет, но двигало ими благороднейшее стремление защитить попорченную справедливость — это наш сраный бизнес, вашу мать, уроды!!!

Джон, стянул с себя фартук, вытер им руки и бросил на пол.

— Томас, дружище, рад был повидать, но мне пора...

— И мне, — заявил Брюс Чен.

— Ну, иди, — пожал плечами Джонни.

— Ты в развалины? Я с тобой, — спокойно сказал парень, — только... ты ведь жандарм, да?

— Да! И тебе со мной нельзя, тем более в развалины.

— Понимаешь, — замялся Чен, — у меня тут килограмм дури. Её сегодня должны были забрать, да, видать, уже вряд ли. В общем, или ваши найдут, или бандиты... нельзя мне тут оставаться, убьют ведь.

— А дурь должны были отвезти в развалины? — прищурился Джонни.

— А куда ж ещё её отсюда везти? — удивился Брюс. — Только покупатель товар не получит, предъявит людям Та-ну, а те...

— Дурь — порошок? — Чен кивнул.

— Забирай и пошли, — решил Джон, — посмотрим...

Он озорно улыбнулся, — посмотрим, как они в развалинах нашему отряду что-то будут предъявлять!

У выхода из столовки удачно подвернулся отличный джип.

— Лейтенантский! — блаженно улыбнулся Джонни. — Мощный, вместительный! Это, Чен, у тебя на кухне хороших консервов не завалилось?

— Завалим с верхом! — улыбнулся Брюс и крикнул помощникам, — Томас, оболтусы! Бегом!

Томас грустно, отрывая от сердца, сам грузил уже свои консервы. Поваром-то вновь назначат его. Но как откажешь такому другу? Действительно, быстро накидали едва не с горочкой и поехали спокойно. Дело-то обычное — Джон одним знакомым ребятам сказал, что это для их клуба, а другим и говорить ничего не пришлось — «бешеные» жандармы где-

то джип угнали и продуктов стырили.

Добрались, разгрузились, устроились. Джонни утолив первый голод, спросил, — а скажи-ка, Брюс, откуда отравы?

— Папка делает, — буркнул парень.

— В прачечной? — усмехнулся Джон.

— Ага. Понимаешь, какая хрень... это очень длинная хрень, может, сперва отдохнём?

— Да и впрямь, не к спеху. Сейчас ребята должны подъехать, познакомлю и баиньки. Но завтра ты всё расскажешь без обману, хорошо?

— Сука буду, коль совру! — зевнул Чен.

* * *

Карл прикинул дальнейшее. Мама умерла в прошлом году, а батю надо спасать — клан Та-ну шутить не станет. Ага, папаня должен быть на дежурстве, повезло! Так... набрал центральную, затребовал срочную связь с полицейским управлением. Попал он просто на диспетчера, назвал кодовую фразу и номер отделения полиции, его соединили. Сообщил дежурному о зверском убийстве, заявил, что пропустят копов. Он сам из жандармерии, да у них процессуальных прав нет — по инструкции следует полицию звать, тьфу.

Папаня у начальства не в чести, капрал в сорок пять, его и погонят старшим на столь отдалённое и малоприятное место происшествия. Дальше — откуда Карл помнил этот фургончик? И Джулия рассказывала анекдот, как какого-то водилу два раза убили, убийц до сих пор ищут... и Джона привёз капитан Ха-на... Ба! Это же анекдот про его отделение «Нападение на бар «Икота бегемота»! Хотя...

— Да и пофиг, попытка не пытка, попробуем выиграть время, — решил Карл и попросил диспетчера соединить его с отделением Ха-на. Сообщил, что задержано транспортное средство без номеров, по приметам фигурирует в сводке. Ну, как откуда ему это знать — у него ж папа полицейский, и приметы характерные. Сине-белый автофургон с логотипом... Вот-вот, на сборном пункте... какой разговор — конечно, пропустим, самим интересно! И дёрнув за рычаг аппарата, перешёл на внутренний коммутатор, наvertsел номер внешнего КПП. Передал приветик приятелям и попросил не задерживать копов, они, мол, по приглашению — ЧП. Вообще, он всё сделал по инструкции, Карл — хорошо воспитанный полицейский мальчик из хорошей полицейской семьи.

* * *

Пока он поджидал папаню с нарядом, или наоборот — наряд с папаней? Ну, это лирика службы, тем временем его коллеги, умиротворили территорию спецзоны — даже вертухаев с вышек сняли... э... точными выстрелами. И вовсе не звери эти жандармы — пёсиков пожалели — они ж не причём, божьи твари. Солдатиков попросили полежать смирно, носами в землю, руки на затылок. Вот, удостоверившись, что сопротивление не оказывается, приступили к спасению, осмотру и аресту незаконного имущества... э... штаб тушить не стали — не их это дело и ну его нафиг. Естественно, проявили человечность, позвонили в санчасть, но не дозвонились, отчего-то связи не было. Ладно, списали явление на

беспорядки, погнавши посыльного в лазарет, а сами, хоть и вынужденно, но приступили к оказанию первой помощи пострадавшим. Через полчаса вернулся посыльный и по-дурацки крутя головой, спросил, — а... а где они?

— Кто? — почуял недоброе лейтенант.

— Медики, мне сказали, что все на выезде. И я подумал, что они уже здесь, — пролепетал молоденький жандармик.

— С-с-сука! — змеем прошипел офицер, — сейчас сам съезжу.

Но выскочив из дверей столовки, своего джипа в поле зрения не обнаружил.

— Джонни, с-с-сука! — заклинило лейтенанта. Но других транспортных средств не было, делать нечего — попёр пёхом. Не гонять же дебилов по сто раз, придётся самому всё выяснять.

В лазарете милая сестричка, округлив глазки, рассказала, что в развалинах прям битва какая-то, много раненных. И нужны все машины и много оборудования. Хорошо, шефы лазарета, электрики, помогли быстро собраться, погрузили какие-то ящики, провода. Девчонок, само собой со всем инструментом. Поли даже рентген забрал, говорит, будем испытывать, как он работает в полевых условиях. Умилённо глядя на девоньку, лейтенант Да-на, попросил соединить его с базой отряда быстрого реагирования. Ага, тут связь работала отлично, но радости это обстоятельство не принесло. Офицеру ответили, что бой ещё идёт, типа, он там всегда. Чарли ранен и без сознания, Поли рыдает от горя, у него шок. Да-да, Джонни Ха-ня тоже ранен и в бреду — всё куда-то шлёт какого-то лейтенанта. «Нет, господин лейтенант, куда и какого именно не уточняет, говорят же вам — бредит и судороги. Да, за живот держится и ножками сучит. Так точно, господин лейтенант! Есть передать, когда очнётся, чтоб он сам шёл».

— Пригрели крысёныша, — резюмировал офицер. Интересная ситуация! Солдатиков не привлечёшь — штаб горит синим пламенем, а в спецзоне все под подозрением... а собственно в чём? Ну, не самим же раненых таскать! И в округ надо звонить за помощью.

— Городская связь работает? Отлично, набери штаб округа... да, сука, в четыре утра!!!

* * *

Люси, не перебивая, долго слушала, спокойно положила трубку на рычаги. Несколько секунд смотрела на аппарат со странной улыбкой, и вдруг он разлетелся брызгами под её неожиданно для милой девушки сильным ударом.

— ... и..... тварь! — процедила она со странным акцентом и громко расхохоталась, — вот же конопатое, лопаухое чудовище! Он хоть раз сделает что-нибудь так, как его просят?! С меня пока хватит, пусть с ним Эрхуф договаривается. Бедняга Цербер! — захохотала она ещё веселее.

* * *

Карл обрадовался папке, только ведь его мужики пока без него справятся? А им надо до штаба подскочить, пропуск хотя бы задним числом оформить. Батя, старый служака, улыбнулся формальностям, полез за руль полицейского фургона.

— Хорошая машина, лишней не будет, — мысленно оценил Карл. — Опа, эти охلامоны даже рации оставили — ну, вообще, прелесть!

— Показывай, сынок, куда рулить, — благодушно прогудел капрал.

— Да вот прямо по дороге... как сам?

— По вашей мамке скучаю, — вздохнул отец, — по вам, сорванцы. Вот хоть тебя повидал... как Пауль, его не обижают?...так ты говоришь там штаб?

— Ага. Главное — там Поли. Поехали дальше, папочка, — ласково проговорил Карл, вдавив в папин бок ствол пистолета.

Цербер и первый «Зов»

Первым на базу прибыл Пауль. Но сначала немного о базе. «Особняк» — двухэтажка, все подземные трассы завалены, вокруг открытое на полсотни метров, хорошо простреливаемое из трёх ручных и двух станковых пулемётов, пространство. С крыши станкачи, вообще, перекрывают почти все перемещения по поверхности квартала — на кривой козе не подъедешь. «Первый» и «Второй» — примерно такие же дома, но связанные между собой и с «Отморозком» тоннелями. Пулемётам там не разгуляться, но живой силы скрытно можно держать много и в случае чего... да просто это два самых удобных места сосредоточения для атаки на «Особняк» — решили, что лучше самим занять. «Отморозок» — очень большой дом, и к нему ведёт уймаща подземных коммуникаций, что-то административное, видимо, было. Но для ребят тоннели в основном ведут от него — они переняли крысиные повадки — полюбили появляться из-под земли бесшумными тенями, где их не ждут, и минировать всё бесперечь всякой гадостью. В самом «Отморозке», здоровенном пятиэтажном здании, тоже интересно поиграть с крысами в войнушку. Последнее время уже редко, не то, что вначале, когда только обустроивались. Правда, с прибытием Пауля, всё должно измениться.

«Прибыл Пауль» — это нечто большее, чем... э... прибыл кто-нибудь другой. По порядку:

Во-первых, боевая тревога, режим максимальной готовности, гм, навсегда. Ребятам отныне предстоит охранять: автофургонов с оборудованием (рентген!!!) и медикаментами два, автофургон почти пустой (провода и электроприборы) один, но к нему прилагается банда штатских, «электриков» (пять персон), семь смазливых девчушек (медперсонал), и с ними микроавтобус и ещё двух водителей, тоже какие-то электрики. Ну и самого Пауля, он, конечно, медперсонал вёз, никому не доверил.

Во-вторых, жуткий напряг для «нормальных» жандармов, оказавшихся в отряде за провинности или наглое умничанье. Им предстояло транспорт разгрузить, имущество складировать и отвечать за наличие и сохранность. И, прежде всего, разместить людей, удовлетворить минимум потребностей, непрерывно улучшать условия размещения и расширять список удовлетворяемых потребностей. Ну и увеличивать высоту или глубину (кому как) их удовлетворения. Ребята поклялись в душах никогда не безобразничать и вообще не умничать, пусть даже им придётся умереть дебилами, но в старости... если удастся дожить до окончания вахты. Самостоятельные и неприхотливые «бешеные» смотрелись в новом свете просто лапочками!

В-третьих, сам дружище Пауль — тот ещё оригинал: «Где тут можно пописать?» В развалинах! А второй вопрос был традиционен, — где Карл?

Джон, глядя на него, грустно улыбнулся и так же традиционно ответил, — я что, сторож брату твоему?

Но решил не мучить парнишку, сказал Ю — у меня предчувствие, что он тут скоро будет.

Пауль неуверенно улыбнулся и забормотал, потупившись. — Ты это... прости, если можешь...

— За что? Накосычил, что ли? — Джон серьёзно на него посмотрел, — а ну признавайся!

— Мы тебя это... — шмыгнул носом паренёк, — хотели того...

— Получилось? — усмехнулся Джон и, не дождавшись ответа, спросил, — перехотели?

Пауль кивнул.

— Вот и не грузись. Я вас тоже хотел того, прям у ямки, — успокоил его Джонни, Пауль удивлённо заглянул ему в лицо, — а ты как думал? Да вздумалось мне с вами поиграть, ну и пользы от вас вон сколько!

Пауль ошарашено смотрел на Джонни — до него стало доходить, вернее ломая преграды «Нет! Так не бывает! Это невозможно!», через весь мозг ломилось осознание того, с кем они связались. Он отчётливо вспомнил Джона, забивающего победный дуэлет от борта — ему тогда ничего не казалось...

— Рот закрой, — ухмыльнулся Джонни, — правила уяснил? Пойдём, познакомлю с хорошим человеком.

* * *

Карл прибыл гораздо скромней — на полицейском фургоне и с папой под дулом пистолета. Так же под дулом проводил его в «Особняк», направо, улыбнуться приятелю с винтовкой, по лесенке на второй этаж, снова направо и улыбнуться, вот и штаб-логово. Отец немного растерянно от таких дел, смущаясь, вошёл в помещение первым.

— Ой, папка! — подскочил Пауль навстречу.

— Зайчонок, — капрал обнял сына, — ты поправился. Тебя не обижают?

Джонни, подперев подбородок кулаком, задумчиво рассматривал семейную сцену — папу с сыном, второго сына с пистолетом — дружная полицейская семья, можно описать от умиления! Карл, смутившись, спрятал ствол в кобуру и сказал, — привет Джонни, это мой папа. Папа, это Джонни, наш капрал.

— Привет, Джонни. Кстати, я тоже Джон и тоже капрал, — улыбнулся дядька в полицейском мундире.

— Очень рад, привет, Джон. Карл, отведи отца в штаб-берлогу, покорми, устрой, и сам отдыхай — Скомандовал Джонни, старательно скрыв раздражение — блин, теперь из-за этого папы, «тоже капрала», он навсегда — Джо-о-онни,! Пауль отпустил отца и, краснея, в смущении вернулся на место. Карл увёл его в комнату отдыха. Джон оглянулся на Чена — ага, вот на кого сцена произвела другое впечатление — у него тоже есть папа. Но парень молчал, сжав губы и уставившись перед собой.

— Пауль, забирай-ка Чена и хватит вам со мной сидеть, остальных я сам уже встречу, — Пауль оглянулся на Джонни, как очнулся, закивал, запричитал, — пойдём, дружище, завтра погорюешь.

Наконец-то, пришли доложиться ребята с КПП, Джонни спросил, — чего так долго?

— Следствие ждали, Чарли попросил дождаться и дать показания. — Улыбулись парни в ответ.

— И как? — заинтересовался Джон.

— Нормально. Жмурок наш, оказывается, на бар напал, дедушку убивал и ещё кого-то...

— Понятно, — остановил их капрал, — что блок-пост?

— Оставили под охраной полицейских, вот пусть с них и спрашивают — мы люди

маленькие, нас послали, мы и пошли. Только своё личное забрали, — без смеха рассказали ребята. — Пост эвакуирован, на попутке — сухпай, вода, станкач и пять коробов с лентами, ручной с десятком блинов, ящик свето-шумовых гранат. Так попутку отпускать?

Джон милостиво кивнул.

— Может, хоть, горючку сольём? — предложил боец.

— Ага, кто нам после этого помогать согласится? Водиле литр вискаря, самим отдыхать. Исполнять, — закончил дискуссию Джонни. — Ребята отбыли по приказанию.

* * *

«Бешеные» жандармы уже спали чутким сном, когда порядочных было просто не унять. Кое-как организовали вывоз спасённого имущества и вынос раненных. Официально, под протокол, завизированный подвернувшимися под руку полицейскими, было спасено и немедленно арестовано ими: десять ящиков виски, пять ящиков мясных и три рыбных консервов без этикеток (замучились срывать, блин) и двадцать блоков сигарет без акцизных марок. Остальное имущество безвозвратно утрачено в ходе беспорядков или его вовсе не было. Полицейские так же подписали осмотр восьми сгоревших дотла автофургонов, водители которых были госпитализированы первыми (немного невежливо) с черепно мозговыми травмами.

Раненных, вообще, было много. Но в основном солдаты, умоповцы поголовно пережить ранений не смогли, не вынесли сердешные, не дождались помощи. Под лазарет заняли казарму, где в туалете... вернее, из туалета достали слегка спятившего бедолагу, но отчего-то в костюме химзащиты. Он туда зачем-то по лесенке спустился, и у него нога между перекладин застряла. Его госпитализировали отдельно — в том же помещении, да он и не хотел никуда — спал в шкафу... в том самом костюме.

Дождались помощи из округа. Первым прибыл ревизор и поинтересовался, почему не потушили штаб? Да хрен на ваши карты с инструкциями! Ведь там же архив! С призывными предписаниями! Теперь любой солдатик может набить офицеру морду — он вне военной юрисдикции, а гражданская не касается военных дел. Их же всех снова надо призывать. Ну, не всё так плохо, можно будет выписать дубликаты, тем придуркам, кто ещё не догадался потерять солдатские книжки. А тем, кто догадался, придётся всё писать с их правдивых слов.

— Вот заразе повезло! — помянул Джонни лейтенант Да-на.

Помянул Джонни и капитан Ха-на, отчего-то, правда, даже не спросивший о сынишке. Он отчётливо помнил этот фургон, на котором лично отвёз сынка в армию — фургон, да и Джонни тоже, преследовали его во снах. Но всё — конец кошмарам! Вот он — убийца водителя и угонщик грузовика, напавший на бар с этой целью! Как его? Зампотыл? Смешное имя, ему подходит — идиот. Приехать на своей роскошной двухдверке к бару, бросить её, грохнуть дедушку бармена и угнать его порд-пикап! Маньяк, герантофил, наверное, или его именно тот дедушка в детстве того? Ух, красавчик ещё тепленький, не в комплекте слегка, но можно и пришить, всё ему в пластик сложили и повезли в полицейский морг выяснять личность. А то вояки эти — Зампотыл и всё, а звать-то как? «Не могём знать, вашество!» Тьфу, балбесы, а такие молоденькие и в жандармерии служат. Вот какая у покойника тачка, они, мля, запомнили, а остальное — начальство, Зампотыл. Эх, и это будущие полицейские!

Зря он так, конечно, — под руководством Да-на ребята всё организовали быстро и

толково. Во-первых, утром солдат в столовку пускали лишь по предъявлению солдатской книжки и тут же изымали на «переоформление». А кто потерял — на погрузку «сгоревших» фур, пока не вспомнит, куда она делась. Или кому-то захотелось на губу? Ну, вот и молодцы, понимаете, что, во-вторых, утерянное имущество необходимо утратить как можно быстрее и далее, пока на него из округа лапу не наложили.

Когда заявили чины из округа, они увидели пьяного до беспамятства ревизора, склады в полном соответствии с бумагами и работающий лазарет — медики, надо отдать им должное, прибыли ещё до рассвета и интересовались лишь ранеными. Вообще, по факту имелось два происшествия — пьяная драка умоповцев с солдатами, не внесшими измывательств, и пожар в штабе — хрен его знает, отчего он сгорел! А под штаб сборного пункта почти уже готово новое здание, извольте взглянуть. Чины взглянули и упразднили нахрен сборный пункт — заявили, что сами въедут в новое здание, а сборный пункт упраздняется как лишняя бюрократическая ступень и переименовывается в окружной мобилизационный сборный пункт. Кстати, почём тут можно снять приличное жильё? А купить? Дайте два!

Офицеров, с утра прибывших на службу, ждали назначения с переводами и без оных, но обязательно с понижением — докатились! Драка массовая, штаб сгорел, главного с лошадиной мордой на пенсию выперли. И это во время войны, что говорит о многом — не одна только морда у него лошадиная. Зато жандармерия получила всевозможные поощрения и благодарности — явно подлизывались суки. Ясно ведь из-за чего.

Под утро Джонни разбудили, впрочем, такого в его жизни не бывало — он проснулся, едва боец протянул к нему руку. Оказывается, снова лейтенант Да-на. Ну, не такой он мужик, чтоб повторять глупости. Джон вышел на связь. Так лейтенант вежливо(!) попросил разместить на базе и поблизости кое-какой груз. Под честное слово Джона, ему верят как честному человеку — с Джоном чуть истерика не случилась. Но он, припомнив штабеля ящиков на площадке терминала и горы таких же ящиков в ангаре, вошёл в положение. И озвучил требования, — рабочие, конвой, жандармы, питание для всех — лучше полевую кухню. Лейтенант бессовестно сказал, что все уже в пути: жандармы скоро будут на базе в полном распоряжении Джона, рабочие с конвоем чуть позже, но первый фургон уйдёт через час. Джон легко согласился, следуя мудрости «дают — бери».

Джон поднял ребят, и повёл в поиск готовить площадки под товар — зачистка, разминирование, контроль. С контролем их сильно выручили полицейские рации. Прибывших жандармов рассадил в секреты, их дело просто стрелять во всё подозрительное. Отрядные опытные наблюдатели сами выбрали позиции. И тут как тут работяги с конвоем. Фурам здесь не везде можно проехать, потому — в цепочку разберись! Остальные на расчистку улицы. Вот и первая машина, процесс пошёл. Джон оценил, вздохнул — получилось так себе. Назначил старшего и вернулся в особняк. Во-первых, позвонил в штаб жандармерии и оставил очень убедительную заявку на солдатиков рабочих и конвой. Во-вторых, пошёл будить ребят.

— Хорошо, что спозаранку занят был, дал парням выспаться, даже Карлу. Вот пусть встаёт и занимается размещением товара, хотя... расспросить его нужно кое о чём, заодно позавтракаем. — Привычно мысленно сам с собой разговаривал Джон.

Ребята сосредоточенно жевали, прихлёбывая из кружек — наверное, это был бы самый молчаливый завтрак, если б Джон не спросил, — как ты его убивал?

— По ошибке. — Буркнул Карл и неожиданно улыбнулся, — и по инструкции — он и не собирался останавливаться.

— То есть, если б зампотыл вышел из машины, ты бы ждал, пока его грохну я? — уточнил Джон.

— Тебе-то что сделалось бы??? — воскликнул Карл, — тебе сам чёрт родственник. А я еле батю сюда вытащил, и нам тут сидеть... кстати, можно?

Джон серьёзно кивнул.

— Джонни, ну, как ты не понимаешь, что Та-ну... — подал голос Пауль, но его перебил Чен. — Стоп. Зампотыл — Та-ню?

Ему покивали, усердно пережёвывая бутерброды.

— И ты его грохнул? — обратился он к Карлу. Снова кивок. — Как?

— Порвал из станкача — суке даже клешню по плечо оторвало, — Карл запил из кружки, проглотил и закончил, — правую.

Чен рухнул перед Карлом на колени и расцеловал его ботинки. Ребята с виду равнодушно наблюдали эти манипуляции, но когда Брюс Чен встал, поклонился Карлу и сел на место, на него смотрели очень внимательно, даже требовательно.

— Тебе я обязан жизнью, — обратился Чен к Джону, — но кланяться не буду — воин не благодарит за жизнь. Но Карл сделал то, на что мне всей жизни бы не хватило — отомстил за меня и отца.

И замолк. Джон напомнил, — ты обещал всё рассказать, воин.

— Хорошо. Но это длинная, грустная история. — Начал Чен.

— Стоп. Карл, нам доверили на временное хранение часть товара из спецзоны, так хотелось бы, чтоб это была большая часть, — сказал Джонни старому другу, — я там уже распорядился, но у тебя всегда лучше получались такие вещи.

— Потом мне всё подробно перескажешь, — бросил Карл на ходу.

Чен бесстрастно проводил его взглядом и продолжил, как ни в чём ни бывало, — у нас была счастливая семья. Мы дружно горевали по маме, но мы были вместе, мы любили...

Его отец растил сыновей. Старший — высокий, стройный, гибкий, румяный. И Чен, какой есть — коренастый, смуглый, быстроглазый, вообще, стремительный, неугомонный. Старший... Чен отказался вспоминать его имя. Вот Старший любил акварель, каллиграфию, стихи. Они даже говорили с отцом хайку — играли в загадки. Чен тоже приобщился, но он жил другим, буйным духом, которым его учили управлять в одной очень старой школе. Отец мог позволить это сыну, он работал и воспитывал сыновей — они грустили по маме, но у них была счастливая семья. И отец постоянно повторял, что в жизни главное — сама жизнь. Он был учёным биохимиком.

Фирма, где он работал, продавала государству патенты — вроде бы они работали над различными боевыми стимуляторами. Но большей частью это были синтетические наркотики, и государство просто по закону, чтоб не запускать нудную процедуру запрета, вынужденно было выкупать патенты. Но отцу не повезло, он создал нечто... и его продала какая-то чиновная мразь. О препарате узнала Якудза, и... Старший пропал. В полиции разводили руками — мальчик уже большой, поищите его в притонах. А через неделю к нимдомой пришли очень вежливые люди и сказали, что Старший стал наркоманом. Должен им много денег, поэтому его не отпускают. Дали отцу посмотреть фотографии — вот чем он

занимается ради дозы. Отец посмотрел снимки и спросил, сколько нужно денег. Он готов был продать всё, даже часть себя, но им нужен был его препарат.

— Всё просто, — сказали они, — вашему сыну нужен препарат, у вас он есть, дайте его нам, и вопрос решён.

Отец согласился... Господи, вы не представляете, на что он согласился с каменным лицом Будды! Он согласился, но потребовал, чтоб сын ему звонил каждый день — он будет давать препарат, пока со Старшим хорошо обращаются. Посетители согласились с этим, заметив, что уважаемый учёный разумный человек. Вечером старший позвонил и сказал, что ему сделали инъекцию, у него своя чистая комната, вкусная еда, его никто не трогает. Он попросил тушь и кисти — ему не отказали. И брат говорил не по принуждению, у нас был свой секретный язык стихов. Одно то, что ему разрешили говорить загадками, подтвердило его слова. Отец передал препарат. Он две недели болтал с сыном и передавал этот препарат. А когда папа передал партию препарата в третий раз, он как обычно, забрал меня из школы, и мы поехали в порт, поднялись на борт такойского парохода и отбыли...

— Ну, да, невесело, — заметил Джон, — но я не понял, в каком месте рыдать? Сам могу рассказать кучу подобных историй.

— В препарате. Понимаете, наркотик растворяется в жире, в жировой ткани. Препарат высвобождает его, и совместно они творят невообразимое, — принялся объяснять Чен, — наркоманы до смерти мечтают вернуть ощущения первой инъекции — препарат дарил их. Его нужно мизерное количество, и совсем не требуется искать ежедневную дозу, наркоманы получают три недели нормальной жизни. Редко — четыре. Ведь цена за всё — неминуемая смерть. Отец, согласившись, сам приговорил Старшего.

— Хм. Он уже стал наркоманом. — Подумал вслух Джонни. — Годы ада или две недели счастливой жизни? Я думаю — большинство выберет второе.

— Представляю, сколько торчков отчалило! — заметил Пауль.

— Отец тоже так думает. Теперь он считает, что в жизни главное — смерть, — глядя в пространство, проговорил Чен, — и готовил из меня воина.

— Ага, вот этот красный порошок — оно и есть? — уточнил Джон. — Он решил известить наркоманов?

— Нет, это Та-ню. Ну, много зарабатываешь на прачечной? — потерял немного самообладания Чен, — а у отца в голове формул — отсюда до Джудии. У них же в разработке было множество препаратов, антидепрессантов, успокоительных, стимуляторов реакции, роста...

— Так Та-ню жрал стимуляторы? — Улыбнулся Джон, вспоминая красу нации.

— Ну, так ты ж не местный! — воскликнул Пауль, — когда я учился в школе, это была худющая, прыщавая...

— Да, приятель привёл его к отцу из-за прыщей, — грустно согласился Чен.

— Ну, а дальше? — не видит Джон связи меду килограммом отравы и прыщами.

— Дальше — больше. Стимуляторы роста, гормональные, чтоб стоял пожёстче. Разные смеси, для настроения или наоборот — чтоб расслабиться, — Чен покачал головой, — они хорошо платили, а папе хотелось, чтоб я получил образование. Однажды Та-ню попросил что-нибудь потяжелее, отец вежливо, но твёрдо отказал. Просьбы не повторялись, пока меня не забрали в армию.

— А чего ж твой батя не заплатил? — удивился Пауль.

— Он заплатил, но когда я принёс квитанцию в участок, меня арестовали и привезли

сюда, то есть на кухню, — улыбнулся Чен, — и Та-ню уже потребовал чего-нибудь потяжелее, и побольше, и побыстрее.

Чен покачал головой, — он тут, оказывается, зампотыл! История повторилась — отец потребовал ежедневного созвона и давал препарат. Я знаю, что если моего звонка не будет, он просто уйдёт из дому. Мы готовились к этому...

— А у нас говорили, что он сам бандит, — скептически заметил Пауль.

Чен пожал плечами, — люди говорят, что им нравится, мы просто не перечили. Ведь нас ищут. Ты прав Пауль — Якудза из-за папы лишилась большей части клиентуры, заметь — богатой клиентуры, ведь это было новинкой.

— Ой, да нам то что! — махнул рукой Джон, — потравим крыс, спокойней заживём. На нас же она не подействует, верно?

— Подействует, — донёсся от дверей знакомый хриплый голос.

* * *

Оборачиваясь, Джон готов был увидеть приведение, но не Цербера! Он стоял в сопровождении бойца, снисходительно державшего его за плечо!! И был ещё жив!!!

— Ты как... — начал Джон, его перебил Цербер, — хреново. И всё вот от этой дряни.

— Ты торчок??? — не поверил Джон. — И давно?

— А сколько этой гадости лет, — слабо улыбнулся Цербер, — кстати, Эрхуф, так меня зовут.

— Этого не может быть! — воскликнул Чен.

Эрхуф ему улыбнулся, — парень, для тех, кто никогда не употреблял наркотики, это — мощнейший боевой стимулятор, он в разы понижает болевой порог, увеличивает реакцию. Джонни, ты помнишь учебку?

— Ещё бы!

— Ударь меня, только несильно, — попросил Эрхф. Джонни с опаской, но охотно выполнил просьбу — Цербер растянулся на полу.

— Какие ещё тебе нужны доказательства! — простонал грозный Цербер, — у нас кончился препарат, у вас он есть. Выдвигайте условия, пока мы живы!

* * *

Крыса, сдавшая отца Чена, работала и на разведку Этарха, и многое успел передать, пока все материалы по проекту не уничтожили. Вместе со всеми хоть как к этому делу причастными. Вообще, мразь работал со всеми, но с разведкой дал маху — зачистили и всё. Слишком перспективная вещь досталась режиму. Этарх получил документы, образцы, вскоре получил препарат. И в стране началось Великое очищение — препарат давали всем, просто в аптеке. За два месяца в Этархе не осталось наркоманов. Но исследования продолжались, и выяснилось что, если людям определённого типа вводить препарат по индивидуальному графику, то... в общем, Цербер не соврал. Причём можно было комбинировать и получать пилотов истребителей, егерей, и таких, как Цербер. Обыкновенному солдату стандартный курс повышал выносливость, эмоциональную устойчивость...

«Этарх — страна героев!» — говорили вожди. Страна сорвалась с цепи — это понял даже Цербер. Впрочем, это было не его решение. Его братья обязаны были добить раненного и возвращаться любой ценой, но они тащили Эрхуфа много километров, чтобы сдать. Ну, что сделают солдату, кроме смерти? Их обыскали, их просвечивали — Джудия безуспешно пытается синтезировать что-то подобное. Увы, они ничего не нашли. И не могли найти — препарат содержался прямо в их организме — вводилась смертельная для любого другого человека доза. В их организмах он «засыпал» и часть его «просыпалась» от выброса эндоморфина — гормона радости. Максимально он выбрасывается при занятии сексом, вот такой способ введения. Благо, что это долгоиграющая штука, одного раза в неделю достаточно, и лучше не злоупотреблять.

— Но сейчас... хоть в доску за... шибись! — прорычал Цербер, — ваши условия!

— Ты сможешь назначить курс приёма? — спокойно спросил Джон. Чен и Пауль уставились на него с ужасом, Цербер одобрительно, — я рассчитывал на это парень. Да, но учти, я помню только программы своих товарищей, представляешь, чем мы занимались на войне?

Джон кивнул.

— И ты не сможешь без этого, понимаешь?

— А что изменится? — пожал плечами Джонни.

* * *

Первым делом Цербер потребовал инъекцию, на что Джон легко согласился. Ребята опасно следили за манипуляциями Цербера. Не то, что они за него опасались, он явно знает, что делает. В их глазах читалось иное — он же нас порвёт всех, если не соврал! Джонни усмехнулся их взглядам, ни один препарат не действует сразу... и ещё кое-что.

— Эрхуф, не помнишь, как вас высаживали из полицейского автобуса? — спросил он для разрядки.

— Проклятье! — прорычал Цербер, — это всё-таки ты стоял тогда на крыльчке! Я думал, мне показалось.

— А как вас слепили, помнишь? — ухмыляясь, третировал его Джон, — помнишь тех милых парней? Помогла тебе эта... как её?

— В переводе «Зов». Милым парням тоже нехило досталось, — скривился Цербер, перетягивая жгутом руку. У него всё необходимое было с собой.

— Не сомневаюсь. Но не их, а тебя швырнули мордой в асфальт, не так ли? — серьёзно заметил Джон.

— Так! — ответил тот, надавив на поршень шприца, — и будь я проклят, если знаю, почему!

— Я тебе потом расскажу, — добродушно пообещал Джонни, — нас обучали одни люди, и меня даже хвалили.

Чен и Пауль уже спокойно, с уважением посмотрели на Джона.

— Я был уверен, что ты не тратишь время зря, парень, — с закрытыми глазами пробормотал Цербер, — я тоже тебя хвалил. И правильно делал, иначе сдох бы уже завтра. Ребята, нужна помощь.

— Притащить твоих? — догадался Джон.

— Да, — почти привычным своим голосом сказал Цербер, — я, вообще, пришёл за помощью.

— Но нам же хватит одного! — скептически заметил Пауль.

— Эрхуф, ты готов? — спросил Джонни, — сейчас пойдём за твоими. Только ребят кликну.

Чен и Пауль недоумённо проводили их взглядами. Психи — что возьмёшь? Один ведёт к своим беспомощным друзьям «бешеных» жандармов, второй решил притащить в логово банду... э... ну, просто слов не подобрать, кого! И никаких вопросов, вообще, никаких! Как вчера расстались, или не расставались никогда.

* * *

«На все вопросы рассмеюсь я тихо...» Например, где Цербер взял солдатскую полевую форму? И откуда он знает о них и о базе? Ведь он просто дошёл до первого дозора и попросил помощи, дескать, отбилась от рабочей партии, заплутал. Ага, так ему и поверили, потащили пред светлы очи — что ему и было нужно. И шёл он целенаправленно к Джонни, зная, что у него есть препарат. Джон на все вопросы себе ответил сам, кроме одного... ну, одного с половиной. Но, привычно отложив теорию, занялся практикой. Кликнул Джоша и Стива, те открыли рты, как ни разу живого Цербера не видели. Он им кивнул, и всё — сразу узнали. Джон забрал с собой два отделения «бешеных», поставил задачу «эвакуация», и повёл ребят за Цербером. Впрочем, тот ему на пальцах объяснил, где их лёжка, в этих вопросах они понимали друг друга без слов ещё с учебки. Ребятам тоже не потребовалось много слов. Группа струилась ядовитой, многоглазой змеей.

Когда пришли, Джон понял, что Цербер не соврал — он не парламентёр, а гонец. Не все его товарищи могли идти, у остальных не было сил их тащить, а бросить своего они не могли, замерли в охране. Цербер и Джон не торопясь, в открытую подошли к полуподвалу.

— Привет, мужики, вы ещё живы? — культурно поздоровался Джон.

— Рад видеть, малыш, — услышал он голос Урана.

— Я махну своим, чтоб подошли, вы уж не стреляйте, пожалуйста, — Джонни вежлив.

— Валяй, — ответил Уран, — только сам стой, как стоишь.

Джонни махнул рукой, ребята шустро приблизились, приступили к упаковке. Термин такой, когда укладывают не на носилки, а в специальный мешок с удобными лямками, если у раненного ничего не сломано, конечно. С таким грузом в условиях развалин можно выбрать наиболее безопасный, скрытый маршрут. А любителей таскать носилки во весь рост давно поубивали. Упаковали всех, не разбираясь, кто «ходячий», кто лежачий — никому не позволено тормозить группу.

Добрались, растащили гостей по разным помещениям, и Цербер в присутствии Джона оживлял собратьев. Джонни сразу решил ничем не ограничивать их свободу — он бы назвал свинством любое другое решение, настолько был благодарен за науку. Захотят уйти — ещё и покушать в дорогу возьмут, и патронов им полные карманы. Договаривался он только с Цербером, тот дал слово. Остальные... тут Джонни улыбнулся — ни за что не бросят своего.

— Теперь спрашивай, — бросил Цербер, когда они дружной компанией попивали кофе с галетами.

— Как вы узнали, что это та самая дрянь? — спросил Джон.

— И всё, что тебя интересует? — удивился Рекс, — ни откуда мы знаем о тебе, ни где...

— Люси, — улыбнулся им Джон.

Мужики удивлённо уставились на Джонни.

— Хм. Допустим. А связь? — спросил Гор.

— Половая, — ухмыльнулся Джонни, — её общага — бордель.

— Вот как ему врать? — обратился Цербер к потолку, — ладно. Как мы узнали? Малыш, ведь первую партию ты передал с месяц назад? — обратился он к Чену, тот угрюмо кивнул.

— Мы из Этарха, помнишь, я рассказывал о Великом очищении? — взялся объяснять Уран. — Когда наркомана убивает Зов, это ни с чем не спутаешь. Боевой стимулятор идёт в разнос, разрывает судорогой мышцы, выкручивает сухожилия — тестомешалка. И скорость движений возрастает настолько, что человек может сломать себе шейные позвонки, просто обернувшись на звук. Так что они почти не страдают, тестомешалка — это агония.

— Насчёт Люси я прав? — уточнил Джон.

Мужики кивнули.

— Тоже из Этарха? — продолжил он допрос.

— Ну, что ты! — Цербер чуть не поперхнулся кофе, — из Джудии. Вот зачем нас, таких уникальных, Такии всучили? Да чтоб, когда я оклеймаюсь, мы не удрали! Ну, не бросаем мы своих. Вот пока я не восстановился, нас через океан перебросили.

— Да нафига? — не может понять Джон.

— Посмотреть, насколько хватает наших батареек, — невесело улыбнулся Гор.

— А Люси заслали наблюдать? — догадался Пауль.

— Конечно, нет, — огорчается Уран, — просто попросили. Она давно уже здесь за вами присматривает. Вот как, по-вашему, мы узнали, что вон тот смуглый паренёк у тебя? — указывает на Чена.

— Да как, блин, мы, вообще, про него узнали? — веселится Гор, — и про то, что твой братец, Пауль, расстрелял сволочь Та-ню? Не удивляйся, мы вас всех знаем не только по именам.

— Ох и покуралесил малыш Джонни! — прыснул в кружку Рекс.

— И что — она со всеми... — не смог закончить вопрос Джонни.

— Вот дурачок, — улыбнулся Цербер, — сам же сказал — бордель. Резидентура, понимаешь? Её девоньки тут всем заправляют. Ещё вопросы есть?

— Имя вашего связного, — улыбнулся Чен, — ваша осведомлённость плохо вяжется со временем событий и вашим состоянием.

— Как с ними трудно, — вздохнул Рекс, — хотя нафиг они нам? Имена водителей вам ничего не скажут, покажем позже. Может, пригодятся.

— И хватит уже болтать, — у Цербера привычно портится настроение, и каменеет морда, — Джонни, кто-нибудь, кроме тебя желает попробовать? Или ты, вообще, передумал?

— Пробовать буду я, — спокойно ответил капрал Джон, — а там посмотрим.

Мужики уважительно кивнули, одобряя такое решение.

* * *

У господина Та-ну сильно испортилось настроение. Он не выходил из своего огромного

кабинета. Над его интерьером работали лучшие дизайнеры под руководством его психолога — боссу нравилось там просто быть. Еду и напитки ему подавали из соседнего помещения через хитрое окошечко — пока крышка с одной стороны открыта, с другой не откроешь, и не прострелишь. Как и двери кабинета, внутреннюю дверь оснастили цифровым замком с десятизначным кодом. Даже если бы ему вздумалось придушить секретаршу, пока он наберёт код, она успевала просунуть бумаги в щель или взять их из лотка и скрыться за первой дверью. Он отменил все совещания даже по селектору, ведь если он вслух пообещает что-то с кем-то сделать, это будет сделано. Советники что-либо советовали ему последнее время лишь в письменной форме — господин Та-ну дорожил профессионалами.

В данный момент он пытался разобраться в том, что наворотил его маленький засранец. Ну, достал ведь вообще, — папа, я уже большой, папа, сколько мне шуршать бумагой? Папа, моё образование слишком дорого, чтобы делать из меня клерка!

Последний довод убил господина Та-ну — за колледж приходилось платить и платить, он даже не поверил, когда это закончилось. Если б он знал! Следовало скатать диплом щенка в шарик и забить ему в задницу!!! Просрать такое дело!!!

Вот доклад по происшествию на терминале — пьяная драка. Они там пили его виски? Но тогда бы подобное произошло гораздо раньше, значит выпивка левая. Как она могла попасть на охраняемую территорию? Спросить не у кого — докладывают о потерях... одним словом «поголовно». Это сделали жандармы. Как они посмели лезть на его терминал? Вот справочка — вполне смели. Вмешаться в гражданские дела они могут лишь по приказу, и если бы рабочие были штатскими... но, если в дело затесался хоть один военный, жандармы обязаны реагировать без приказа. Нормально они отреагировали — упокоили сотню его бойцов. Не Бог ведь какое сокровище, но по нынешним временам и этих было непросто найти. Да ёлы-палы — каждого пришлось откупать от призыва — сто тысяч баксов тупо в землю! Листаем далее — сгорело восемь автофургонов. И не проверишь же! Была бы страховка, страховщики всё быстро б нашли. Но клану Та-ну немислимо опуститься до страхования, имя Та-ну — лучшая страховка! Гм, похоже, что кое-кто из вояк так не считает...

Господин Та-ну зарычал, и в стену полетела пепельница — тресь. Посопев, он достал из ящика очередное вместилище окурков, закурил и продолжил — ещё сто тысяч детективам страховщиков за поиск его(!!!) автофургонов, если найдут. Или пятьдесят, если они действительно сгорели. Что там с товарами? Просто сказка! Та же история, что с грузовиками, только хуже — товары без тары — уже без владельца, а вояки не настолько тупы, чтоб оставить упаковку. Да умницы какие! Вот доклад от информатора из штаба округа — на складах наличие соответствовало протоколу. Ага, из одного слова «НИХРЕНА!!!» Господин Та-ню, отодвинул пепельницу подальше и взялся за другой доклад. О том, как его машины везли его товары на этот несчастный терминал... целую неделю уже после разгрома!!! У сыночка же там заместитель с правом подписи, вот он заверил менеджмент, что беспорядки погашены, ситуация в норме, виновные найдены. Ребята лично ездили смотреть, работы велись в обычном режиме. Вот их докладная... уже посмертная, наверное. Попробуй, найди сейчас этого заместителя! По сраным военным правилам это мог быть любой назначенный начальником сборного пункта офицер. Но сборный пункт упразднён, начальник на пенсии, и он клянётся, что никого не назначал. И не проверишь — штаб сгорел.

Сына бы об этом расспросить, но щенок где-то прячется от позора. Нет бы пришёл,

повинился... рука у господина Та-ну тяжёлая, но и сердце отходчивое, вместе бы разобрались в ошибках. Глядишь — и другое бы дело ему поручил. А такому трусу только входящие с исходящими сортировать! Господин Та-ну отвлёкся на непонятный звук, поискал глазами его источник и, наконец, сообразил, что это селектор. Кому-то жить надоело? Ну-ну — господин нажал кнопку.

— Господин Та-ну, из полиции сообщают, что у них есть информация о вашем сыне. Просят лично приехать в участок капитана Ха-на, — промурлыкала секретарша.

— Машину, и разблокируй двери, — бросил босс.

Вот, пока он возится с замком, девчушка закрылась в «комнате отдыха». Господин Та-ну шёл, как «крейсер под парами» — перед ним открывались двери, лифт ждал только его, когда шёл от офисных дверей до приготовленной машины, босс не заметил ни одного человека — своих лакеев он за людей не считал. Его машине не писаны правила и прочая ерунда, доехали за две минуты. В участок он вошёл, как в собственный кабинет... а это что за хрень??? Его встретили копы с винтовками наизготовку.

— Добрый день, господин Та-ну, — он, наконец, обратил внимание на капитана, — не обращайтесь внимания на формальности. Прошу временно сдать оружие.

Та-ну, скривившись, бросил свите, — отдайте стволы!

— Вы тоже, господин Та-ну, — учтиво улыбнулся Ха-на, — прежде всего, вы. Если вам интересно...

— Не разочаруй меня, капитан, — зло проговорил господин, отдавая свой «Грок».

— Следуйте за мной, пожалуйста, — капитан умел быть любезным, — вашим людям лучше подождать здесь.

— Ну, веди, — ухмыльнулся господин Та-ну, недоумевая, зачем копам понадобилось разоружать персонал? Капитан неспешно повёл его по лестнице в подвал. Подошёл к массивной двери, нажал на кнопку вызова, назвал, дверь лязгнула. Капитан, покраснев с натуги, потянул дверь на себя, — входите, пожалуйста, господин Та-ну.

— Что это? — смешно, но старый убийца ни разу в жизни не был в морге.

— Входите, пожалуйста, господин Та-ну, — капитан не нашёл других слов.

— Ладно, — господин вошёл, капитан следом, обогнав его, подошёл к столу и снял простынь. Господин Та-ну с трудом сфокусировал взгляд на теле. Перед глазами поплыла красная муть.

— Кто? — хрипло вырвалось из его глотки.

— Вы не узнаете? — участливо спросил капитан.

— Узнаю! — прохрипел Та-ну, — кто это сделал?

— Пожалуйста, скажите, кого вы узнаете, — капитан умел быть очень любезным.

Господин впился зрачками в его лицо, безумно тоску по своему «Гроку». Предусмотрительная сволочь!

— Это мой сын Эдвард Та-ню, — взяв себя в руки, проговорил он голосом автомата. И почти нормальным тоном спросил, — кто это сделал?

— Ваш сын убит жандармами при задержании, — грустно поведал Ха-на, — он подозревается в ряде тяжких преступлений. Ваш адвокат может немедленно ознакомиться с делом...

— Капитан, ты что несёшь? — Та-ну посмотрел на него, как на сумасшедшего, — вот это при задержании?

— Стреляли из станкового пулемёта, — запросто пояснил Ха-на, будто это такой

полицейский обычай — лупить по подозреваемым со станкача. И счёл нужным добавить, — это же жандармы! И... в этот раз я не смогу вам помочь — у меня нет над ними ни малейшей власти. Их командование меня просто пошлёт... уже послало, — щёки капитана стали пунцовыми.

— Ну, меня-то трудно послать! — проговорил господин Та-ну. — Данные на командиров, их семьи?

— У нас есть информация лишь по некоторым рядовым...

— Давай, что есть, будет с кого начать, — гнусно усмехнулся глава холдинга «Та-ну».

Столкновение с Та-ну

Джон не испытывал никаких новых ощущений, хотя поначалу настороженно прислушивался к себе. Вообще, ничего необычного. Ну и фиг с ним, собрал старших, представил ребятам новых инструкторов «добровольного» отряда. Потом долго объяснял шакалам, что они добровольцы из местного населения. Далее рассказывал, что такое «шиза» в его понимании. И в конце велел всем заткнуться и делать, что скажут эти суровые мужчины, они хорошие. Кто не верит, спросите у шакалов, вон хоть у Джоша.

— Правда, Джош? — улыбнулся Джонни.

— Угу, — нерадостно ответствовал рыжий, с ностальгией поглядывая на Цербера.

— Ну и славно. И вот что ещё, братцы, — задумчиво начал Джон, — посмотрите на меня. Вот стою я тут перед вами, простой крысиный разведчик...

Парни взорвались дружным хохотом.

— Смешного мало, парни. Разведчики всегда уходят из стаи, — серьёзно сказал Джон, — они возвращаются, человеку нужно куда-то возвращаться, но рано или поздно уходят совсем. Вот обычные крысы-солдаты не могут без своей стаи. Понимаете — своей? Потому и гибнут они сообща. А разведчики... их терпят, стая не может без них, но они всегда уходят. Стать разведчиком, уйти в поиск в одиночку — это и есть покинуть стаю, доказать себе, что тебе никто не нужен.

— Гм. А откуда берутся новые, если они уходят? — заинтересовался Цербер.

— Мальчишки-дозорные. Идёт непрерывная борьба дозорных и разведчиков, и лучшие дозорные вырастают в разведчиков, понимаете? — сделал многозначительную паузу Джон. Ребята смотрели с недоумением, для них все крысы — просто... крысы. Джон отбросил намёки и перешёл на открытый текст, — да вы все по сравнению с ними лошье!

Народ подобрался, посуровел.

— Да, вы хорошо дерётесь и стреляете, но валите вы солдат, мясо. — Продолжил Джон, — и сами вы для них — неинтересное мясо. И правильно, делать из вас даже дозорных уже поздно, а без этого не бывает разведчика. Это как...как...

— Куколка мотылька? — предположил Чен.

— Точно! Нам нужны крысиные дозорные, но вам их ни за что не взять — слишком громко сопите и много курите. Но мы можем приманить чужих разведчиков. — Джон переходит к конкретике, — рассекреченные позиции дозорных не минируем, Пауль, нужна сигнализация. Оставляем там чистую воду, не менее пяти литров.

— А зачем так много? — удивился Гарри.

— Крыса воду сразу пить не станет, вдруг отравит? — охотно объяснил Джон, — понесёт в логово или мимо пройдёт, если мы ему молочка в блюдечко нальём. Это ясно? Хорошо, идём дальше. Чужие разведчики обязательно будут вас провоцировать, вы станете их «случайно» замечать.

— А почему они ещё не провоцировали? — не понял Карл.

— Да провоцировали, — вздохнул Джон, — я ж говорю — лошье! Даже когда они у вас перед глазами мелькают, вы бормочете «показалось». Но сейчас вы уже обжились, обстановка разрядилась...

— Ага-ага, — закивал Карл, — у нас тут добра на миллион баксов, разрядилась обстановка!

— Сам не нагнетай, — улыбнулся Джон, — Карл, хоть на два миллиона — даже для крыс нет ничего дороже жизни. Поэтому я жду усиления активности разведчиков. Их тянет к добру, конечно, к чужому, они будут оценивать наши силы и умения. И они будут нас провоцировать. Никакой беготни! Никакой беспорядочной стрельбы. Заметил — выстрел в воздух.

— То есть? — не сообразил Стив.

— Типа — ты убит, ну, как будто игра, — Джон старается быть понятным, — чтоб он знал, что замечен, что ты можешь в него выстрелить, но стреляешь в воздух, давая ему уйти.

Джон немного помолчал, — это унижительно для разведчика. Он провоцирует вас на погоню, желая поиздеваться. И большинство из них легко это с вами проделают. Цербер, помнишь крестики?

— Какие крестики? — отозвался инструктор.

— Какие! «Всё, мальчики, идём домой кушать ка-а-ашку, ам-ам». Вспомнил? Так большинство из местных проделают это не хуже. — Джон вздохнул, — а вы им пощёчину — беги, крысёныш, мы сегодня добрые.

— Здорово, — улыбнулся Гарри, — а нахрена?

— Дёргаться они начнут, вздрагивать от выстрелов. — Джону неприятна эта тема, но надо, — я бы на их месте подошёл и спросил: «Мужик, я тебя трогаю? Ну, чего ты?»

— Ага-ага, — снова закивал Карл, — у нас тут добра на лимон, а вокруг разведчики будут шастать.

— Карл, они так и так будут шастать, и нихрена с этим не поделаешь, — усмехнулся Джон, — вернее, поделаешь. Нам нужно, чтоб они сюда не приходили, а возвращались. Мне тошно это говорить, но, парни, это важно. Применяем силу лишь в случае прямой угрозы.

— А если просто слепить парочку? — прогудел здоровяк Слон, — ты, Джонни, нас выведешь, а мы слепим.

— Да я и без вас бы справился, — махнул рукой Джон, — я перед кем тут распинался, перед глухими идиотами? Разведчик уходит из своей стаи, а от нас тем более смоемся. И если мы его слепим, мы получим кусок мяса, а не разведчика. А нам очень нужны крысы-разведчики, если мы собираемся расширяться. Сейчас мы охраняем добро, чуть позже сюда подтянется армия. Куда мы пойдём? Ещё дозорные, вот их можно слепить при хороших разведчиках, дозорные — просто беспризорные пацаны. Сколько бойцов у нас занято этим делом?

— Ага! — расцвёл Джош, — пойдём в рейд потрошить логова?

— Обязательно, — серьёзно уверил его Джон, — если будем правильно себя вести. До всех дошло?

— Так точно, командир, — в разнобой ответили парни, вставая по делам.

* * *

Джонни, получив от Цербера очередную по программе инъекцию, выслушал наставления и прогулялся по «особняку». Самое отвратное в начале программы заключалось в том, что следует избегать резких перепадов настроения и, вообще, сильных эмоций. Цербер бы Джона к койке привязал, но для Джонни трудно придумать что-нибудь сильнее такой эмоции. Потому начальственный обход. Начал, понятно, с кухни.

Там, естественно, угнездился Чен, чему все были только рады. Во-первых, он даже из консервов умудряется комбинировать что-то новое, во-вторых, дерётся шкет узкоглазый. Вообще, шуток не понимает и дерётся очень хорошо, ребят так драться не учили. Джонни уже начал подумывать о своём зале. А что? Бильярд же они себе организовали!

Ребята многое устроили из брошенного добра. Например, водила сдуру остановился в развалинах отлить, ну и царствие ему небесное. Крысы забрали, что им было нужно, груз растащили — он вёз муку и крупы в мешках. Ну, что тут поделаешь? Парни поскребли затылки, в результате проклятые крысы сняли колёса, слили газолин, выдрали радио, сиденья, и даже как-то умудрились сдёрнуть и уволочь двигатель — у ребят нынче уже два генератора. Когда Пауль об этом узнал, у него просто не было слов от возмущения. Пришлось возвращаться за зеркалами, фарами, лампочками и проводами.

С Паулем жизнь как сдвинулась с мёртвой точки, будто часы завели. Появились прожекторы, компактные радиостанции, датчики объёма! Для Джонни это, вообще, чудо. Человечески слух, оказывается, улавливает не все звуки. Они, отражаясь, накладываются, получается некий общий фоновый звук, его можно зафиксировать при помощи специального микрофона с особыми кристаллами. А если откуда-то появляется посторонний предмет, звуки его обтекают и складываются иначе, получается другой фоновый звук — значит кто-то пришёл. Заумь, но работает! То ли ещё будет — Пауль всю эту премудрость черпает из специальных журналов, а на них пацана посадил папа, капрал Джон. Неудивительно, что он седых волос капрал. Джонни, вообще, непонятно, как он в полиции удержался с такими наклонностями. Пока он у Карла в «заложниках», они с Паулем и его бандой «электриков» всё время что-то паяют и химичат. (Похоже, так в этом мире зарождается кремниевая долина.)

В «первом», как всегда, идёт отработка огневого контакта, во «втором» силовое задержание — кого-то из шакалов ловят. Нормальные жандармы на хозработках — скука, одним словом. Эх, размечтался Джон, как бы Зо-на переманить! Да что ж ему посулить? Дс пенсии далеко, уволится из жандармерии — заберут в армию. Но сопьётся же на губе! Ой, подумал Джон, а кто мешает завести губу поближе... ну, по логике — раз просто лейтенанта не получить, надо забрать его вместе с гауптвахтой!

— Это надо с Да-на обсуждать, — притворно посетовал Джон про себя, — и джип ему нужно вернуть, неудобно.

У Джонни алели уши, как всегда, когда он пытался себе врать. Он прекрасно отдавал себе отчёт, что ему срочно нужно сурово заглянуть в лживые, шпионские... глазки Люси, прощения, что ли, попросить — ведь он её обманул. Вздохнув, Джон пошёл искать Карла, предупредить, что ему нужно отлучиться по делам. И на рожу его полюбоваться — в силу понятных причин «на связи с большим миром» нынче Джонни.

* * *

Джон вошёл в канцелярию штаба жандармерии с заготовленной заранее смущённой улыбкой. Люси разговаривала по телефону. Вообще-то, внимательно слушала. Джон уже открыл рот, дабы озвучить свой экспромт, но Люси, округлив глаза, поднесла к губам пальчик. Джонни застыл, вдруг, Люси поманила его ладошкой и протянула трубку.

— Только ни гу-гу, — прошептала он.

Джонни понимающе кивнул и припал ухом к наушнику.

— ...понимаете, лейтенант, что такое злодеяние не должно оставаться безнаказанным, — в трубке послышался незнакомый баритон.

— И уверяю вас, господин Та-ну в любом случае покарает виновных, — другой, более низкий, почти бас, — но могут пострадать невинные. И вы...

— А я, придурки, пристрелю вас прямо здесь, и завтра вас найдут в руинах, — весёлый голос лейтенанта Да-на, — и угрожать мне бессмысленно, я сирота.

— Это здесь вы герой, а в городе...

— А я не лезу в чужой огород, как всякие козлы, — перебил лейтенант баса, — коротко и ясно — какого хрена вы сюда припёрлись, господа следователи?

— Э... десять тысяч, — проговорил баритон.

— За что? — уточнил Да-на.

— За виновного, конечно, — воскликнул «баритон».

— Вы на моих дверях всё внимательно прочитали? Там написано «командир роты полевой жандармерии»? — насмешливый голос Да-на. — Или «нищий командир роты»?

— Но сколько же вы хотите? — деловой бас.

— Да я понятия не имею, кто из моих огольцов порвал эту мразь, — веселится лейтенант, — я тогда занят был — мочил бандитов в терминале.

— Но вы можете узнать? — «баритон», — ведь у ваших огольцов в городе родители, сестрёнки, братишки...

Джон отдал трубку Люси и стремглав кинулся к кабинету лейтенанта. Вошёл без стука.

— Господин лейтенант, разрешите доложить! По вашему приказанию я узнал, кто дежурил на КПП. Это были...

— Заткнись, — вовремя бросил Да-на, — пошёл вон.

— Слушаюсь, господин лейтенант, — ответил Джон и покинул кабинет. И пошёл прогулочным шагом к выходу.

— Жандарм, можно вас на секундочку, — знакомый баритон. Джонни оглянулся — и рожа с козлиной бородкой соответствует. А худой и длинный, видимо, обладатель баса. Он вопросительно посмотрел на парочку.

— Мы следователи департамента юстиции, — басом представился худой.

— Документы, — Джон положил руку на кобуру.

— Да-да, конечно, — мужчины судорожно зашарили во внутренних карманах, — вот, пожалуйста.

— Идите в жопу, — лениво ответил им Джон, рассмотрев удостоверения, — здесь территория временного ограничения прав, и осуществляется прямое военное администрирование.

Карл успел просветить Джонни по этим вопросам.

— Но вы же здесь не навсегда, молодой человек, — улыбнулся тип с бородкой, — в будущем вам потребуются средства.

Джон изобразил на лице заинтересованность.

— Тысяча баксов всего лишь за имена, — тоном соблазнителя проговорил козлобородый.

— Десять тысяч, — внёс предложение Джон, — и забирайте их в натуре.

— Когда и где? — не стал ломаться длинный.

— Деньги с собой? — спросил Джон, — баксы вперёд или прощайте.

— Но как вы их... э... передадите? — сомневался козлобородый.

— Шепну сержанту, он назначит субчиков на внешний КПП в ночь. — Равнодушно пояснил Джон, — так с собой бабки?

— Мы сможем привезти половину через два часа, — басом предложил длинный, — и ещё половину, когда...

— Когда жопа запоёт соловьём, — Джон на глазах терял интерес к разговору, — прощайте.

— Но, молодой человек, трудно верить людям, которые..., - начал длинный.

— Которые сдают своих? — усмехнулся Джон, — а у вас есть другой выход? И причём тут верить? Если я подставлю посторонних, что вы со мной сделаете?

— Но мы потеряем время...

— Не потеряете, я сам буду там присутствовать, — заверил Джон.

— Сделаем так, — решил козлобородый, — через два часа на внешнем КПП вы получите десять тысяч. И ещё пять при передаче негодяев. Идёт?

— Конечно! — Джон изобразил радость, — пятнадцать штук лучше десяти! Жду вас через два часа. И учтите — жду только десять минут.

Мужики посмотрели на часы, серьёзно разом кивнули и чуть ли не бегом припустили по делам. Джон проводил их насмешливым взглядом и спокойно направился к лейтенанту Да-на. Вежливо постучал.

— Входи, подонок, — разрешил командир.

Ну, раз начальник сам сказал, Джон зашёл, и отрапортовал, — господин лейтенант, капрал Джон Ха-ня по вашему приказанию явился!

— Что ты сделал по моему приказанию? — серьёзно спросил лейтенант, разглядывая его смеющимися глазами.

— Поболтать зашёл, — буркнул Джон, — и ещё мне нужно позвонить.

— А что ж ты к Люси не пошёл? — удивился Да-на.

— Командир, вы что! Как же можно идти к подружке раньше начальства? — делано удивился Джон.

— И как это тебя угораздило так вовремя ко мне вломиться? Значит, под дверями подслушивал? — скривился лейтенант, — фу! Ладно, докладывай, чего удумал.

— Ну, это... они ребятам угрожают, а кашу мы заварили, виноваты, — неуверенно начал Джон. Лейтенант одобрительно кивнул. — Вот они мне денег дадут, ведь моим добровольцам жалование не идёт.

— Идёт шакалья ставка, в штабе округа вчера приказ подписан, — улыбнулся Да-на.

— Ага, пятьдесят баксов за службу в руинах, — Джон даже не улыбнулся. — И ответственности на миллион.

— Полтора, если что, — поправил его командир, — насчёт содержания решили так — ставка без изменений, но вот у меня новый приказ о призовых и трофейных выплатах. Товары с терминала обелим как трофейные, десятina ваша. И не делай такую морду, и так жрёте там в три горла с общей добычи!

— Ага, общей, — подумал Джонни, демонстративно глядя в потолок, — иди, начальник, заberi у нас пряничек, коль солдатиков не жаль.

Лейтенант понял его правильно и сменил тон, — вам нужны деньги? На снабжение личного состава выделяют именно деньги, улавливаешь?

— Ага, мы через штаб округа родной армии продадим её же консервы, — со скукой

проговорил Джон, — половина, без нашего бэмса, вообще, ничего бы не было.

— Четверть, и успокойся. Успокойся, я сказал, есть ещё два пункта. Добровольцев принимаем на солдатский кошт, запомни и передай своим дезертирам — всё официально, и служба их будет считаться службой по призыву. — Командир серьёзен. — Они больше не дезертиры. А второй пункт... э... ну, в штабе понимают, что вы делаете, и чем рискуете на «своей» территории ещё до начала настоящей войны. Начальник среди служащих запустил подписку, и если кого из вас в бою... в общем, родным помогут. Начальник лично просматривает подписной лист, так что банк растёт.

— Не дай Бог его сорвать, — пробурчал Джон, но по нему было видно, что он тронут. — Спасибо. И э... так я позвоню?

Лейтенант мотнул подбородком в сторону аппарата. Джон набрал короткий номер, выслушал пожелания дежурного и подумал, что им срочно нужен женский персонал для таких задач. — Ну, извини, родной, извини командира, что побеспокоил. Алё, ты живой там? Да что ж ты так орёшь, оглашенный? Успокоился? Слушай, через час на внешний КПП пришли Слона, Чижика и Муху, пусть возьмут только пистолеты. Алё!

Джон отключил связь, улыбнувшись лейтенанту, — охламоны. Снова трубку не положил, чудо заполошное.

— Зачем тебе бойцы? Что ты собираешься делать на КПП? — лейтенанту интересно.

— Да мне за слив ребят обещали привезти десять тысяч. Так пацаны подстрахуют, чтоб не увезли меня для разговора, — охотно объяснил Джон, — а слив ночью. Думаю, задержим бандитов до выяснения, авось это придержит на время господина Та-ну.

— Ну, допустим. А дальше? Война с целым кланом? Ты представляешь себе, что это такое? — лейтенант суров.

— Господин лейтенант, — вздохнул Джон, — раньше нужно было представлять, а сейчас уже не зачем — всё и так увидим.

* * *

Джон зашёл к Люси поболтать, но она была явно не в духе, разговор не клеился.

Он ей передал привет от Эрхуфа, Люси кивнула, — ему тоже приветик.

Джон спросил, как дела в Джудии? Говорит, что не знает, давно там не была.

Джонни улыбнулся, — как малыш?

Люси сухо, — хорошо.

— Познакомишь? — Джон серьёзно.

— Конечно, — ответила Люси, не отвлекаясь от канцелярской работы.

— Так я зайду? — спросил Джон с надеждой.

— Буду рада, — равнодушно пропела Люси ровным тоном.

— Ты прости меня, — решился сказать Джон.

— Хорошо, прощу, — проговорила рассеянно, и всё. Как об стенку! Джон, посопев, развернулся и вышел, не оглядываясь. А зря — он не видел, каким взглядом проводила его Люси. Когда он ушёл, она долго смотрела на закрытую дверь опустевшими глазам, с её щеки скатилась первая слеза...

Джонни неспешно прогулялся до КПП, ему внезапно захотелось побыть одному. Не то, что он себя жалел или хандрил. Джонни испытывал странное, новое чувство — и грусть, и

ещё что-то, наверное, нежность. Чувство новое, но как будто забытое данным давно, и вот оно вернулось из поры счастливого детства. Джонни и обрадовался ему, и удивился — он был уверен, что жизнь давно выжгла в его душе подобные чувства и воспоминания. Оказывается, он — сентиментальный подонок, кто бы мог подумать! Джонни повеселел от этой мысли и зашагал бодрее.

Ребята на КПП ему искренне обрадовались. Давно не виделись, и слава Богу — из совсем не тянуло повидаться с Джоном в развалинах. А на КПП другое, даже милое дело. Зелёный этот достал вообще, никакой жизни с его уставщиной. Он и так был не сахар, а после лазарета стал просто какой-то контуженный, блин! Но парни знают, что сержант избегает встречаться с Джонни, так им интересно — Джон на минутку заскочил, или желает кофе с ребятами испить? Он охотно принял приглашение, пил кофе и с удовольствием слушал последние жандармские сплетни.

Наконец, с попутки прыгнули бойцы его отряда. Ребята присоединились к компании, оживлённо болтали с приятелями — большинство молодых жандармов знакомы со школы. Знают родителей друг друга, сестёр, братьев. Ребята спрашивали, как у них дела, передавали приветы. Джон скрипнул зубами. — Парни, нам тут нужно кое-кого подождать, мы за вас часок подежури́м?

— Конечно, хоть до конца смены! — весело загомони́ли постовые.

* * *

Смешно, конечно, но Джон впервые стоял в наряде на КПП, не до того ему было. Всегда находились дела и важней, и интересней. Простояв полчаса, Джон решил, что потерял он немного, средненькое удовольствие. Будь он поэтом или писателем, тогда, конечно, самое оно, а для него время до подъезда «следователей» растянулось, как старая резинка на солдатских трусах. Но дождался их «проша» и обрадовался, как родным — вытащил ствол и демонстративно передёрнул затвор. Муха навёл на машину станкач, Чижик положил на брусстер из мешков с песком ручник, Слон с пистолетами занял позицию сзади и сбоку от автомобиля.

Парочка в машине оживлённо закрутила головами, козлобородый уставился в окно на Джона. Он, радушно улыбаясь, поманил мужчину ладошкой. Тот чуть замок не сломал, так ему захотелось наружу — стало совершенно ясно, что промедление может привести к печальным последствиям, вон господина Та-ню такие же пацаны из пулемёта расстреляли. Наконец у него получилось справиться с замком, он вышел и, безуспешно пытаясь сохранить достоинство, на негнущихся ногах приблизился к Джонни. Он молча протянул руку, козлобородый, вновь запутавшись во внутреннем кармане пиджака, как вырвал пухлый конверт. Джон принял конвертик и не глядя, через плечо перебросил его Чижику, — проверь!

— Десять тысяч, капрал, — крикнул пацан с небольшой задержкой.

— Ночная смена начинается в двадцать два, но раньше двенадцати лучше не приезжайте — здесь бывает людно, — проговорил Джон, — до вечера... э... ещё пять тысяч?

— Само собой, — «следователь» попытался изобразить улыбку, — как и договаривались. До вечера?

— До вечера, — благодушно ответил Джон. Мужик, развернулся и втянув голову в

плечи прошёл к машине, изо всех сил стараясь не сорваться на бег. Дошёл, хлопнула дверца, и машина рванула с места с пробуксовкой в отчаянном развороте.

Немного отъехав, козлобородый с шумом выдохнул и вlepил длинному подзатыльник, — нафиг бабки отдавать? Возьмём щенка и расспросим?? Сами всё сделаем, Жоржи??? Уф, хороchшо, что я тебя не послушал, взял эти сpаные деньги!

— Ага, а теперь их пацаны на всех попилят, — обиженно пробасил худой, — я ж хотел, чтоб только нам, Алекс!

— Рули давай! — злился козлобородый, — блин, а пацанов придётся у босса просить, тут много ребят нужно... и с гранатами, пулемёты у них.

— Не гони, хватит обычных молотилок, — снисходительно ответил опытный Жоржи, — да и то — пугнуть. Это они с нами были герои, а как парней увидят, обделаются.

* * *

Джон со своими бойцами пожелали парням спокойного дежурства и на попутке поехали на гауптвахту навестить старину Зо-на. На саму губу машины шли редко, а попутчиков, даже жандармов, брали ещё реже, поэтому ребятам пришлось изрядно прогуляться от трассы, но в компании им было не скучно. Смеялись над бородатым, как у него ножки подламывались. Джонни пообещал, что ночью будет ещё веселее.

Лейтенанта Зо-на застали при исполнении и не в настроении, гонял по плацу жандармов, лишённых фантазии. Но Джонни и парням обрадовался, и сразу начал брюзжать, что совсем стало на губе тоскливо, самые юморные ребята не вылезают из развалин. Хотя навещают изредка, но могли бы заходить и почаще. В общем, отпустил он бедолаг отдыхать, а сам сходил за травматическим оружием. Начал с разминки — со Слона. Когда ему хватило, за гематомами вышел Чижик, но и он выдержал недолго. Муха держался молодцом, оттого и кличка такая у парня, даже заслужил похвалу лейтенанта, когда, чуть скособочившись и прихрамывая, уступил место Джону.

Джонни себе не льстил, собрался, успокоился, прочувствовал кожей оба пистолета, ощутил их вес. Поиграв мышцами, настроился. И когда Зо-на пошёл на него, он вдруг поймал его ритм, хотя никакого ритма там и быть не могло. Но в полностью опустевшем сознании Джона нечто задало его танец. Он не стрелял в ответ, в полной уверенности в своей неуязвимости, и что каждый его выстрел будет точным. Джонни, как издеваясь, двинулся навстречу лейтенанту.

— Стреляй! — не выдержал Зо-на, — стреляй, щенок, твою мать!

— Мать? Да пожалуйста! — Джонни принялся избивать офицера точными выстрелами... по ляжкам, как новобранца. Зо-на держался, скрипя зубами, но не выдержав, рухнул на колени. Всё — он мишень, но офицер продолжил стрельбу. Джонни двумя выстрелами «отсушил» ему плечи, предплечья, руки Зо-на повисли плетьюми. А с лица не сходило выражение злого азарта. Наконец, он как очнулся и захохотал во всё горло, запрокинув голову.

— Вот уж не думал, что доживу до такого! — воскликнул он. — Малыш, в тебя молния ударила?

— Нет, дури обширялся, — чуть не ляпнул Джон, но прикусил язык. Спокойно переспросил, — с чего вы взяли?

— Приходилось слышать про подобные чудеса, — Зо-на счастливо улыбался, — но видеть не приходилось. Спасибо, Джонни!

— За что же? — не сообразил Джон.

— Да, я ж подобное испытывал лет десять назад, — усмехнулся лейтенант, — прямо как в молодость вернулся... когда был, как они, — кивнул он на ребят. Бойцы, не стесняясь, таращились с открытыми ртами.

— Ай да порошок! — смекнул Джон. Себе он по-прежнему не льстил, всё своё он взял у Зо-на, но препарат действительно преумножает возможности.

— Ну, что застыл? Помогли подняться, стрелок, — заворчал начальник гауптвахты, — на сегодня игры закончены, пойдём обедать.

Обед накрыли в комнате отдыха, лейтенант радушно потчевал молодых жандармов. Джон счёл момент подходящим и закинул удочки насчёт филиала губы в развалинах. Дескать, там постоянная многоуровневая охрана, и, вообще, через развалины бегать психов не найдётся. Полно тяжёлой и опасной работы для арестантов, и возить их не нужно, пешком дойдут. И главное — бойцы отряда всегда готовы составить компанию в его упражнениях.

— Если ты про себя, я — пас! — лейтенант шутливо отгородился ладонями, но было видно, что предложение ему по душе.

— И, само собой, офицерская доля в трофеях вдобавок к жалованию, — сделал Джон «контрольный выстрел».

— М? — приподнял бровь Зо-на.

— Немного, — сокрушённо признался Джон, — пока пятьсот.

— Ха-ха-ха! — внезапно расхохотался лейтенант, — Да-на прав — вы там в ноль оборзели! Сегодня же с ним переговорю, думаю, он не будет против. А вместе мы округ продадим, они там уже и не знают, как нас ещё наградить, чтоб мы с ними не забыли поделиться.

* * *

Джон не преминул воспользоваться хорошим настроением лейтенанта и выпросил его джип. Джонни следовало поторапливаться, по программе инъекции делались всё чаще. Курс начинался с одного укола в три дня и уже дошёл до двух в день. Всё это он, конечно, Зо-на не объяснял, просто сославшись на дела в отряде. Начальник, видимо считая уже Джона своим, легко разрешил покататься на своей машине.

По пути заскочили в штаб жандармерии, Джонни договорился с командиром о доступе в оружейку и об «аренде» автофургона на ночь. Решив текущие вопросы, вернулись на базу, где Джон получил новую дозу, и его неожиданно повело. Он едва сумел дойти до койки и, засыпая в падении, услышал голос Эрхуфа, уже не понимая смысла слов:

— Говорили же тебе избегать волнений, благо, что тебя не рубануло за рулём.

— А? — откликнулся Джонни спросонья.

— Я говорю, что, благо, ты не вырубился в бою, — улыбнулся Цербер, — угадай, сколько ты проспал?

— Проспал??? — Джон заполошно уставился на часы, — горбатая лошадка! Кто украл четыре часа?

- Что-нибудь снилось? Ага, заработал «Зов», твой организм принял отраву, — очень довольным тоном сказал Цербер.
- А если бы не принял? — угрюмо проговорил Джон.
- Мальш, в тебя влито уже четыре смертельные дозы, — без улыбки ответил Цербер, — сам-то как думаешь? Вот-вот. Рассказывай, что делал.
- Стреляли с Зо-на, это мой учитель огневого контакта, — Джонни аж зажмурился, смакуя поединок, — и ты прав — оно работает. Иначе я б его в жизни не уделал. Ну, инструктора уработал, как новобранца. И что ты скалишься? — Джон разозлился на Цербера, — вот он скоро к нам переедет, с ним повеселишься.
- Ладно-ладно, надеюсь больше ничего такого у тебя на сегодня не запланировано? — Цербер проявил заботу.
- Не-а, — честно ответил Джон, — стрелять не должны — пойдём с ребятами на танцы.
- Джонни, — Цербер строг, — до финальной серии никакого секса! Это важно!
- Да помню, — пробурчал Джонни, — а скоро она, эта серия?
- Послезавтра, — Цербер печален, — отменяй на двое суток все дела, ты не сможешь встать с койки.
- Он так действует? — немного испугался Джонни.
- Не-а, — передразнил его Цербер, — я тебя к койке привяжу.
- Ладно, — Джонни не стал спорить, — привязывай, раз так надо. Ну, я пойду, позову ребят.
- На губу не нахулиганьте! — развеселился Цербер.

* * *

Маневр с танцами Джон придумал из соображений конспирации. Мало ли какие у противника разведывательные возможности, бережёного Бог бережёт. Джонни весело провёл время в компании двух отделений «силовиков» и девчонок, конечно. Оказывается, многие девушки ходят на танцы именно танцевать и знакомиться, а не как остальные... Джонни поймал себя на неприязни к «остальному», странно — он сам себе удивился. Но женское общество ему было приятно, как и прежде, и он списал ощущения на временную «побочку».

Ровно в двадцать один тридцать Джон пошёл «отлить», и, никого не дожидаясь, сразу направился в оружейку. Через две минуты подошёл первый боец, за ним ещё двое... в двадцать два все были в сборе. Джон сходил за лейтенантом, Да-на решил не впутывать в дело посторонних. Ребята вооружились, а он с Чижиком и Мухой на лейтенантском джипе поехали к КПП. Выждав четверть часа, бойцы залезли в поджидающий их фургон, Джонни сел за руль.

Да-на сменил наряд на КПП, ребята постовые радостно пошли в казарму. Лейтенант лично возглавил смену, встав у станкача, Чижик присел с ручным пулемётом за ограждением из мешков с песком, Муха как самый шустрый взял на себя роль проверяющего. Ну, не все ж подряд машины они будут расстреливать. И, вообще, они — подстраховка, если у команды Джона что-то не получится.

Джонни не останавливаясь у блокпоста проехал около двухсот метров до поворота.

Дорога, идущая вдоль брошенной промзоны разветвлялась, и левый поворот вводил к сборному мобилизационному пункту. Джонни притормозил, ребята выпрыгнули из фургона. А Джон задним ходом загнал грузовик на обочину. Немного проехал вперёд, вывернув руль, снова сдал назад, прикинув, куда светят фары, выключил всё освещение.

Бойцы расположились среди обломков за обочиной, один боец с рацией побежал вперёд — его дело предупредить. Джонни после утреннего шоу справедливо ожидал прибытие представительной делегации. И ему очень не хотелось устраивать сражение, он решил не дать противнику выйти из машин. Потянулось время ожидания...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Неприятель не разочаровал Джона — кортеж из пяти машин летел на приличной бандитской скорости, лишь немного притормозив, с намерением лихо войти в поворот. А что перед таким маневром следует увеличить дистанцию, мамы придуркам не рассказывали — едва в гармошку не собрались. Джонни врубил дальний свет, прямо водителям в глаза, и выпрыгнул из кабины. В этот момент на капотах рванули, брошенные ребятами, световые гранаты. Машины, как шли цугом, так и вылетели с дороги в нагромождение обломков. Джонни поморщился — он считал машины уже своими. Ребята выскочили из укрытий и заняли позиции у автомобилей с винтовками наизготовку. Джон заорал, — уткнули морды в колени, козлы! Прострелю любую бошку, что увижу в окне!

Ну и саданул из револьвера по ближайшему автомобилю, осыпались простреленные стёкла.

— Ха, да это же знакомый «прош»! — обрадовался Джон, — Джеймс, подгоняй фургон! Начнём с этих!

«Этим» не пришлось повторять дважды — сами привыкшие лишать жизни, бандиты не питали иллюзий насчёт жандармов. Тем более пацанов с винтовками. И бандитские дисковые «молотилки» в этой ситуации были совершенно бесполезны. Первым вытащили козлобородого. Джон ему хищно улыбнулся, — невинные, сука, пострадают?

Резкий удар в живот, мужик скорчился на земле в позе зародыша, заходясь воплем, — так можешь не беспокоиться.

Следующим вытащили худого и длинного.

— Бабки привёз? — на всякий случай спросил Джонни. — Нет??? Так вы меня хотели кинуть, уроды???

Повтор для длинного, тот аж ногами засучил, и штанишки у него потемнели. Парни обошлись без лирики и лишних слов, строго по инструкции, ситуации и полицейской выучке. За четверть часа сосредоточили задержанных в фургоне фуры, вытолкнули на дорогу бандитские машины. Их слегка помяло, но все оказались на ходу. И кортеж, не останавливаясь на КПП, проследовал напрямик в развалины. Лишь Джонни прогудел клаксоном победную трель.

На базе так же, избегая лишних глаз, выгрузили пленных, загнали в подвал «первого». Лишь «следователей» провели в «особняк». Джон взял телефонную трубку, стукнул по рычагам и очень вежливо попросил барышню дать связь с городом.

— Номер твоего босса, быстро, — обратился Джон к длинному.

— Да вы чё творите, щенята легавые, в натуре попу..., - раздался выстрел, длинный упал с простреленным лбом. Джон вопросительно навёл ствол на козлобородого, протягивая ему телефонную трубку.

— А что говорить-то? — растерялся «следователь», накручивая номер.

— Да расскажи, как всё было. И передай, что если кто-нибудь из родных моих ребят даже случайно вывихнет ногу...

— Ага, понял, — закивал бородатый и, преданно глядя на Джонни, заныл в трубку, — алё! Ну, алё же!!!

* * *

В кабинете босса в креслах расположились двое мужчин — оба высокие, спортивного сложения, в деловых костюмах. Короткая стрижка одного из них выдавала в нём военного или полицейского, худощавое лицо с тонкими губами, впалыми щеками, высокий лоб, прорезанный морщинами делали его похожим на хищную птицу. Его собеседник, сам босс, из-за вьющихся тёмных волос до плеч и мягких линий округлого лица производил обманчивое впечатление добродушия. Но обоих выдавали жёсткие взгляды холодных глаз, давно привыкших к смерти.

Господин Та-ну ценил профессионалов. Он, конечно, дал своим ребятам возможность выслужиться, прогнуться, но на многое не рассчитывал. И пусть его архаровцы успели доложить, что вышли на какого-то стукача, что обещал сдать исполнителей, и босс даже не сомневался, что они кого-то притащат. Всё равно это не изменит его планов — он решил серьёзно проучить жандармов.

Но дело, в общем-то, не в них. Господина Та-ну волновал вопрос — за что? Или почему убили его сына? Господин располагал хорошими детективами, целой командой бывших полицейских, и предводитель сыщиков явился с докладом. Он хотел сделать это утром, но позвонил босс, спросил, есть ли результаты? И, услышав, что есть, потребовал немедленного доклада, всё равно он плохо спал из-за всего случившегося.

— Итак, Грегори, ваше мнение? — Та-ну умеет быть вежливым.

— Лично моё мнение — его убили по ошибке, — развёл руками Грегори, — судите сами: ваш сын взял случайную машину, подсунуть её специально... я даже не представляю, как это можно сделать! Стрелок за пулемётом не мог разглядеть Эдварда. В спецзоне беспорядки, и мальчику захотелось пострелять из большой пушки. Или на этой машине должен был ехать кто-то другой, кого мальчик очень хотел убить.

Господин Та-ну придавил сыщика тяжёлым взглядом, — это всё, что вы наработали?

— Это моё личное мнение, босс, — холодно повторил Грегори, — мы знали, что вы им не удовлетворитесь, и собрали всю информацию, какую только могли добыть. Я посмотрел полицейское дело на Эдварда — с виду чистый бред, но он основан на фактах. Полицейская версия — просто желание всё свалить на мертвеца. У него уже не спросишь, кстати, он с вами не делился проблемами?

— У него не было проблем, — глухо проговорил Та-ну.

— Увы, босс, вы заблуждаетесь, — мягко заговорил сыщик, — мы опросили его друзей по колледжу. Так вот — у него не было друзей... и подружек. Он был близок с одним мальчиком.

Та-ну резко наклонился вперёд, но лишь впился пальцами в край столешницы — их разделял стол. Повисла тягостная пауза, но, не проронив ни слова, он снова откинулся на спинку кресла. Сыщик счёл это разрешением продолжать.

— Эдвардобсуждал с ним свои проблемы. Вы помните ту историю с фотографией в

газете? Так его приятель говорит, что ваш сын встречался со своим обидчиком ещё раз и снова был избит. В баре «Икота бегемота» в тот день, когда на него якобы напали.

— Якобы? — удивился Та-ну.

— Обычная история. Полицейские нахватали подозреваемых, а когда оказалось, что была простая драка, сфабриковали дело. Но главное в том, что фургон, в котором застрелили Эдди, в день «нападения» угнали от бара. И наш информатор в полиции сообщил, что капитан Ха-на на таком же фургоне отвёз некоего молодого человека на сборный пункт, чтобы выдать его за своего сына.

— Интересно, — в глазах господина загорелись жёлтые огоньки.

— Ещё интересней описание парня — конопатый, лопухий, среднего роста...

— Тот самый засранец, что сунул Эдварда головой в мусорный бак???

— Вероятно, — сыщик осторожен, — но скорей всего он сейчас служит под именем Джона Ха-ня.

— И где он? — зло процедил Та-ну.

— А вот это очень интересно, — оживился детектив, — вы знаете, что штаб сгорел. Но мобилизационные предписания восстановили по солдатским книжкам. В армии Джон Ха-ня не числится. Есть только одно объяснение — он до пожара перевёлся в жандармерию.

— Бродяга в жандармерию?? — не поверил босс, — скорее дезертировал во время пожара.

— А зачем? Ведь он официально — сын капитана Ха-на! Кстати, настоящий его сынок — то ещё чудо. Укурок и отморозок.

— Ну, это осложняет дело, — задумался Та-ну, — но я его достану.

— Увы, босс, это труднее, чем вы думаете, — осторожно сказал Грегори, — вы же знаете, что жандармы чистят развалины. Не все подходят для этой работы. Нам сообщили о командире отряда чистильщиков — капрал, зовут Джон, конопатый, лопухий, среднего роста...

— Но он же вылезает из развалин? За ним можно проследить, с кем он общается? — Тану теряет терпение.

— Господин Та-ну, вы здесь, в офисе, а они там на одной территории с бандой вооружённых головорезов, — пытается быть понятным Грегори, — знаете, сколько солдат пропадает за одни только сутки?

— Тогда зачем ты мотал мне нервы, рассказывая об этой сволочи? — обозлился босс.

— Я вынужден вернуться к дружку Эдди, — потупившись пробормотал сыщик, — он признался, что ваш сын сидел на стимуляторах. У него в юности были комплексы из-за внешности...

— Да, тощий, прыщавый мой гусёнок, — тепло проговорил босс, — я ж ему говорил — отдерёшь тёлку, и всё...

Господин Та-ну запнулся под внимательным, сочувствующим взглядом сыщика.

— Эдди начал с приёма гормональных препаратов, — сказал Грегори, — в конце на стимуляторы уходили почти все его деньги. Препаратами его снабжал некий эмигрант Че-на. И босс...

— Что ещё?! Мало того, что он пи... э... — закашлялся Та-ну.

— Да. Он принудил этого Че-на гнать тяжёлую дурь. Фактически похитил его сына...

— Мой сынок толкал дурь от себя? — не поверил босс, — да как бы он смог?

— Он вёл дела с обитателями руин через кого-то из ваших парней. После бэмса на

сборном пункте уже не узнать с кем, но! — сыщик поднял указательный палец, — сын Че-на пропал, сам эмигрант скрылся. Сразу после гибели Эдди.

— Это они, — прорычал Та-ну, — эти косорылые ублюдки заказали Эдварда! Этой конопатой, лопоухой сволочи! И я не хочу знать, как он это устроил, мне достаточно знать, что это он! Вы можете найти эмигранта?

— Вряд ли, — пожал плечами сыщик.

— Вряд ли сможете найти узкоглазого в Такии? — удивился Та-ну.

— В некоторых городах Такии узкоглазые населяют целые кварталы. У них там общества помощи переселенцам, — терпеливо объяснил сыщик, — эмигрант может назваться любым именем, и ему дадут койку, чашку риса и посильную работу. И помогут оформить разрешение на трудовую деятельность. Не зная его псевдонима, эмигранта там не сыскать. А перевернуть все такие кварталы не под силу даже гвардии. Увы, босс.

— А его сын может знать, где искать папашу? — улыбнулся Тану, — должен сука знать, раз они к этому готовились. Найдите его!

Внезапно зазвонил телефон.

— О, парни спешат похвастаться, — довольно проворчал босс, снимая трубку, — алё! Ну, что ты орёшь? Говори толком...

Финальная серия

После трудов праведных Джонни ужинал в гордом одиночестве. Его немного тяготила роль командира — порой за день он говорил больше слов, чем за месяц во времена своей юности. И Джон буквально зубами вцепился в своё законное право хотя бы поесть молча. Ребята уже хорошо усвоили, что в эти редкие моменты командира лучше не тревожить. Потому приход Карла Джонни даже не раздосадовал, скорее удивил. Уж его старый друг должен понимать! Но Карл, не желая ничего понимать, сел за стол напротив Джонни, поставил на столешницу локти, и, положив подбородок на ладони, молча и задумчиво уставился на Джона. Джонни с чувством неловкости приготовился к неприятному разговору, видимо, у Карла накопилось важных, личных вопросов. Джон со вздохом отложил ложку и вопросительно взглянул на Карла, но он как не заметил взгляда. Подождав, Джонни снова вздохнул, взял ложку, и Карл, наконец-то, заговорил, сразу перешёл к главному:

— Как ты думаешь, почему я хотел тебя убить?

Джон без эмоций работал ложкой. Завязочка, конечно, интересная, но это только завязка.

— Мы перестали тебя понимать от слова совсем. — Выдержав паузу, ровным тоном заговорил Карл. — Мне с самого начала было трудно тебя понять. Ты выручил моего брата. Спас Дэна. И ничего не потребовал для себя. Хорошо, ты получил жандармерию — пусть тебе всё это просто нравится.

Карл покачал головой с таким лицом, будто говорил о половых извращениях.

— Пусть, но ведь у тебя всё было — деньги, приключения, друзья, — с горечью говорил Карл. — Зачем тебе охота на крыс? Зачем тебе дезертиры? Зачем тебе эти наркоманы, будь ты проклят, нахрена ты сам стал наркоманом???

— Это не наркотик, — проговорил Джон, пережёвывая тушёное мясо, — я так и не испытал ни малейшего кайфа.

— Тем более, нахрена?? — воскликнул Карл. — И... да, ты тоже виноват, но сволочь Та-ню порвал я. И я хотел тебя убить. Так выдай меня, и дело с концом! Нет — ты ввязался в войну с гангстерским кланом. Ты хоть понимаешь, что это война на уничтожение?

Джон кивнул, сосредоточенно вычищая ложкой остатки тушёнки.

— С твоими деньгами и в развалинах можно хорошо устроиться! — задумчиво проговорил Карл. — Господи, да ты и без денег устроишься где угодно! Ты сам сказал, что крысе-разведчику никто не нужен, так почему ты ещё здесь???

— Всё ещё смешнее, дружище, — рыгнув, улыбнулся Джонни, — кофе будешь? Тогда запали керосинку, поставь чайник.

Карл механически выполнил просьбу Джона, ожидая продолжения.

— Представляешь, я ушёл из стаи, из родного города, чтобы никогда, — Джон горько усмехнулся, — никогда не возвращаться в развалины.

Карл присел на стульчик, начало было многообещающим.

— В родных развалинах среди крыс, ты не поверишь — меня ни разу не унизили, — тихо говорил Джон, — и я ушёл в армию, чтобы больше не видеть этих сволочей — Та-ню, Че-на.

— Ха-ха-ха! — не выдержал Карл. Джон с улыбкой подождал, пока он насмеётся.

— Давным-давно я жил в большом, прекрасном мире, с мамой, — грустно заговорил

Джон, — но мама ушла, и мир стал неправильным. Он стал неправильным везде, я понял это здесь, в этих руинах. Нет смысла бежать от него, его нужно исправлять.

Карл удивлённо воззрился на Джонни.

— Правильным мир делают правильные люди правильными делами, — ровным тоном продолжил Джон. — Убить сволочь Та-ню — правильно. И спасти Брюса правильно. И помочь своим ребятам, Люси... и уничтожить клан Та-ну будет правильным.

— Блин! — Обалдел Карл. — Я вижу, что ты действительно в это веришь! Ну, хоть что-то стало проясняться, всё спокойней будет жить.

Джон стеснительно улыбнулся другу.

— Тогда давай-ка под кофеёк, — сказал Карл, наполняя кружки кипятком, — обсудим наши правильные дела. Я должен пройти курс «Зова».

Джон сосредоточенно размешивал кофе, будто не расслышал.

— Смотри, — пустился в объяснения Карл, — Чен считает себя мне обязанным. Если я пройду курс, кем он будет, когда я сдохну без дозы? Придётся Брюсу поискать папу.

Джон лишь сдержано кивнул. Он не стал говорить Карлу, что это подобно смерти. Зачем?

— Хорошо. Через три дня начнёшь, — проговорил он, — если я выживу после финальной серии. Просто, если не выживу даже я, вам тем более нечего ловить.

— Ладно, — Карл настроился было на спор и слегка растерялся, — а что с Та-ну? Теперь нужно ждать подачу с их стороны.

— Не нужно, подача всегда будет у нас, — пробурчал Джон, — дружище, используй свои наработки и купи бар «Икота Бегемота».

— Гм, в принципе, нетрудно и не дорого, но зачем? — недоумевает Карл.

— Давненько там не был, соскучился, — широко улыбнулся Джон, — как думаешь, меня ещё не забыли?

— Ха-ха-ха!!! — до Карла дошло.

* * *

За день до финальной серии Джонни решил просто погулять. Нельзя было далеко отходить от «особняка» — в тот день ему предстояло получить четыре инъекции. Курс уже летел галопом, препарат в цепочке метаболизма превращался в сильнейшие нейротоксины, действие которых блокировалось новыми дозами «Зова предков». Дозировка увеличивалась, промежутки между инъекциями сокращались. Последний укол серии должен его убить — клиническая смерть — обязательный этап курса. И сама его суть — воин сознательно идёт к неминуемой гибели, это его изначальный выбор навсегда, вне зависимости от результатов программы. Так Джону объяснил Цербер. Ведь «Зов» можно принимать по чуть-чуть всю жизнь, как это делает почти все соотечественники Эрхуфа. И «Зов» намного облегчает их жизнь, иначе невыносимую из-за бомбардировок, непосильной работы, просто бесконечной войны. Но лишь воин ищет в «Зове» не облегчение, а обречённость — выбирает бой до смерти навсегда.

В общем, Джон прощался с жизнью. Немного запоздало, пути назад уже не было, но финальный укол завтра, а сегодня можно просто погулять. Ребята докладывали, что его прогнозы сбываются, рейды крыс-боевиков прекратились, но разведчики активизировались.

Оставленную воду забирают и оставляют маленькие свёртки какого-то странно пахнущего табака, вернее, слипшихся табачных комочков. «Кукси», — объяснил Джон. В глубине заброшенных кварталов выращивают травку. Она встречается повсюду, но до нужных кондиций вырастает редко — это наркотик, запрещённый, конечно. Кукси выращивают в глубине развалин и меняются с «пограничными» стаями на еду. А те в свою очередь продают её всем желающим — люди навещают руины специально ради этой отравы. Решили пока дурь принимать и складировать, фиг знает, где пригодиться. И Джонни предупредил, что за употребление выгонит из отряда — самая страшная кара в представлении ребят.

Но Джон улыбался — есть контакт, крысы-разведчики пошли на обмен, можно надеяться на развитие диалога. Ребята этому весьма способствовали, глаза у них уже намётаны, и они с удовольствием играют с разведчиками в игру «я тебя вижу». Джон с почти детским увлечением составил команду патрулю. Патрули вышли на обходы лишь с недавних пор, жандармы демонстрировали крысам многочисленность и боеготовность. И дружелюбие, конечно, за целую неделю никого не убили — своего рода рекорд. Джон вёл группу, не таясь, конечно, не колонной и парадным шагом — рассредоточившись, в полной готовности — но всё-таки неспешно и в полный рост, действительно прогуливались. Джонни заметил тень, кто-то неудачно спрятался за кирпичными обломкам. Шутливый выстрел, пуля срикошетила, наверное, у самой головы притаившегося человека. Джонни мог достать его гранатой, но это уж слишком фамильярно, шутку могут не понять. Рикошет лазутчик оценил — спокойно вышел на открытое пространство и встал, как ждал чего-то. Джонни бросил парням, — ждите здесь.

Накинул ремень винтовки на плечо, закинул её за спину и, не торопясь, направился к фигуре. Незнакомец спокойно поджидал его.

— Приветствую тебя на своей земле, свободный, — проговорил Джон, остановившись в пяти шагах от крысы.

— Ты солдат? — спросил он.

— Как видишь, — улыбнулся Джон.

— Тогда почему ты говоришь как свободный? — крысе явно любопытно.

— Потому что я делаю, что хочу и как хочу, — снисходительно объяснил Джон, — я свободен.

— Ты говоришь — твоя земля, почему твоя? — не унимался разведчик.

— Потому что я убил её бывших хозяев, и я так сказал — моя земля, — Джон давно знал правильные ответы.

— Но ты — солдат. — Заметил чужак. — Солдатам приказано убивать свободных.

— Я вожак стаи, — серьёзно ответил Джон, — нас наняли для защиты от диких крыс.

Мои наниматели называют нас солдатами, но разве мы в ответе за их глупость?

— Да уж, — усмехнулся дикарь, — вы действительно странные солдаты!

— Ты даже не представляешь себе насколько! — улыбнулся Джон, — позволь предложить тебе гостеприимство.

— Чтоб я поверил солдату! — фыркнул разведчик.

— А ты уже поверил, — усмехнулся Джонни, — угадай, сколько раз я мог тебя убить?

Ты есть хочешь? Ну и пойдём, — он развернулся к дикарю спиной и пошёл, не оглянувшись. В полной уверенности, что разведчик следует за ним — любопытство губит не только кошек. Джонни повёл гостя в «первый». Чужак шёл следом, но держал дистанцию, демонстрировал независимость. Входя в здание, он с видимым усилием преодолел себя — следом не спеша

ши шакалы, в его представлении деваться ему было некуда. Но кинься он бежать, ребята бы его лишь взглядами проводили. Но он не побежит — Джон был уверен — он просто перестанет считать себя разведчиком, если упустит возможность побывать в логове «странных солдат».

Гарнизон «первого» вообще никак не отреагировал на появление дикаря, ребята его будто не заметили. Джон усадил парня за стол, открыл ему банку консервированной фасоли, тушёнки, дал пачку галет и налил кружку воды. Гость с достоинством принялся за еду. Джонни смог разглядеть его вблизи. Парень восемнадцати-двадцати, от силы двадцати двух лет, среднего роста, поджарый, мосластый. Коротко и неровно стриженный, лицо загорелое, худое, черты лица заострённые — признаки «вольной жизни» и хронического недоедания. Джон не сомневался, что перед ним опытный разведчик, даже слишком опытный. Как и Джон, он в развалинах с детства, ещё жив... и ещё в стае — почему? Что его удерживает? Ба! Ну, конечно, малышня, может быть, младший брат...

— Стиви, — позвал Джон и вполголоса приказал, — мухой организуй со склада конфет, лучше шоколадных.

Стив, не задавая ненужных вопросов, скрылся за дверью. Хм, парень быстро наелся, редкое для него явление — есть досыта. Ничего, привыкнет, улыбнулся Джон, и братишку приведёт, а пока поговорим.

— Благодарю, вожак, — проговорил парень, облизав ложку.

— Зови меня Джоном.

— Фил, — открыто улыбнулся чужак, — я могу идти?

— Ты — свободный, — пожал плечами Джон, — но, пожалуйста, подожди, ребята соберут гостинец твоим малышам.

У парня странно блеснули глаза, и он хрипло ответил, — у меня ничего нет с собой на обмен, даже кукси.

— Это плохо, — согласился Джон, — надеюсь, к следующей нашей встрече ты подготовишься лучше, Фил. Запоминай — нам нужны любые электроприборы, радиоприёмники, антенны, автомобильные аккумуляторы, фары, а лучше ты просто пригонишь сюда брошенную машину. Или хотя бы расскажешь, где есть брошенные автомобили, гаражи, мастерские.

Парень задумался, то, что ему предлагали, не могло повредить его стае. Но пускать чужаков на свою землю, тем более этих неправильных солдат! Гм, но брошенные машины есть не только на их земле... Фил молча кивнул. Джонни понял, что парень не против, но ему нужно поговорить с вожаками. Ну-ну — усмехнулся в душе Джон. Он хорошо знал вожаков — они запретят всё, на что не смогут наложить лапы. И куда пойдёт бродяга Фил?

Как раз вернулся Стив, быстро обернулся. Умница, кроме пакета, принёс пятилитровую бутылку воды, всё поставил на стол и пошёл к ребятам.

— Прощай, свободный, — не вставая, сказал Джон. Он не собирался его провожать, — в следующий раз просто приходи сюда, ребята сразу меня позовут, если я ещё буду жив, — грустно улыбнулся Джонни.

Парень взял пакет и воду, сказал, — благодарю, вожак, я приду снова, если буду жив. Прощай.

Фил ушёл, и Джонни нехотя поднялся — пора было идти на второй за день укол. И не то, что уколы были болезненные, Джона раздражала напряженность Цербера, его тревога. Прямо отец родной, блин, с полным шприцем отравы! Но дело, видимо, действительно

серьёзное и очень важное для Эрхуфа — Джонни его первый «крестник». Джонни его отношение непонятно — он не испытывает ничего особенного, только появилось лёгкое головокружение сразу после инъекций и усилился аппетит.

Вот с этим у них всё заведено по-военному — война войной, а обед по расписанию. Ибо режим дня не только основа крепкого здоровья, но и воинской дисциплины. Переждав слабость после укола, Джон прямым ходом направился в штаб-берлогу, по совместительству столовую. Чен радуется парней горячим, в столовке собрался кворум. Ведь опоздавшим — консервы. Джонни взял у Брюса чашку с похлёбкой и занял первое освободившееся место за столом. М-м-м! Только вот галеты эти уже достали, им бы пекарню! Но пока ладно и так, а там видно будет.

Отобедав и придя в хорошее настроение, Джонни собрался было на выход, но перехватил внимательный взгляд Чена. На что-то парень готов решиться, Джон не спеша, налил ещё одну кружку кофе и вернулся за стол. Прихлёбывал кофе, не торопясь, как будто о чём-то задумавшись. И Джон совсем не удивился, когда Чен, дождавшись ухода бойцов, сел за стол напротив него. Джон «удивлённо» поднял на него глаза.

— Джон, возьми меня в отряд, — сказал Брюс.

— Ага, — улыбнулся Джон, — ты знаешь, сколько и как проходила наша подготовка?

— Мне нельзя возвращаться в сборный пункт, — потупившись, проговорил Чен, — а если я не вернусь, меня будут считать дезертиром.

— Не будут, — успокоил его Джон, — штаб сгорел вместе с твоим предписанием.

— Тем более, — Чен упрям, — тогда я просто крыса — без документов, без дома, без родных.

— Но у тебя же есть отец! — не понял его Джон.

— Ну, приду я к нему, и что скажу? — глухо проговорил Чен, — папа, я убежал, спаси меня? Нет, я хочу сказать — папа, я стал воином, дай мне твой препарат.

Джон поперхнулся кофе — что там комбинировал Карл? Умора!

— Ты пойми, это судьба! — горячо заговорил Чен, — моего брата похитили, и его убил «Зов». И меня похитили...

— И «Зов» убьёт тебя, — тихо проговорил Джонни, — это обязательный финал курса, все проходят через клиническую смерть.

— Я готов, — Чен очень упрям, — я пройду через всё, и отец даст нам препарат, чтобы мы стали сильнее всех. А став сильнее, я пройду вашу подготовку.

— Брюс, дружище, — мягко улыбнулся Джон, — «Зов» не даёт силы, он их приумножает.

— Я многое умею Джонни, — Чен улыбнулся в ответ, — то, чему вас не учили и не могли учить. Управлять своим духом. Концентрироваться в нужное время и расслабляться, сберегая силы.

— Брюс, ты, наверное, не понимаешь, — спокойно сказал Джонни, — у нас не спорт, нам нельзя расслабляться.

— Джонни, Джонни, — покачал головой Брюс Чен, — ваше напряжение убивает вас вернее врага, оно от страха или привычки. Но ты прав — это умение даётся не сразу. Для начала я научу тебя отдыхать.

— Чему научишь? — Джону показалось, что он ослышался.

— Отдыхать нужно не только телом, но и духом, — как не заметил вопроса Чен, — твои ребята кричат во сне, их посещают кошмары, угнетая души. Спать ещё не значит отдыхать.

Медитация — маленькая смерть. Не удивляйся, в идеале человек должен закончить свой путь последней медитацией, соединяясь с мировым духом. Но даже лишь приближаясь к нему, мы лечим наши души, наполняем их его светом и силой.

Что повлияло на решение Джона? Убеждённость Брюса, его спокойная уверенность в своих словах. И этот узкоглазый шкет взаправду очень хорошо дерется даже для шакалов, а о жандармах и речи нет. И Джонни сказал, — давай попробуем.

Чен устроился на полу, поджав под себя ноги, Джон, чувствуя себя идиотом, расположился в той же позе напротив. Чен ласково взглянул в его глаза, и Джон не мог, не хотел отвести взгляд. Они сидели так, Джону показалось, что целую вечность. Добрый покой заполнял его, согревая каждую клеточку тела, освещая каждый уголок его души.

— Теперь закрой глаза и вспомни самое счастливое мгновение своей жизни, — добрый голос как будто проникал в сознание напрямую, — одно лишь мгновение вспомни и останови его, живи в нём.

Джонни отмотал ленту памяти в самое начало в поисках этого мгновения, но будто какая-то пружина вернула его назад, и перед его внутренним взором появилась Люси. Она ему улыбнулась тогда, впервые в его жизни. И это мгновение послушно остановилось, Джон не смог бы оторваться от её улыбки...

— Ты молодец, — донёлся до него голос Чена, — у тебя получилось с первого раза, это бывает редко. Сейчас тебе пора к Церберу, продолжишь после укола самостоятельно.

Джон удивлённо открыл глаза. Странно, получается, что он просидел на коленях два часа, но чувствует лёгкость и прилив сил. И его больше не беспокоит исход программы. Он с лёгкой душой сходил на инъекцию и продолжил медитацию. Джон сам вызвал в себе ощущение доброго покоя и света, поймал и остановил мгновение, только улыбку Люси сменил свет маминых глаз. А от него так долго ускользали её черты, как что-то не позволяло ему вспоминать маму. И он упивался её любящим взглядом... пока Цербер не позвал на четвёртый укол. Голова кружилась сильнее обычного, даже двоилось изображение. Джонни с трудом добрался до штаб-берлоги, рухнул на кровать и уснул без сновидений. Ночью его впервые в жизни разбудили, он не сразу смог сообразить, что происходит, сознание как увязло во сне.

— Пора, Джонни, — сказал Цербер.

— Но ты же сказал завтра! — попытался он протестовать.

— Ноль часов одна минута — завтра наступило, давай руку, — безапелляционно заявил Цербер.

Джонни покорился неизбежному, он ведь сам сделал свой выбор, не так ли? Эрхуф влил ему в вену первую дозу финальной серии. Инструктор пошутил, Джона не нужно было привязывать к кровати, он потерял сознание, и все последующие уколы не ощущал. С неба на него опустился смерч, втянул в себя, закружил, потащил вверх. И Джонни выбросило в квартире его детства.

Он уже не плакал, привыкая к мысли, что мама больше не придёт никогда. Но послышался щелчок замка, Джонни обернулся — на пороге стояла мама, — ну же, лисёнок, помоги мне, возьми пакет, — её голос звучал чарующей музыкой, — ты прости меня, я немного задержалась. Потерпи пять минут, скоро будем кушать.

Мир снова стал правильным, большим и красивым. И такая странная для ребёнка мысль — ничего не было, ничего...

— Вставай, лисёнок, — мама ласково погладила Джонни по голове, — ты же не хочешь проспать школу?

Джонни улыбнулся ей, не открывая глаз, её прикосновение несло покой — мальчишку мучил страшный сон, но с первыми её словами он начал таять. В памяти застряло лишь непонятное слово «Зов». Джон, прогоняя остатки ночного кошмара, бодро поднялся, умылся, почистил зубы. Сноровисто оделся, как раз мама позвала завтракать. Его любимые оладушки — ммм! Допив какао, подхватил рюкзачок, подошёл к маме для поцелуя и вышел из дому. Когда за ним закрылась дверь в сердце что-то кольнуло. «Это всё тот сон, просто сон», — тряхнул головой Джон и упругой походкой направился в школу.

В школе директор представил ребятам нового преподавателя, чем-то знакомого Джонни. На первом же уроке учитель вызвал его к доске решать сложную задачу. Джонни справился, учитель его похвалил, — молодец, отлично. Неси дневник.

Джон вернулся к своей парте, открыл рюкзак и застыл, онемев — там не было учебников и тетрадей. В рюкзаке нашлись: банка тушёнки, пачка галет, фляга, нож в ножнах, фонарь.... револьвер с его «Гроком» и запасные обоймы!

— С кем это ты собрался воевать? — раздался голос учителя из-за его спины. Джон медленно обернулся и, наконец, вспомнил его, — Цербер! Что ты тут делаешь???

— Я за тобой, парень, — сказал Цербер, протягивая руку, — нам пора возвращаться.

Джону очень не хотелось этого делать, но он накинул рюкзак на плечо и вложил руку в протянутую ладонь.

— Джонни, ну же, парень, очнись! — разобрал он причитания Цербера. Похоже, он уже отчаялся, Джонни стало обидно — за кого его принимают? Он распахнул глаза, свет ударил, принёс глазам боль, но это свет жизни.

— Фу! — облегчённо вздохнул Цербер, — здорово ты нас напугал, парень!

— Долго меня не было? — тихо, одними губами проговорил Джон.

— Почти сутки, — сообщил Цербер, — из клиники мы вывели тебя сразу, но ты не хотел возвращаться, коматозник. Были важные дела?

— Я повидался с мамой, — серьёзно ответил Джон.

— Тогда ладно, — улыбнулся Эрхуф. — Для тебя есть новости. Во-первых, следующая инъекция лишь через год. Во, вторых, твой обет воздержания снят. Но, в-третьих, тебе придётся поспать малыш, ты пока слишком слаб.

— Я знаю способ лучше, — улыбнулся Джон, — помоги подняться. Ну, пожалуйста!

Цербер ещё секунду в сомнении разглядывал Джона, но, вздохнув, протянул ему руку. Джонни вцепился в его твёрдую, как дерево, клешню, потянулся. От напряжения лоб покрыла испарина, но он смог сесть на кровати. Осторожно опустил ноги на пол и перетёк на колени.

— Эрхуф, ты пока иди, — сказал Джон с закрытыми глазами, — дальше тут ничего интересного не будет.

Джон вызвал ощущение покоя, просто покоя, без эмоций. Память вернула его в точку полного спокойствия — в момент драки с «крутыми». Джонни снова стал крысой — бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть. Но мгновение не остановилось, бой с «крутыми» перешёл в избиение резервистов, далее в череду учебных «захватов», пошли

ближние контакты с крысами. Схватки сменялись побоищами, поножовщина перестрелками и снова ближний бой. Джон не испытывал ни злости, ни азарта, переживая заново эти моменты — он черпал в них силы для истомившегося духа. Его выбор — путь войны, он простился с мамой, с детством навсегда. Простился и спокойно отринул, перевернул страницу — путь избран, он уверенно сделал первый шаг, настраиваясь на долгую дорогу.

К удивлению Цербера, Джон самостоятельно пришёл в штаб-берлогу и, как ни в чём не бывало, взял чашку с похлёбкой и занял место за столом. Ребята к его возвращению отнеслись без восклицаний — поулыбались ему и всё — так и должно быть. К нему подсел Карл, — я следующий, ты обещал.

Джон кивнул, — ага, вместе с Ченом, — и, ухмыльнувшись в его удивлённое лицо, объяснил, — Брюс сам попросил, так что ты можешь передумать.

Карл упрямо замотал головой, — я пройду через это, так будет правильно!

Настало очередь Джона тарашиться с открытым ртом — вот он наговорил сдуру ерунды кому ни попадя!

* * *

Джон открыто подждал Люси, сидя на скамейке у её общаги. Он отчего-то был уверен, что она придёт одна и не ошибся. Джонни, заметив, как Люси вышла из автобуса, подхватил свой пакет и пошёл ей навстречу.

— Привет, Люси, — несмело сказал Джонни.

— Привет, — просто ответила Люси, — почему не позвонил, что собираешься в гости?

— Ты обещала познакомить с Ники, — напомнил Джон.

— Хорошо, — улыбнулась она, и взяла его под руку, — пойдём.

Они прошли к знакомой двери, Люси открыла дверь своим ключом. Джонни следом за ней вошёл в прихожую.

— Мама! — послышался восторженный детский вопль. Малыш лет шести выскочил из-за дверей, делая «страшное лицо» и высоко подняв ручки. Люси очень убедительно испугалась. Джон растерялся — он увидел маленького Джонни, лисёнка. Лопухий, весь в веснушках, с ямочками на щёчках, с острым носиком, верхние зубки чуть выдаются вперёд. Хотя... скорее мышонок — мультяшный мышонок Микки. Ники- Микки подумалось Джону.

— Микки, — укоризненно заговорила Люси, — разве можно так пугать?

— Я Ник-ки! — надулся мальчишка. — Не называй меня так!

— А ты не будешь больше шалить? — мальчишка с серьёзным видом замотал головой, — ну, хорошо. Познакомься, это дядя Джон.

Мальчик, распахнув глаза, уставился на свою взрослую версию. Почти копию. Наконец, пролепетал, — здравствуйте, дядя Джон.

— Здравствуй, Ники, — улыбнулся ему Джон, — ты любишь конфеты? Люси, вот, — он протянул ей пакет.

— Э нет, столько конфет этот дрянной шалун не заслужил, — покачала головой Люси, — разве что одну...

— Две! — деловым тоном внёс поправку парень.

— А может быть больше? — спросила Люси. — Это сколько?

— Десять! — мальчик не стал мелочиться.

— Пять, — строго сказала Люси, — и только если отсчитаешь сам. Иди сюда.

Ники отнёсся к делу ответственно, выбирая самые большие и непременно шоколадные конфеты. Увлёкся и немного ошибся в свою пользу, тихонько спрятав шестую конфету в кармашек брюк. Взрослые, конечно, ничего «не заметили». Парень продемонстрировал на ладонях пять конфет, Люси с улыбкой потрепала его русые волосы, — умница. А теперь отсчитай десять конфет для тёти Розы, ты ведь угостишь её, правда?

Судя по взгляду пацана, он был не в восторге от этой идеи, но со вздохом вновь приступил к отбору, который вернее было назвать выбраковкой. Но его убивало то, что все конфеты были как на подбор. К окончанию отсчёта парень настолько расстроился, что его уже несильно огорчила перспектива «сходить к тёте Розе в гости». Люси, неловко улыбнувшись Джону, взяла сына за руку. Они ушли, Джонни присел на диванчик в растерянных чувствах. Вот что он себе навывдумывал? Какая она шпионка??? Хотя Цербер говорил... да мало ли — соврал просто! О старине Сэмми Джон просто «забыл».

Люси вернулась через четверть часа и сразу прошла на кухню.

— А как же Ники? — спросил Джон, входя за ней следом.

— Роза его покорит домашним, она умеет готовить, — ответила Люси, — в отличие от меня. Нам, дружок, достанется очень вкусный обед номер два из буфета жандармского штаба.

— Блин, завтра ходим к Харпёру, уж для меня, то есть для тебя, Томас постарается — поморщился Джон, — хватит есть всякую гадость.

— Ой, ну кто бы говорил! — засмеялась Люси. — Ты в развалинах привык к деликатесам, крысобою? А! Ты так обо мне заботишься!

Джонни смутился, Люси прогнала его мыть руки, он совсем потерялся. Но ужин прошёл легко, почти по-семейному. Джон изо всех сил старался «соблюдать приличия», но только смешил Люси. Это его немного раздражало — ну, что ей смешно, он же не облизывал пальцы! Правда, дальше этой позиции его представления о приличиях были туманны. И без того чувствуя себя неловко, Джон неожиданно для себя спросил, — Люси, вот Сэмми, бармен... зачем ты это сделала?

— Потому что это не сделал ты, — запросто ответила милая девушка. И всё ему объяснила — он сопливый пацан, она солдат.

И послав её в душе в задницу, Джон повёл себя как привык, ситуация сразу разрядилась — они чавкали, говорили и жевали, громко прихлёбывали из кружек, шутили и смеялись.

— Люси, я соскучился, — Джон решил перейти к делу.

— Только умоляю тебя, — она жалобно ответила, — не как в прошлый раз!

Джонни припомнил прошлый раз в машине. Ну, ему тогда было некогда, и он думал, что больше её не увидит. Сейчас же всё было иначе — он кивнул Люси и ласково улыбнулся.

Джонни чувствовал себя виноватым — был с девушкой нежен и очень внимателен. Долго был, даже слишком долго, но при первых признаках её неудовольствия прекратил — обнял, целуя. Её плечи странно подрагивали, Джон заглянул ей в лицо, она плакала!

— Прости, родная, я тебя обидел? — спросил он встревожено.

— Джонни, милый дурачок, так долго тебя ждать и потерять навсегда, — простонала Люси, — я убью Зрхуфа! Как он посмел давать тебе «Зов» без моего разрешения?! Поганый палач и подонок, и ты — один из них навсегда. Милый мой дурачок, ну, нахрена тебе это было нужно???

Джон за стойкой бара «Икота бегемота» предавался всегдашнему занятию барменов — протирали стаканы и размышлял о жизни. Что же имела в виду Люси? Что она всё-таки шпионка, и откуда-то знает, чем отличается поведение в постели людей, прошедших курс «Зова», от прочих? И она знает, что у Цербера есть препарат? Думать об этом Джонни было неприятно. Но что она его ждала?! И отчего-то потеряла навсегда — в его планы не входило теряться даже временно. Джон так задумался, что едва заметил визит первого посетителя. Табличек «закрывается» и «продается» на дверях не было уже второй день, но народ, видимо, не верил собственным глазам — нашёлся псих, вложивший деньги в это гиблое дело. И вот он долгожданный гость — высокий парень в мятой рубашке навыпуск, с золотой цепочкой на шее, в лёгких брюках и в спортивных туфлях. Прошёл как к себе дамой, уселся у стойки и бросил, — виски с содовой.

— Не держим, — учтиво ответил Джон, — сухой закон. Желаете просто содовой?

— Не лепи кретина, фраер, — процедил гость, — для меня всегда должно быть виски. И тебе сегодня придётся задержаться в баре.

— С чего это? — удивился Джонни.

— С того, что я сказал! — начал злиться посетитель, но снизошёл до объяснений, — привезут игровые автоматы, поможешь установить.

— А мне какой с них толк? — поинтересовался Джон.

— Будешь продавать игрокам содовую, — криво ухмыльнулся парниша, — и я не набью тебе морду.

Он со значением поднял суровый взгляд на Джона и замер с открытым ртом. Совсем недавно принятый в клан Та-ну он до не давних пор обретался в банде «крутых». Уже во второй своей банде, «крутых» парней первой убил или искалечил этот конопатый паренёк. Он хорошо запомнил Джона, как и события того дня, который почитал вторым днём рождения — ему самому было неясно, как он остался в живых! А паренёк, судя по насмешливому взгляду, тоже его узнал. Джон ловко запрыгнул попой на стойку и с разворота вломил посетителю по роже сразу с двух ног. Гостя смахнуло с сиденья, он судорожно взял низкий старт — встал на четвереньки. Джонни спрыгнул на пол и от души врезал ему носком ботинка по копчику, посетитель сходу развил максимальную скорость для данной позиции.

Скрывшись за дверями заведения, парень поднялся на ноги и кинулся к своей машине. Рулить бедняге пришлось боком, копчик отзывался болью на любые попытки сесть ровно. Крутой доехал до первого телефона-автомата и набрал номер бригадира. Он не стал жаловаться на наглость и несправедливость, а просто сказал, что мусорщик, надевший на сына босса мусорный бак сейчас в баре «Икота бегемота». И, болезненно морщась, занял позицию неподалёку в предвкушении сладкой мести.

Через четверть часа у бара резко затормозили два автомобиля, и восемь упитанных мужчин вальяжно прошли внутрь. Джонни с восторгом наблюдал, как они молча, не спеша, идут к стойке. Его переполнило радостное предвкушение славного замеса, подбросило пружиной, Джон перемахнул стойку. Цербер не просто не соврал — у него не было слов, чтобы описать ЭТО! Джонни, быстрый как мысль, и безжалостный, как торнадо, наслаждался игрой — упитанные мужчины были ему интересны как игрушки. Их сознание

не успевало за его движениями, они его не видели, вернее, видели там, где он был полсекунды назад... и кто-то валился на пол, заходясь истошным воплем боли.

— Ну вот, — пробурчал Стив, выходя из подсобки, — тебе развлекаться, а нам их таскать!

— Зачем таскать? — Джон пожал плечами, — сами доползут до фургона, только хорошенько попросите.

Ребята приступили к уговорам — бандиты не стали ломаться, поползли в заданном направлении.

Парниша истомился любопытством и предвкушением новостей — что там делают парни с лопухим засранцем? Через две минуты из бара вышли незнакомые, какие-то подтянутые ребята... сели в машины клана и уехали. И всё! Как ничего и не было! А дело-то серьёзное, нужно звонить ответственному — решил парниша. Сходить, посмотреть, что случилось, у него даже мысли не возникло. Он вновь добрался до телефона-автомата, сообщил шокирующее известие. А когда обернулся, незнакомый паренёк улыбнулся и нанёс ему удар армейским ножом — в услугах этой шестёрки отряд больше не нуждался.

История повторилась, отличаясь от предыдущей лишь деталями: машин затормозило уже три, упитанных мужчин из них вышло двенадцать, четверо с «молотилками», остальные просто с пистолетами. И Джонни их встречал не одной только улыбкой, на стойке громоздился на сошках ручной пулемёт, хищным рылом навстречу посетителям. Из дверей подсобки с серьёзной мордой и тоже с пулемётом гостей приветствовал Джош, а слева и справа от дверей стояли Стив и Тони с обычными магазинными винтовками. Посетителям было предложено бросить оружие на пол и располагаться носами в пол, руки за голову. Им придётся подождать возвращения фургона. Он у отряда один, и его кое-как выпросили у лейтенанта.

На другой день в бар снова зашёл какой-то «крутой» и высказал удивление тем, что на земле клана Та-ну ещё ни разу не горел бар без игровых автоматов. В общем, «и повторится всё как в старь». На третий день то же, но на четвёртый — тишина. И на пятый никого, Джонни решил, что пора сворачивать этот бизнес. И сразу же заняться другим — Карл подсказал, как вычислить людей Та-ну. Клан откупил их от призыва, но не как нормальные люди, а с форсом — все квитанции пересылались курьерами из банка «Та-ну траст». Его папа, капрал Джон, взялся обзвонить знакомых полицейских, порекомендовать им ребят жандармского отряда особого назначения, объяснить копам, чем эта сволочь Та-ну удумала угрожать жандармам, детям полицейских. Особых трудностей в общении с копами не предвидится, Джонни рассчитывал на всемерную их поддержку.

У господина Та-ну сильно испортилось настроение. Он не выходил из своего огромного кабинета. Над его интерьером работали лучшие дизайнеры под руководством его психолога — боссу пришлось там просто быть. Еду и напитки ему подавали из соседнего помещения через хитрое окошечко — пока крышка с одной стороны открыта, с другой не откроешь, и не прострелишь. Как и двери кабинета, внутреннюю дверь оснастили цифровым замком с десятизначным кодом. Даже если бы захотели её взорвать, бронированная дверь будет единственным, что уцелеет в приёмной. Он отменил все совещания даже по селектору, ведь никто не должен слышать, как дрожит его голос. Главное достояние клана — репутация — под серьёзным вопросом. Господин Та-ну не может вызвать бойцов из подконтрольных ему мест временного ограничения прав, без бойцов клан потеряет над ними контроль. Главное — господин Та-ну потеряет лицо перед бойцами — какой же он босс, если не может

самостоятельно подчинить родной город? Советники что-либо советовали ему последнее время лишь в письменной форме — господин Та-ну надеялся на профессионалов. Больше надеяться было не на кого. Фактически у него остались только деньги и эти продажные подстилки, об которых он привык вытирать ноги. Главный вопрос советникам — возможно ли перемирие с этим лопухим чудовищем и, вообще, как с ним разговаривать?

Спасти Че-на, встреча с Та-ну

Джон зачастил с визитами к Люси. Причём, совершенно платонически, спящий в нём «Зов» требовал интима не чаще одного раза в неделю, а видеть девушку, слышать её голос, быть рядом стало для Джона почти потребностью. Они просто пили кофе с пирожными, болтали, и Джонни этого хватало для счастья. Вернее, это стало необходимым.

Раньше он нарочито демонстрировал, что ему от неё нужен лишь секс — он клиент и не более. Джонни такие отношения казались проще, честнее, и он мог не беспокоиться за неё. Не бояться, что желая ударить по нему, ударят по ней. Нынче, загнав Та-ну в угол, он спешил пожить по-человечески, понимая, что счастье это ненадолго.

И то, что Люси понимала его, наверное, лучше него самого, тянуло к ней Джонни с удвоенной силой. Но Джон не сразу мог её понять, и дело не в пресловутой женской логике. Просто парню с неоконченным средним образованием трудно угнаться за резидентом разведки. Люси была терпелива, ласкова и совсем не зазнавалась — Джон открыл для себя множество интересных понятий и жизненных явлений. Люси как вела его к чему-то, Джон отчётливо это чувствовал.

Он охотно рассказывал ей о жизни отряда, делился новостями, соображениями и видел, что ей это действительно интересно. Джон поведал Люси, что дурь Чена предназначалась не совсем крысам, хотя и среди них есть наркоманы. Её сбывали пограничные стаи торчкам из «нормального» общества. Вообще, пограничные стаи не совсем крысы — это просто бандиты, торговцы дурманом, и к ним специально приезжают любители этого дела. Они же помогают скрыться в развалинах от призыва, долгов или уголовной ответственности — договариваются с жожаками о приёме беглецов. Их услуги недёшевы, но одиночке, выросшему в нормальном городе, в развалинах не выжить.

А обычные крысы бандитов хоть и терпят, но никогда не упускают случая пустить им кровь, слишком разные у них взгляды на жизнь и на людей. Джонни это обстоятельство планирует использовать. Ходить к ним в отряд, кроме Фила, повадились разведчики из других стай, и на их земле даже представители враждующих банд вполне мирно общаются друг с другом. Они всё отчётливей понимают, что разведчики вне стай, вне вражды или мира, они — истинные хозяева развалин. Ведь лишь они знают мёртвый город. Джонни счастливо улыбается — город знают разведчики и его отряд, с его разведчиками, пусть они пока не догадываются, что они уже его, отряда. Фил однажды остался на ночёвку, потом это стало обычным делом. И, наконец, он ушёл в поиск не в отряд, а из отряда и привёл двух пацанов-погодков, младших братьев, первых дозорных. Прецедент создан, гости из руин ходят задумчивые — Джон ожидает пополнение.

Дозорные не просто нужны, необходимы, территория отряда сильно увеличилась в размерах. Пешие патрули уже не справляются, ребята пересели на джипы. Джон с азартом рассказал Люси об их самоделках. Всё просто — железа в руинах много, сварить раму не проблема. Брошенных машин тоже хватает, и среди резервистов нашлись грамотные автомеханики. Так родился их патрульный джип, чудо-машина. Защита от осколков и пуль, полный привод, переменный клиренс, автоподкачка колёс. В результате приличная скорость и маневренность в условиях развалин. Дозорных в район наблюдения возят как маленьких и забирают как из школы. Ребят снабдили рациями, короткого радиуса, но Пауль со своей бандой монтирует приёмопередающие антенны.

Эти новации уже дали приличные результаты — засекли и уничтожили несколько рейдовых групп дикарей. С ними всё без изменений, пленных не берут, «стенки почёта» регулярно обновляются — крысам вбивается в головы простая мысль — это очень плохой район и нечего тут делать. Есть цели и пожирнее, и попроще — пограничные банды. У Джона самого на них виды. Хозяйство слишком быстро растёт и требует всё больше ресурсов, главное — денег. С ними, как всегда, помог Карл, грохнув по пути ещё пару жирных зайцев. Карл начал сбывать кукси... «нормальным» жандармам! Их всё больше направляли для конвоирования рабочих. Вот рабочим конвоиры и толкали лёгкий наркотик, быстро набравший популярность. Виски не выдержал конкуренции — с ним слишком хлопотно по сравнению с кукси, баксы ручейком потекли в отряд. И что интересно — «нормальные» жандармы полюбили отряд всей душой, ссылка в развалины потеряла весь воспитательный смысл. И эти жандармы сами по гланды заглотили крючок — им стало очень неловко отказывать Карлу в «маленьких просьбах».

Джон решил пока приостановить расширение подконтрольной территории и переключиться на пограничных бандитов, выбить их из бизнеса. Благо, опыт наработан. Бойцам Та-ну, к примеру, объявили, что они — заложники, десяток за одного. Бойцы были невысокого мнения о морали Та-ну и приуныли, но им предложили простой выход. Распишись «тут и тут», и всё — ты солдат, а не бандит, и никто не посмеет тебя убить. Так в распоряжении отряда оказалась почти сотня злостных нарушителей воинской дисциплины — Джонни припомнил начало своей военной карьеры. Тут же решил вопрос с лейтенантом Зо-на. Мудрецы в штабе округа поручили ему обустройство и перевозку арестантов в новый филиал. «И эти люди собираются воевать с Этархом!» — смеялся Джон. Лейтенанта обрадовали, что сотня арестантов уже размещена и обустроена, ждут только его. Зо-на рванул на новое место, едва положив трубку телефона. Своя собственная губа! Джон аж закатил глаза от счастья. Резко выросли дисциплина и производительность у рабочих. Район их усилиями обретает пристойный вид — дороги расчищены и ремонтируются, нападений дикарей намного меньше, чем в других секторах. Да и то лишь на окраинах района, глубоко не пройти даже нескольким стаям сразу. В общем, жизнь становится скучной, отряду пора перебираться дальше. Джонни планирует серьёзные рейды.

— Вот только Та-ну добыём, — он азартно строил планы.

— Не нужно, Джонни, — вполголоса проговорила Люси.

* * *

Джон уставился на неё во все глаза. Во-первых, раньше она только внимательно слушала, изредка задавая уточняющие вопросы, это её первый совет. Во-вторых, что это за совет!!! Люси ему ласково улыбнулась — вполне ожидаемая реакция. Ведь в его подсознание прошито — не оставлять живых за спиной! Но, как бы ни было трудно, Люси взялась объяснить Джону свою позицию. Спросила его, — убьёшь ты Та-ну, и что дальше? Всем будет счастье?

Или он думает, что с убийством Та-ну высвободятся люди и время? Начнётся война кланов, труп обезглавленного клана будут рвать на куски. И первыми пострадают полицейские, их семьи. Родные его ненаглядных жандармов, а ведь Джонни хотел их прикрыть, не так ли? Так чтобы их прикрывать, отряду придётся бросить все дела, и то

неизвестно, хватит ли сил. Или Джонни желает занять место Та-ну, самому стать боссом клана? Даже если это так, ничего не получится без связей с властью. Джонни — никто, с ним не будут разговаривать серьёзные люди.

— Но как иначе?! Мне постоянно повторяют, что эта война на уничтожение! — воскликнул Джон.

— Правильно, но эта война до твоего уничтожения, милый, — печально сказала Люси, — ты пойми — вы воюете не с кланом, а системой, государственным устройством. И либо вас уничтожат, либо вы станете частью системы. И то, что система дала временный сбой ничего не значит — она найдёт способ справиться с вами. Есть способ выйти из этой войны — сдаться, договориться с Та-ну.

— Ага, и постоянно ждать удара в спину? — Джон саркастичен.

— Тебе ли об этом тревожится? — усмехнулась Люси, — кстати, а почему Карл до сих пор жив? И дело не в Та-ну, тебе в Такии нужно ждать внезапного удара, пока жив хотя бы один бандит. А у других бандитов оснований договариваться с вами намного меньше.

— Ну, допустим, — промышчал Джонни задумчиво, — только допустим, Люси! Как, чёрт побери, мне с ним договариваться???

— А тебе это не нужно, — улыбнулась Люси, — знаешь, что такое посредник? Ты договоришься с посредником, он поговорит с Та-ну, и встречаться вам ни к чему.

— И где его искать, этого посредника? — Джон полон скепсиса.

— Кричи «ура!», уже нашёл, — озорно глянув, ответила Люси, — я и есть посредник.

Джон потерянно разглядывал любимую. Что она шпионка, он почти привык, но что она ещё и с бандитами путается, стало для него откровением. Но Люси его быстро успокоила. «Её девочки» давно вычислили людей Та-ну в штабе округа, и предложение о переговорах она собирается заслать через них. Джону интересно, о чём говорить? Договоров, конечно, подписывать не придётся, всё намного проще — добровольный отряд Джона Ри-Тано войдёт в холдинг как частная военная компания. И ничего страшного, что ребята служат по призыву — им достаточно смотаться добровольцами в командировку, в Джудию, и с закрытым контрактом они станут свободны и при хороших деньгах. Джудия давно вербует стрелков на свои бомбовозы, пилотов истребителей и прочих специалистов. И перед Джонни открыта эта дверь — добровольцы даже получают право на гражданство Джудии. И они, Джонни, Люси и Ники смогут жить в нормальной стране.

— А что же ты оттуда сбежала? — покачал головой Джон.

— Как ты угадал — мы действительно сбежали, я была в этом уверена. Джудия не всегда бомбила Этарх, в начале войны всё было наоборот. Смерть падала с неба, от неё нельзя было спрятаться даже в подвалах. Я сама помогала откапывать людей из руин... чтобы достать десятки трупов... женских, детских. Ты думаешь, что много знаешь о войне? На настоящей войне смерть слепа и всегда внезапна, она прилетает издалека, и ты даже не успеваешь понять, что тебя убило. Нам было страшно за Ники. Нам — мне и Грегори, моему мужу. Он работал инженером в филиале такийской авиастроительной фирмы, ему предложили перевод в Такию, и мы ухватились за это предложение.

Люси замолчала, глядя перед собой в пустоту. Но тряхнув волосами продолжила, — всё было просто чудесно. Мне дали работу — я была учителем в начальной школе, Грегори ценили в фирме. И однажды он пропал, не вернулся со службы. Через два дня ко мне пришли странные люди, я долго не могла их понять. Они говорили, что Грегори подозревается в шпионаже, что за ним давно следили и потеряли — какой-то бред! А ещё через день ко мне

подошёл военный, отец одного из моих учеников, и предложил переехать сюда, он обещал мне помочь устроиться клерком в штаб добровольцев. С условием, что я буду вербовать добровольцев для Джудии — он был представителем разведки, куратором Грегори. Вот так, Джонни, я стала шпионкой.

— И ты хочешь обратно в Джудию? — удивился Джон.

— Конечно, там моя родина. И, Джон, — замялась Люси, — мы можем туда просто вернуться, но... вместе с отцом Чена.

— Чтобы твоя родина смогла гнать эту отраву? — воскликнул Джонни, — ты действительно родину любишь?

— Да, Джон. Эта отравка поможет победить, сделает войну короче...

— Она делает войну бесконечной! — зло сказал Джон, — и ты это знаешь!

— Но я обязана сообщить о Чене, — попыталась оправдываться Люси. — И на него начнётся охота. Иначе я стану предательницей!

— И что? — ухмыльнулся Джон, — я соглашусь с твоим планом, ребята поедут воевать за Джудию. Ты поможешь родине, парни получают боевой опыт. Но ты, Люси, станешь предательницей, главой и владелицей ЧВК, из-за наших спинок пошлешь ненаглядную родину в жопу и сдерёшь с неё за наши услуги три шкуры. Ну, а Чен с папой останутся в распоряжении компании, ты о них даже знать ничего не будешь. И пожалуйста, постарайся ими не интересоваться — я-то тебя не убью, но я ж в отряде не один.

— Гм, — задумалась Люси, — так даже лучше. Не придётся обрекать подданных королевства на это проклятье, Джудия получит подготовленных бойцов. Дорого... но не дороже жизни. Хорошо. Так я могу передать Та-ну твоё принципиальное согласие?

— Да, — Джонни степенно кивнул и лукаво добавил, — передай согласие и маленькую просьбу. Главари пограничных банд живут в городе, пусть сольёт нам подонков для подтверждения серьёзности своих намерений.

— Сольёт, — уверена Люси, — отвертеться так дёшево, он и не надеялся.

На следующий день было назначено заседание магистрата. Его глава, господин Та-ну, демонстрировал открытую, уверенную улыбку, и слухи о его депрессии были убиты. В повестку собрания неожиданно для всех он включил вопрос о расширении агломерации — вхождении новых пригородов — очищенных и восстановленных районов «старого города». Он это подал как собственное достижение, но членов магистрата почти не удивил. Они во все глаза смотрели на ожившего мертвеца, ведь их настоящие боссы, главы конкурирующих кланов уже договаривались о дележе его наследства. А он, зараза, передумал подыхать!!!

* * *

А тем временем Такия всё больше увлекалась войной. Война сама по себе очень интересная игра, а когда что-то начинает получаться — тем более. Особенно когда весь мир отвоевал уже четвертый год, а такийцкие газеты лишь ехидно комментировали — и оружие никудашнее, и руки у солдат не оттуда выросли, и головы полководцев и адмиралов набиты опилками. Потому не совсем удачное вступление Такии в войну решили войной не считать, назвали начальным (подготовительным) периодом, а отсчёт самой войне начали именно с момента первых успехов. Что, в общем-то, логично, ведь Такия просто обязана побеждать в войне — добро всегда побеждает — иначе это не война, а чёрт знает что, вернее «начальный

период».

Но он к счастью завершился, и Такии удалось продемонстрировать мощь. Действительно великая страна оснастила противолодочные самолёты радарными, и вражеским подлодкам стало очень опасно всплывать. С Западного побережья перевели три больших авианосца, четыре линкора и отряд эсминцев. Невероятными темпами достроили один большой авианосец и пять эскортных — «чёрная дыра», утроба океана, где скрывался враг, наконец-то стала доступной для авиации. Союзникам удалось расшифровать этарский морской код, что для подводных волчьих стай обернулось ощутимыми потерями. Такия развернула массовое строительство эсминцев парами в дубль-доках и резко нарастила свои противолодочные силы. На поиск одной субмарины выходили по три охотника, оснащённых по последнему слову техники. На сопровождение караванов стали выделять вдвое больше кораблей. Постоянно усиливались бомбовые удары по базам этарских подлодок.

Эффективность подводного флота Этарха резко снизилась, трансокеанские конвои стали доходить почти без потерь. Что позволило не только усилить воздушные удары, но вывести их на новый качественный уровень. Через океан перевезли скоростные разведчики «Молнии». Они фиксировали наземные цели и результаты работы бомбардировщиков. Крупные авиационные соединения принялись наносить удар за ударом по дамбам на реках Старого континента, разрушая и не позволяя восстанавливать гидротехнические сооружения. И когда погода ухудшилась, две недели шли сильные дожди, пилоты могли отдыхать со спокойной совестью — реки вышли из берегов, затопили города, посёлки и миллионы гектаров полей. Старый континент был обречён на голод. С приходом ясных дней бомбовозы вернулись к рекам — разметали временные дамбы и взялись за мосты. Потеряв над Этархом более двухсот машин, они всё же смогли снизить грузооборот неприятеля, вынудили его перейти к автомобильному и паромному сообщению.

И наконец-то в Джудию прибыли высшие офицеры Такии, дабы обсудить с союзниками детали переброски и размещения войск, а так же наметить первоначальные контуры вторжения. На первом заседании много и умно говорили, но болтали всякую ерунду. Опыта проведения крупных фронтовых операций не было у обеих сторон. Вернее, был отрицательный опыт — войска Джудии в самом начале войны потерпели сокрушительное поражение на Старом континенте и лишь по счастливой случайности их остатки смогли эвакуировать на острова Джудии. А Жабодо капитулировала. В те времена в Такии всякий, читающий газеты, мнил себя стратегом, отпуская остроты в адрес будущих союзников. Но вот такойцы столкнулись с Этархом сами и ни разу не обрадовались. Противник не так уж отстал от них технически. Настолько не отстал, что фиг знает, как его догонять в некоторых вопросах. Бомбовозы этаров давно не вторгались в небо Джудии, однако ракеты уверенно пересекали пролив и несли смерть и разрушения. Реактивные перехватчики этаров, «Кометы», оказались совсем несмешной шуткой. Да, пилот там сидел на баке с токсичнейшим горючим. Работать перехватчики могли не более пяти минут и возвращались как планеры, превращаясь в мишени. Но сумасшедшие этары постоянно разменивали одно такое недоразумение, минимум, на один стратегический бомбардировщик. И шутками дело не ограничилось — у Этарха появляется всё больше турбореактивных истребителей, вооружённых неуправляемыми ракетами. Авиационные генералы с мурашками по коже вспоминают их первое появление — тогда из налёта не вернулась треть машин. Из-за них пришлось отказаться от тактики плотных групп — слишком лакомая цель для серий ракет. Летали волнами на заданных заранее высотах, что тоже нехорошо, но куда деваться? В море

появились подлодки нового поколения — неслышные, быстрые, вооружённые акустическими торпедами. Над океаном парили, высматривая цели, дальние, сверхвысотные, быстрые «Кондоры». И от наземной операции генералы ждали лишь неприятных сюрпризов.

Но дело в том, что Этарх воевал ещё кое-с кем. И там сначала у этаров даже что-то получалось, что подтверждало теории авторитетных антропологов и культурологов о боковой, тупиковой ветви развития Человек разумного. Но недоразумные восточные племена, незнакомые с передовой научной мыслью, отказались массово гибнуть во славу прогресса и научного познания. В последнее время у Этарха там не всё удачно. Что, вообще, обнадёживало — просвещённому Западу тем более удастся то, что с трудом получается у тёмного Востока. Однако, хоть и с трудом, но получается это у варваров настолько хорошо, что элиты Такии испугались опоздать к грабежу слишком быстро разгромленного Этарха и прочих захваченных им стран. Газеты об этом не писали, ни к чему усложнять картину и без того сложного мира, но высшим офицерам газеты были не нужны. И решение лежало на поверхности, военные читали его друг у друга в глазах... но все ждали, что его озвучит кто-то другой — никому не хотелось вляпаться в Историю с ЭТИМ.

— Господа, — несмело подошёл к теме начальник ГШ ВВС Джудии, — у нас есть неопровержимые доказательства регулярного применения союзником Этарха, Империей Джаро, отравляющих веществ против войск и даже мирных жителей Империи Цин.

— Это не аргумент, — поджал губы штаб-генерал из Такии. — Во-первых, союз Этарха и Джаро остаётся на бумаге — у них нет ни одного общего противника, Джаро не выходит за пределы, как их ни провоцировали. Во-вторых, командование Цин приказало взорвать дамбы на Великой реке, чтобы остановить наступление Джаро. И обрекло миллионы своих граждан на голод и смерть от болезней. Для них применение противником химического оружия, вообще, ничего не значит. С их-то людскими резервами.

— Но вы же оказываете правительству Цин моральную поддержку! — воскликнул командующий королевских ВВС, — подскажите им, пусть повозмущаются!

— А мы тут за них отомстим, — улыбнулся командующий четвёртого воздушного флота Такии.

— И у Этарха в этом вопросе будут развязаны руки на востоке! — ляпнул сдуру бригадный генерал из консультантов. На него осуждающе посмотрели: «Ну, не вслух же, дурень!»

* * *

Джонни, получив подтверждение серьёзности намерений Та-ну, не кинулся на поиски главарей. Ведь Та-ну, скорее всего, предупредил подопечных, и они в данный момент срочно меняли дислокации и не вылезали из развалин. Джон решил дать им время успокоиться. Вспомнив собственную карьеру мусорщика, он поговорил со своими новыми дозорными. Поставил им задачу — сблизиться с городскими ребятами, организовать наблюдение, отследить контакты. Капрал Джон, отец и заложник Карла, при помощи своих коллег завербовал водителей мусоровозов для связи. Под базы сняли сразу несколько домиков с заботливыми хозяйюшками — у Карла голова была забита адресами резервистов — лишний бакс в эти времена никому не будет лишним. И ребят легко залегендировали как дальнюю родню, вроде, их родителям не повезло в жизни.

Отложив эту проблему, вернее, запустив процесс подготовки её решения, Джонни сосредоточился на действительно неотложном — отце Брюса Чена. Господин Че-на обещал сыну ждать его в гетто джарийцев НеЮрока ровно месяц, по истечению которого найти папу Брюса будет просто нереально. Чен передал Джону открытку для папы с хайку, подобающим случаю, сообщил его псевдоним, общие сведения о жизни «Маленького Джаро». Джонни получил у лейтенанта Да-на отпускные документы на шестерых — на себя и инструкторов, они уложили в котомки сухпай на неделю, запасные обоймы, пачки с патронами, по три лимонки и по запасному пистолету, а обычную пару — револьвер» Негани» и «Грок» каждый спрятал за ремень под свитер. И без прощальных речей по одному двинулись на попутках до автобусной станции. Автобусы на НеЮрок ходили каждый час, мужики, заняли свои места каждый в своём автобусе и через четыре часа побрели в большом городе каждый своей дорогой. Переночевав в мотелях, утром ровно в восемь они увидели друг друга возле часов на ближайшей к «Маленькому Джаро» станции метро.

Джонни, не спеша, побрёл к зданию Общества помощи переселенцам. Цербер повёл Джона, ему на хвост сел Рекс... вот такой незаметной цепочкой они приблизились к неказистому двухэтажному строению. Внутри оказалось довольно много народу — очередь. Джонни по-такийски спросил, кто последний? На него даже не оглянулись. Лица соотечественников Чена больше походили на маски. Джон уже хотел вломиться без очереди, раз ему никто не ответил, но со вздохом вспомнил приличия и, схватив за шиворот ближайшего мужичка, как следует его встряхнул. Тот, клацнув зубами, показал пальцем на какую-то тётку. Джон не отпуская мужика, уточнил у джарийки, — ты, что ли?

— Я, я, — закивала та, улыбаясь.

Джон отпустил мужчину, привалился к стенке и предался медитации — отключил сознание. У него это уже неплохо получалось даже с открытыми глазами. Медитировал Джон, не теряя контроля — за ним заняли очередь двое переселенцев, и наконец-то появился Цербер. На этот раз, увидев неджарийскую рожу, люди не стали корчить из себя глухих, спокойно ответили, кто в очереди крайний. Цербер ушёл в другой конец коридора и спрятался за посетителями. Очередь двигалась быстро, и когда заявился Уран, последний в группе, настал черёд Джонни заходить в кабинет.

Он вежливо поздоровался и спросил, где найти господина Щеко-ту, ему точно известно, что он обращался за помощью. Джонни, видите ли, его приёмный сынок. Клерк заулыбался, предложил присаживаться, подождать. Сейчас уважаемому посетителю принесут чаю, а ему нужно посмотреть в архиве. И клерк скрылся за дверью во внутреннее помещение. И плотно её за собой прикрыл — Джонни тенью метнулся, припал к двери ухом. Клерк что-то взволнованно говорил по-своему, замолчал, снова заговорил. Ага, по телефону, сообразил Джон и вернулся на место. Служащий вышел, заранее улыбаясь, дескать, буквально через пять минут доставят нужные сведения, как раз заварится чай.

Джонни ему, конечно, поверил, но едва услышав звуки множественных шагов в коридоре, сорвался с места и отправил клерка в глубокий обморок. Когда дверь начала открываться... вообще, посетителям казалось, что они её резко распахнули, но для Джонни она плавно открывалась, а он уже стоял от неё сбоку, прислонившись к стенке, с пистолетами в руках. Всего посетителей оказалось пятеро, все с оружием. Они успели обшарить помещение взглядами, но оглянуться уже не смогли — посыпались точные удары — Цербер и Рекс своим появлением подтвердили, что в коридоре неприятелей не осталось. Уран и Гор остались караулить снаружи.

Цербер одному из гостей закинул в рот его же галстук, пощёчинами привёл в чувство и задал вопрос, — где Щеко-ту?

Джариец демонстрировал скуку. Цербер с хрустом сломал ему мизинец на правой руке и, когда он перестал мычать и жевать галстук, повторил вопрос. Тот попытался что-то ответить, Эрхуф вытащил из его рта пожёванную тряпку.

— Вас всех убьют, вы мертвецы..., - Цербер флегматично вернул тряпку на место и сломал ему мизинец на левой руке. Джариец попытался потерять сознание, пришлось припалить ему ладошку зажигалкой. Дождавшись появления смысла в его глазах, Цербер снова освободил ему говорилку.

— Он в подвале клуба «Цветение сакуры», — залопотал бедняга, — довольны? Это офис нашего клана, хотите туда? Идите! Идите, куда хотите, всё равно окажетесь там, вам не жить..., - Цербер сломал ему шею. Джонни привёл в чувство клерка и велел ему сказать людям в коридоре, что на сегодня приём окончен из-за технических проблем. Что тот и сделал, выглянув из-за дверей, ощущая ласковое прикосновение к затылку пистолетного ствола. Народ, пришёл в движение, загомонил, но, судя по топоту, направился на выход. Мужики выждали две минуты, прикончили джарийцев и покинули здание Общества помощи переселенцам.

Положение было печальным, но ясным. Че-на кто-то опознал и сдал Якудзе. Он сам себе ценность, но его стоимость вырастет многократно, если зачистить все его контакты и захватить в заложники сына, его-то и ждали в этом обществе. Вот бы Брюс влип! А группа вновь разделилась — каждый отправился приодеться, а то ж ведь в свитерах и армейских брюках не пустят в клуб. Джонни долго выбирал костюм, рассматривая их у самого окна. Когда у магазина остановилась приличная машина, и её владелец прошёл внутрь, Джонни удостоверился, что он приехал один и наконец-то выбрал неброскую пару на один вечер. Присмотрев краем глаза, в какую раздевалку направился автовладелец, Джонни незаметно вошёл следом, вырубил мужика, вынул из кармана его пиджака ключи от машины, быстро переоделся и спокойно пошёл к кассе. Расплатился без суеты, вальяжно подошёл к автомобилю, открыл, как своё, и аккуратно выехал с парковки.

Быки у входа в клуб смерили его оценивающими взглядами, но не шелохнулись, сочли его присутствие в заведении допустимым. Джон прошёл в зал. Обширное помещение было залито светом, народу почти не было, лишь Цербер потягивал пиво, Уран что-то пытался растолковать бармену, а Рекс, Бах и Гор оживлённо о чём-то беседовали, расположившись за столиком. Джонни, спросив кофе и ежедневную спортивную газету, уселся за свободный столик с таким видом, будто кого-то поджидает. Парни тем временем начали. Уран, устав распинаться перед барменом, перешёл на общедоступный язык — показал ему пистолет и сказал, — бабки, сука, быстро!

Тот выглядел так, будто его никогда не грабили. Не веря, что это происходит с ним, он, как сомнамбула, вывалил выручку на стойку. Пока Уран отвлекал бармена, Цербер, Гор и Рекс прошли через служебный вход — их задача имитировать нападение на верхний, закрытый от посторонних этаж. А Джон подошёл к входным дверям, немного их приоткрыл и отчётливо произнёс, — вот же косорылые ублюдки!

Чем вызвал к себе интерес двух быков у входа. Амбалы вломились внутрь прямёхонько под раздачу. Джон ухмыльнулся, — и впрямь большие шкафы громко падают!

И, не теряя более время, метнулся к стойке. Вынул револьвер, схватил бармена за шиворот и попросил, — веди в подвал, гад!

Уран и Бах остались страховать тыл. Бармен, понукаемый Джоном, шустро засеменял вглубь служебных помещений и остановился у ведущей вниз лестницы. Тыкал пальцем и повторял, — туда!

— Ну, конечно, родненький! — проговорил Джон, перехватившись за его ворот. Прижал к себе спиной и слегка придушил, — вот и пойдём.

Лестница вела в коридор, Джон перед самым поворотом выстрелил в потолок и толкнул бармена вперёд. Раздались выстрелы, беднягу буквально изрешетили. Стреляли справа, Джонни прыжком упал на пол боком и открыл огонь по вспышкам выстрелов сразу с двух рук. Перекатившись, резко встал на ноги, подумал, — эхо или в ушах звенит? А! Мужики развлекаются!

Сверху послышался приглушённый перекрытиями взрыв гранаты. Джонни тоже не стал стесняться — чуть далее по коридору начиналась ещё одна лестница, ведущая вниз, туда Джон бросил с отскоком от стены первую лимонку — шарах! Сменить обойму и прыжком на лестницу, повтор с гранатой — гостинец тем, кто поджидает его в нижнем коридоре — шарах!

— Блин, только бы Че-на не задело, — беспокоился Джон, сразу вслед за взрывом приземляясь в коридоре. Снова огонь с двух стволов и ломанный танец — маятник. Вдоль коридора рядом располагались закрытые железные двери. Камеры — сообразил Джонни. Поискал ещё живого охранника, прострелил ему плечо и спросил, — где Щеко-та?

Охранник уже ничего хорошего от жизни не ждал и не удостоил Джона ответом. Джонни ударил его по раненому плечу, молчание. Ещё два удара — стон и скрипение зубами. Серия ударов, — там, и будь ты проклят!

Двери камер снаружи запирались на обычный засов — бандиты не предполагали, что пленников кто-нибудь будет освобождать. Джон открыл дверь, узнал Че-на и пристрелил охранника.

— Джонни? — узнал его господин Че-на.

— Вам привет от Брюса, — выпалил Джон, — на большее пока нет времени, бежим!

Господин Че-на всё схватил налету и умненько держался позади Джона. А в зале уже во всю шла перестрелка, Гор и Бах метким огнём из-за укрытий сдерживали превосходящие силы противника. Умницы специально вывели неприятеля флангом к служебному входу. Джон распрощался с последней лимонкой и сноровисто помог добить оглушённых неприятелей. Мужики выскочили из-за укрытий, рванули на улицу и снова приняли неравный бой. Джон вытолкнул из дверей господина Че-на, направил его к машине и, на ходу поддерживая ребят огнём, упал за руль. Резко стартовав, покинул парковку, заметив, что Уран и Бах, прикрывая друг друга, начали отходить за угол. По идее, парни должны были добраться до окон с той стороны и спуститься на капроновом шнуре. «Ну, дай им Бог удачи!» — от души пожелал Джон, едва вписываясь в крутые повороты. Наконец, загнал машину в тупик, сказал Че-на, — приехали.

Дальше нужно было всего лишь подсадить дядьку до пожарной лестницы, самому с разбегу ухватиться за её нижнюю перекладину. На третьем этаже пройти немного по карнизу и попасть в номер Джонни. Он его утром покидал тем же путём. В номере можно спокойно передать Че-на открытку от сына, переодеться самому в армейские брюки и свитер, господина Че-на одеть в приличный костюм. С достоинством спуститься в холл, Джон изображал лакея при богатом джарийце, даже нёс чемодан. Швейцар, получив пятёрку чаевых мухой организовал такси, и уже через два часа автомобиль домчал их до внешнего

КПП. Всего-то двести баксов — Джонни усмехнулся с этого «всего».

От КПП до штаба жандармерии четверть часа ходу. Джон доложил Да-на о прибытии и выпросил лейтенантский джип — тот лишь махнул рукой. Доехал до «особняка», как, вообще никуда не отлучался — никто не оценил эпохальную значимость момента. Только... Джон впервые видел, как плачут джарайцы. Че-на не мог отпустить Брюса, тихонько поскуливая. А тот лишь всхлипывал и шмыгал носом.

Джонни стало неловко, и он вышел. В мозг непрестанно долбила мысль, — только бы они вернулись... только бы они...

Его ждала скверная ночь, целая ночь ожидания.

* * *

Джонни провёл ночь в медитации и с удивлением обнаружил, что спать ему совсем не хочется. Что было очень кстати, в штаб-логово заявился серьёзный, деловой господин Че-на.

— Сын рассказал мне об интересных свойствах моего препарата, — Че-на поморщился, — и то, что в нём уже две смертельные дозы «Зова». А ты, наш спаситель, прошёл полный курс?

Джон спокойно кивнул.

— Тогда не будем терять время. — Че-на перешёл к делу, — мне нужно хорошо защищённое помещение для лаборатории. Так же следует побыстрее забрать из моего дома оборудование и компоненты препарата.

С местом для лаборатории Джон определился сразу — запасную базу шакалов они так и не засветили. Пока пойдёт, потом подберут получше. Джонни вызвал своих старых приятелей, тех, кто выразил желание пройти курс, и они вместе с Че-на на двух джипах с автофургоном выехали в город. У дома Че-на часть ребят заняла позиции в охране, остальные под руководством учёного приступили к погрузке. По утренней поре народу на улицах почти не было, да и управились быстро, менее чем за час — Джонни на корню пресёк поползновения господина Че-на взять «вот этот гобелен, тот торшер и пару кресел...». Но Джон себя не обманывал — их всё равно кто-то видел и что-то подумал. Информация как вода, очень трудно ограничить её утечку.

Обратно поехали сразу к зданию будущей лаборатории. Че-на осмотрел строение и принялся распоряжаться. Из-за секретности дела обустройством пришлось заниматься самим. Матёрые шакалы на хозработках — жаль жандармики не видят. И не увидят, и не узнают. Джон всерьёз тревожился за секретность. В его голове застряли слова Люси, что на Че-на начнёт охоту разведка Джудии. А почему, собственно, ещё не начала? Им должна быть известна его история, это раз. Он целый месяц передавал Та-ню свою отраву, это два. Якудза же не просто так держали его в подвале, скорее всего, с кем-то торговались, это три. И в довершении всего их нескучный визит в клуб, сколько там народу полегло? И пропал Че-на.

Следовало обсудить ситуацию с Карлом и подготовиться к нездоровому интересу спецслужб к их скромному отряду. Джонни оставил ребят в распоряжении Че-на, пообещал им смену через четыре часа и вернулся в «особняк». Там он с радостью застал пятёрку инструкторов. Мужики вернулись живые, но с сувенирами: Цербер с пулей в плече, Гор поймал в бедро, Урану повредило лучевую кость, Рексу прострелили грудь, Бах отделался

неопасным ранением в брюхо — кишки не задело, повезло. Цербер пошутил, что пуля застряла в его прессе. Джонни хоть и был рад, но всё же расстроился — мужики надолго вышли из строя.

— Малыш, какой надолго? — успокоил его Рекс, — ты не представляешь, что делает с нами «Зов»! Через неделю даже шрамов не останется.

Джон сказал, что это очень хорошо, у них целая неделя на освоение новой практики под руководством Брюса. И, вообще, приказы командира полагается принимать не с такими кислыми мордами, а это приказ. Взбодрив раненных бойцов, Джонни направился в мастерскую Пауля, рассчитывая застать там Карла.

Братья оживлённо обсуждали новинки в экипировке, изготовленные по заявкам бойцов. В первую очередь оптику. По странной военной традиции бинокли полагались лишь офицерам, а фотоаппараты корреспондентам. Ребят такие традиции категорически не устраивали — ими постоянно снимались здания изнутри поэтажно, с крыш фотографировали целые кварталы. У отряда уже была подробнейшая фотокарта их района, но этого им казалось обидно мало. И Пауль вспомнил школу — у них был очень хороший учитель физики, он с ребятами мастерил авиамодели. Вот Пауль работал над небольшим управляемым по радио вертолётом. По его словам, аппараты, следуя сигналам от радиомаяков, смогут патрулировать большую площадь. Или, следуя программе, полёта снимать малоизученные районы развалин. Джон прикинул перспективы, вопросительно посмотрел на Карла.

— Этим кто-то должен серьёзно заниматься, — друг ответил на мысли Джона, — будем подбирать головастых мужиков из резервистов.

— Паулю нужен помощник по кадрам, — Джонни развил идею, — кто лучше всех знает солдатиков?

— Девочки, конечно! — улыбнулся Пауль.

— Поговори с Люси, — Карл посоветовал Джонну.

— Обязательно. И, кстати, о птичках, пойдём, прогуляемся? — пригласил его Джонни.

— Начальство, блин, — проворчал Пауль, — все службу тащат, а эти к бабам!

Пауль ворчал совершенно напрасно, ребята экипировались и отправились в дозор. К началу маршрута их подбросили на джипе, пообещав не опаздывать к точке встречи. Друзья не торопясь пошли по улице мёртвого города. Джонни рассказал Карлу подробности эвакуации Че-на. В свете их перспектив с ЧВК первой под удар попадает Люси. На месте разведки Джон бы её просто грохнул — ликвидировал посредника и посеял подозрения. И распалив вражду, просто помог бы Та-ну в драке. А им дела-то — ликвидировать его, Джона, да Карла за компанию. Карл согласился, но отметил, что противник скорее всего использует Люси как приманку — немного надавит, чтобы Джонни бросился её защищать. И неважно как — заберёт её в отряд или будет ночевать у неё под дверями. Если объект известен, всегда можно организовать внезапную атаку. И, вообще, ждать удара не в их характере — бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть...

— И не оставляй за спиной живых, — кивнул Джон.

— А вот тут ещё как посмотреть, — помолчав, глубокомысленно изрёк Карл. И перехватив насмешливый взгляд Джона, разгорячился. — Известный враг лучше ненадёжного союзника.

Ага, Та-ну как раз и враг, и союзничек... — ухмыльнулся Джон.

Карл взял себя в руки и принялся излагать свою точку зрения. Люси, конечно, в

опасности, но убьют её не для того, чтобы Та-ну напал на отряд — вовсе нет. Её убьют, чтобы Джонни не мешал убивать Та-ну!

— Господи, ну кто такой Та-ну? — Карл едва сдерживался, — голый король! У него есть деньги и связи, но бандитская репутация кое-кем поставлена под вопрос. Верное решение для разведки Джудии — лишить отряд выхода к деньгам и политическому лобби. Тогда нам останется или помирать, или соглашаться на любые их условия...

— Или поубивать их нахрен, — пробурчал Джон.

Карл оставил его замечание без внимания как неделовое. — Только зачем разведке самой суесться? И вообще, какой смысл засылать в Такию своих боевиков? Всё равно, что в Фартфур со своей скороваркой! Та-ну уделают конкуренты, они, кстати, уже на низком старте. Но пока в недоумении...

— Ты предлагаешь воевать за эту сволочь? — прищурился Джон.

— За отряд, за Люси, за себя, — Карл улыбнулся, — да за деньги, чёрт возьми!

— Гм. За Люси и за деньги — ладно, — Джонни поскрёб затылок, — но с кем?

— Вот у Та-ну и спросишь, — сказал Карл как о решённом деле. — Тебе нужно встретиться с ним прилюдно. Так ты выведешь Люси из-под удара. Всем станет ясно, что она не посредник, вам не нужны посредники.

Джон наградил друга очень недобрый взглядом.

— Ну, пойми, как к этому отнесутся те, кто знает историю его сына? — Ответил Карл озорно, — ты представь, какая это пощёчина — грозный Та-ну разговаривает с унижившим его засранцем из развалин!

На лице Джона постепенно проявилась улыбка, и он засиял, как именинник.

* * *

Господин Та-ну шёл, никого и ничего не замечая — перед ним открывались двери, лифт ждал только его, когда шёл от офисных дверей до приготовленной машины, босс не заметил ни одного человека — своих лакеев он за людей не считал. А это что за хрень? У его машины стоял паренёк среднего роста, конопатый, лопухий, в армейских штанах и ботинках, в свитере. А свитер уж очень характерно топорщился на поясе. На другой стороне улицы был припаркован военный джип, в нём расположились ещё пятеро таких же парней. Господин Та-ну обернулся к свите — чисто инстинктивное желание не смотреть на ЭТО. Судя по ромам быков, они тоже Это увидели, но понять природу явления были категорически не в состоянии. До Та-ну дошло, что парнишка со стволами под свитером легко положит всех — вот прям здесь и сейчас!!! Но господин Та-ну не просто так стал главой клана — ещё в ранней юности он отчётливо осознал, что его жизнь закончится именно так и не иначе. Взяв себя в руки, он спокойно обернулся к Джону.

— Прокатимся? — запросто спросил тот. И господин Та-ну молча подошёл к машине, сам открыл дверь, сказав, — прошу.

Джонни пролез на заднее сиденье, Та-ну уселся рядом, машина тронулась. Следом за ними двигался джип. Джон обратился к водителю, — дружище, только правила не нарушай, мне с боссом многое нужно обсудить.

Та-ну, резко повернувшись, весело посмотрел на Джонни, вернее, разглядывал, будто не веря своим глазам.

— Скажи, ведь это ты убил Эдварда? — спросил он ровным тоном.

— Эдвард твой сын? Я его не убивал, — Джон покачал головой, — но его убили из-за меня.

— Ты понимаешь, что я тебе этого никогда не прощу? — сразу внёс ясность в отношения господин Та-ну.

— И что? Будешь мстить? — Джонни пожал плечами. — Знаешь, что мне нужно сделать, чтобы у тебя нихрена не вышло?

Босс спокойно ждал продолжения.

Джонни ему радушно улыбнулся и обрадовал, — ни-че-го! Ты, твои близкие, твои люди обречены — и ты это знаешь!

— Мои близкие? — криво усмехнулся Та-ну. — Мать Эдварда застрелили... изрешетили нашу машину. Я тогда сам едва выкарабкался. А Нэт прожила ровно столько, сколько потребовалось, чтобы родить мне сына — врачи извлекли его из тела уже мёртвой матери. Я счёл это чудом... и ты его убил!

— Чудес не бывает, — безразлично ответил Джон, — тебе следовало больше времени уделять ребёнку, он вырос редкостным засранцем.

— Возможно, — Та-ну поджал губы, — но я, к примеру, вообще не помню отца.

— А я отца и не знал никогда, — буркнул Джонни, — моя фамилия Ритано.

— Сын бл... — Та-ну начал говорить, но осёкся под холодным взглядом Джона и сменил тему. — Значит, ты сирота? Это плохо.

— Нормально, — отрезал Джон, — давай считать знакомство состоявшимся?

— Давай, — кивнул Та-ну, — это ты набедокурил в Маленьком Джаро НеЮорока?

— Что-то не так? — усмехнулся Джон.

— Да всё чудесно! — воскликнул Та-ну, — мне звонил представитель тамошней Якудзы — они считают, что такое могли устроить только военные. Ближайшие к ним военные — наш сборный пункт.

— В НеЮороке нет сборного пункта??? — удивился Джон.

— Их там полно, — усмехнулся босс, — но все они под опёкой кланов. Вот меня попросили узнать, не замешан ли кто из местных, и... предложили помощь людьми в «наведении порядка».

— Отлично! — улыбнулся Джон. — Принимай помощь, мы поможем их разместить...

— На глубину в два метра? — Та-ну прищурился, — это война со всеми!

— Господи, типа ты не понимаешь! — удивился Джон, — прежде им нужен контроль над городом, а помощь их — или узда, или петля.

— Да всё я понимаю, — вздохнул Та-ну, — но я планировал затянуть переговоры, поторговаться, а тем временем подтянуть людей.

— Бей первым, внезапно, насмерть, — как маленькому объяснил ему Джон. — И помочь тебе можем только мы. Потому что ты нам нужен с твоими деньгами и связями.

— У тебя есть какой-то план? — прищурился босс.

— Ага, — кивнул Джонни. — Только я тебе не расскажу. Что касается тебя — сидишь в офисе, демонстративно трясешься. Для всех — я вымогаю у тебя деньги, угрожаю убить. Сведёшь нас со своими помощниками, у тебя ведь есть умные люди?

Та-ну кивнул.

— Поручи им встречу гостей, мы сами разберёмся. — Сухо проговорил Джон и неожиданно озорно добавил. — Только денежки всё равно готовь.

— За что же? — удивился Та-ну.

— За боссов твоих конкурентов! — как само собой разумеющееся озвучил Джон. — Нам, знаешь ли, понравилось валить бандитов, но надоело делать это бесплатно.

— Ха-ха-ха! — вдруг весело, от души, во всё горло расхохотался господин Та-ну. Он на пороге войны кланов, и он был счастлив — возвращалась его молодость!

Интриги, разборки, планы

Джонни не оставляло беспокойство за Люси. Из его головы не выходили слова Карла, что разведка Джудии станет на неё давить, провоцировать отряд. Он понимал, что реагировать нельзя, но и не мог не реагировать! И так вовремя вспомнил о большевизме. Проконсультировался с Паулем о делах в ячейке ВТакПэБэ, но тот сразу и не понял, о чём толкует Джонни. А когда сообразил, сказал, что все его «электрики» и есть ячейка, и других большевиков ему не нужно. Джон сделал суровый выговор, что большевиков много не бывает, и напрасно Пауль забросил столь перспективное дело. Но всё же внял стенаниям парня о занятости и более интересных вещах.

Джон, грустно вздохнув, направился в солдатскую столовку к Харпёру. Это следовало сделать давно, но он всё откладывал, стеснялся. И дождался до самого края. Чен приближался к финальной серии, да и глупо держать поваром такого специалиста — ребятам отряда загорелось научиться драться не хуже Брюса. Паиньками сидели на коленках, бесконечно повторяли движения и не щадили себя в спаррингах. На базу срочно требовался хороший повар, но это было лежащей на поверхности, «официальной» причиной визита. На самом деле Джону был нужен Дэн.

Бедняга оказался в странном положении. Он, Джон Ха-ня, переведён в жандармерию, а Поль До-ки, то есть опять же Дэн, разграбил лазарет и сбежал в развалины. Так и свихнуться недолго! Что, впрочем, для коммуниста нормально — так Томас заверил Джона. Он с радостью принял предложение перейти в отряд. Жандармская зарплата, и готовить нужно на меньшее количество вечно голодных рыл, и, главное, в отряде есть из чего готовить — о богатстве жандармов по сборному пункту ходили легенды. И Томас, похоже, разбирался в сумасшедших коммунистах. Ну, судя по нездоровому блеску в его глазах, когда он принялся пересказывать эти легенды Джону. Он это дело пресёк и перешёл к формальностям — как бы им устроить перевод Харпёра? Тот лишь рассмеялся. Мобилизовавшего его сивого мерина вышерли на пенсию, штаб сгорел, и Томас сам не понимает, что он тут ещё делает? Жандармерии достаточно просто мобилизовать Томаса, и дело в шляпе. А насчёт Дэна — просто сказка! Он, оказывается, всё это время был рентгенологом и не покидал своего ответственного поста ни на губу, ни в спецзону. Но как-то вышел пейзажем полюбоваться, и сразу ограбили лечебницу — всё до гвоздя суки выдрали! К счастью, рентген-аппарат и много другого оборудования вскоре привезли из госпиталя округа, сюда всерьёз собрался перебираться весь госпиталь, а Дэн снова на боевом посту и при любимом деле.

Джонни, тепло и ненадолго простившись с Томасом, отправился в жандармский штаб улаживать формальности — просить Да-на мобилизовать Харпёра и взять направление на флюорографию. Всё уладилось ожидаемо быстро, лейтенант, не задавая ненужных вопросов, чтоб только побыстрее избавиться от Джонни, по телефону отдал необходимые распоряжения канцелярии и послал Джона нахрен. Мол, и без него тошно. Джонни не стал лезть с вопросами, решив узнать причины плохого настроения лейтенанта у Люси. Девушка-образцовый-клерк, шустро оформляя бумаги, в ответ на его недоумение рассеянно проговорила: «Нет для нашего начальства ничего огорчительнее, нежели видит оно, что пламенности его положены пределы». И, соизволив, наконец, поднять глаза на Джонни, пояснила, — у нас полиция завелась.

Чем загнала его в ментальный ступор. Вообще, на вкус Джонни, полиции у них былс

достаточно — есть один капрал Джон, вот и ладушки. Но, увы, случилось страшное — они победили. Ну, почти. И городская администрация сочла восстановленные районы развалин пригодными к подгребанию под себя. Господин Та-ну подсуетился. А где администрация, там и полиция, а за ней следом и преступность, иначе с чем ей бороться и нафиг она нужна?

— А дальше? Полиция будет чистить руины от крыс? — не понял Джон.

— Что ты, милый! — засмеялась Люси, — вы это будете делать, как и прежде, куда ж без вас? Только все руины, что вы сможете отжать, за столбил за собой клан Та-ну. То есть уже ваш клан, да Джонни?

Он уловил в её интонации насмешку, даже издёвку. Действительно — начать войну с бандитами и самому стать бандитом! Хуже крыс! Хоть Джонни и укололи её слова, он лишь туповато выразил полное с ней согласие — ведь именно это она советовала, не так ли? Джонни чувствовал, что стал ей неприятен, и это его пока полностью устраивало. Он, извиняясь, сказал Люси, что некоторое время будет сильно занят, и пусть она простит, но видеться они смогут редко, да и то вряд ли смогут. На что Люси, ласково ему улыбнувшись, отдала готовые бумаги и послала его... по делам.

В лазарете, Джонни сдал направление дежурной сестричке и, отстояв короткую очередь, вошёл в рентген кабинет, чем едва не вызвал у Дэна истерику. Вообще, в оцепенел-то он сразу при узнавании Джона, и серьёзно намеревался забиться в истерике, но Джонни сбил его с настроя. — Привет, дружище. Ты случайно не потерял костюм химзащиты? Мне его полагается вернуть на место.

Дэн протянул дрожащую руку к смутно знакомому шкафу.

— Ба! Да это же шкаф из солдатской уборной — вот Дэну не лень было его сюда переть! — Джонни обрадовался про себя и догадался приглядеться к другу — с ним явно не всё было в порядке. Не просто из ностальгии по солдатскому нужнику он приволок этот гроб, были у него веские причины.

— Вот и ладушки, пусть пока там повисит, заберу на днях, — успокоил его Джон и сменил тему. — Дружище, ты слышал, что скоро начнётся переброска войск в Джудию?

Дэн насторожился.

— Точно тебе говорю! — заверил его Джонни, — добровольцев уже во всю набирают. А скоро, сам понимаешь, — отправят всех. Я это к чему — в Джудии до сих пор вешают коммунистов, представляешь? Не веришь? Блин, спроси у моей подружки Люси, она с мужем еле ноги оттуда унесла!

Дэн задумался.

— И в плен им нельзя, этапы коммунистов живьём в печках сжигают — просто ужас! Ты поразмысли, дружище, — задушевно заговорил Джон, — зачем твоим товарищам так рисковать? Из развалин же забирать не станут — кому-то и работать нужно.

Дэн выглядел заинтересованно.

— Если надумаете, обращайтесь к Люси, она служит клерком в жандармской канцелярии, перешёл Джон на деловой тон, — кстати, в её общагу требуются разнорабочие, да всё никак толкового мужика не найдут. Или они уже там дуреют? Хотя оно не удивительно, в борделе-то.

Дэн утвердительно кивнул.

— Вот и ладно, — улыбнулся Джонни, — рад был тебя повидать, пора мне.

— А флюорография? — наконец-то у Дэна прорезался голос.

— Не, дружище, я передумал. Что-то боязно — ну его, этот агрегат, — честно признался

Джон, — пока, Дэн, увидимся.

— Пока, Джонни, — не веря своему счастью, пролепетал коммунист-рентгенолог.

«Тэ-э-экс, сходить что ли в Особый отдел? Вообще-то не зачем — большевики, наверняка, давно под надзором. Люси со службы выгонят, вот здорово! А интересно, как коммунисты будут разведчиков вербовать, когда они полезут к Люси?» — с чувством выполненного долга, даже слегка гордясь собой, размышлял Джон по дороге к жандармскому штабу. Ему было досадно — лейтенант Да-на не в духе, опять придётся взять его джип без спросу. Блин, и когда уже к «особняку» автобусы будут ходить???

* * *

В отряде Джона поджидали новости. Ребята на входе в «особняк» сказали, что в штаб-логове его дожидается какой-то лейтёха. Джонни аж интересно стало, и предчувствие его не обмануло.

— Джонни!!! — воскликнул лейтенант Ха-рис, разглядывая мундир Джона, — жандарм?? Капрал???

— Я тоже рад вас видеть, лейтенант, — радушно ответил Джон, — вы по делу или поболтать?

— Мне нужен капрал Джон Ха-ня, — нехотя сказал Ха-рис, — у меня для него приказ штаба округа.

— Это я и есть, — стеснительно признался Джонни.

— Это как? — удивился лейтенант.

— Я не нарочно, давайте приказ, — ещё больше смущаясь, протянул руку Джон. Лейтенант с грацией лунатика протянул ему пакет.

Оказалось, что с сегодняшнего числа Джон не командир отряда жандармерии особого назначения, и самого такого отряда больше нет. А есть сводный отряд особого назначения, подчинённый напрямую штабу округа под командованием лейтенанта Ха-риса. Его из всего офицерского состава старого сборного пункта не перевели и не понизили — некуда понижать и службу кто-то должен тащить. Вот нашли ему, наконец, применение по способностям. А Джону Ха-ня приказано сдать лейтенанту дела, имущество и представить ему командира отряда добровольцев.

— Командир, ну вы поняли, что сделать с этой бумажкой? — снисходительно ответил Джон, — и вообще, куда идти?

Лейтёха дураком не был и сказал, что Бог с ним, с имуществом, но ему всё-таки приказали возглавить сводный отряд, так он сразу назначает Джона командиром отделения жандармерии. И попросил представить ему старшего добровольца.

— Блин, да это я, — ухмыльнулся Джонни.

— Как ты? Почему???

— Шиза, — пожал Джонни плечами, — гляньте, что в приказе написано. Джон Ритано?

— Точно. То-то мне фамилия показалась знакомой, — ошалел Ха-рис, — чудеса! Я уж думал, что чудесней твоей службы в жандармерии ничего и не придумать! Но шиза — это ладно, вот смотри — численность отряда не по капральскому масштабу, это раз. Отряду передают в постоянное подчинение строевую часть, это два. А, в-третьих, главное, мне

поручено возобновить работу шакальей учебки, представляешь? Познакомишь с ребятами?

— Учебка — это хорошо, — заметил Джон, — только ребята своё уже отучились. Помните Джоша, Тони, Гарри, Стива, ему ещё челюсть сломали?

— Не может быть! — воскликнул Ха-рис, забыв закрыть рот. И правильно сделал, ведь Джонни добавил, — и у нас полный комплект старых инструкторов — Цербер, Уран, Гор, Бах, Рекс.

— А... — растерялся лейтенант, — а что мне делать?

— Выполнять приказ, — сухо ответил Джонни, — требуйте от штаба округа новобранцев по шакальим критериям отбора. И вы тут очень кстати оказались, наведёте порядок в нашем таборе. А то развели анархию без воинской дисциплины, да и некогда мне нынче — мы с бандитами воюем.

— С крысами? — не понял лейтенант.

— С крысами мы всегда воюем, — объяснил Джон, — а нынче ещё и с бандитами. Понятно?

Лейтенант неуверенно кивнул. Джон решил пока не углубляться в тему, дать Ха-рису время на привыкание. Взял рацию и вызвал Карла. Тот его, как водится, послал, но услышав, что это важно и срочно, нехотя буркнул, — сейчас подойду.

Лейтенант во все глаза наблюдал за сценой, просто поедая глазами рацию, — где взяли???

— Сами сделали. Нравится? Вам такую же дадим, — обрадовал Джон начальство. У лейтёхи от обыденности его тона слегка закружилась голова — вот это для них просто! Ха-рис замолк от переживаний, а Джон молча любовался растерянной мордой своего нового старого командира. Пауза провисела целых две минуты, пока не явился Карл.

— Привет, Карл, знакомься — наш новый командир, лейтенант Ха-рис, — возвестил Джонни.

— Угу, — обрадовался Карл, — станет у нас генералом, если выживет.

— Что у тебя с настроением, дружище? — проявил заботу Джон.

— Да так... блин, папу освободили, — по своей привычке издалека начал Карл. — Как оказалось, я его и не захватывал вовсе.

Джон, зная повадки друга, терпеливо ждал продолжения.

Не дождавшись удивлённых восклицаний, Карл перешёл на нормальный язык, — слышал, что всё вокруг нынче новый городской район? Что у нас полиция завелась? Вот мой папа — она и есть. Никаким заложником он не был, а был он в командировке по приказу своего начальства — изучал обстановку и создавал условия для нормальной полицейской службы. Прямо сейчас отчёты строчит, задним числом, конечно.

Джон, не теряя терпения, ждал подробностей. Ха-рис так и стоял с раззявленной варежкой.

— Блин! Я ж тебе говорил, что отцом начальство постоянно дырки затыкает! — горько посетовал Карл. — А тут распоряжение магистрата — принять меры для поддержания правопорядка. И папка мой уже здесь, вот эти козлы всё на него и свалили! Ну, нет среди копов желающих шастать по развалинам, как их не обзови!

— Ну и пусть пишет свои отчёты, ему трудно, что ли? — не понял Джон.

— Да он слегка тронулся, — пожаловался Карл, — папка же фактически стал начальником участка, капитанская должность. Думает, что это его шанс — в мастерской не показывается, только пишет.

— Карл, дружище! — разволновался Джон, — так давай сделаем твоему папе самый лучший участок!

— Давай, — без энтузиазма согласился Карл, — хотя без того полно дел. И, кстати о полиции — звонил какой-то Грегори, передал привет от Та-ну. Сказал, что он бывший коп и советник босса. Та-ну тебе про него говорил?

Джон кивнул.

— Хорошо, я ему назначил встречу в одном кэмпинге, обсудим дела, — Карл перешёл на деловой тон, — план без изменений?

— С дополнением, — замялся Джон, — за Люси будут следить большевики, так надо бы проследить за ними...

— Я тебе людей нарожать должен?? — обозлился Карл, — короче, дуй в полицию, к своему «папочке». Что хочешь с ним делай, но чтоб он командировал нам оперов и боевиков!

— Ладно, — согласился Джон, вставая, — только пообедаю.

И обернувшись, сказал Ха-рису, вставая, — пойдёмте, лейтенант, поедим, и снова будем воевать с бандитами.

* * *

Джону было неловко отвлекать ребят, но пришлось брать с собой четвёрку во главе с Гарри — досадная необходимость при такой теплоте отношений с господином Та-ну. А в полицейский участок Джонни вошёл в одиночестве, а то ведь копы могут и за стволы схватиться от их героического облика. Да он и один производил впечатление шакальим обмундированием — оно стало модным даже у «бешеных» жандармов, особая фишка. Правда, неподготовленные окружающие нервничают, вот и дежурный коп завис, когда Джонни, заглянув в его оконце, вежливо поздоровался.

Хотя, форма Джонни была, наверное, не причём, дежурил тот самый полицейский, которому уже дважды довелось спровадить его в армию. И коп чувствовал, что третьего раза может не пережить. «Ёж моё же ж — опять обдолбанный!» — огорчился про себя Джонни, а вслух попросил сообщить капитану Ха-на, что к нему посетитель по поручению господина Та-ну.

— Документы! — прохрипел полицейский, Джонни подал своё жандармское удостоверение. Тот долго его изучал, подняв глаза на Джона, сличал его с фотографией. Наконец, что-то решив для себя, произнёс, — цель визита?

— Помыться, блин! — Джонни терял терпение. — Офицер, вы будете звонить, или мне так пройти?

Дежурный, явно не веря, что он действительно это делает, заторможено снял трубку и проговорил, — господин капитан, к вам капрал Ха-ня из жандармерии по делу от господина Та-ну. Слушаюсь, господин капитан!

И вернул Джону документ, сказав, — проходи... те.

Джонни вежливо кивнул, спрятал в кармашек кителя удостоверение и направился к лестнице на второй этаж. Дежурный проводил его взглядом, и в голове его болталась мысль, что этот вежливый паренёк действительно мог запросто «так пройти». А Джон, поднявшись по лестнице, синтересом оглядывался. За все свои визиты в почти родной участок он ни

разу не был на втором этаже. Надо же — ковровая дорожка под ногами, деревянные лакированные двери с бронзовыми ручками, и красивыми табличками, стены приятного бежевого цвета и затейливые светильники под белоснежным потолком! Даже какие-то растения в кадках! «Вот как надо устраиваться! Бате Карла так же отгрохаем, или ещё лучше», — с лёгкой завистью подумал Джон и, постучав в дверь с табличкой «начальник участка капитан Ха-на», не сразу её открыл — ручка отломалась. «Горбатая лошадка!» — совсем растерялся Джонни, он слегка нервничал в непривычной обстановке. Но дверь неожиданно открылась, и молоденькая женщина, весело ему улыбнувшись, нежно пропела, — вы к капитану? Проходите, вас ждут.

— Э... а ручка сама как-то..., - проямлил Джонни, краснея.

— О! Пустяки! — улыбалась ему красавица, стоя в дверях. Джон протиснулся в дверной проём, слегка прижав её к косяку, ну и сам прижался, задержавшись на мгновение. Глазки дамочки замерцали, но Джонни преодолел непреодолимое, уверенно пересёк приёмную и нежно взялся за ручку на дверях кабинета начальника. На этот раз дверь открылась без происшествий, и он вошёл в кабинет со словами, — привет, папочка!

В обширном, со вкусом отделанном кабинете в чёрном кожаном кресле за огромным столом сидел пузатый «психованный полицейский». Вот действительно психованный — на столе лежал штурмовой полицейский дробовик.

— Привет, сынок, — улыбнулся капитан, положив руку на ружьё.

— Ты уверен, что успеешь? — со значением поднял Джонни бровь, у Да-на перенял манеру.

— Гм, хм, вообще-то, у меня неплохо получалось, — проговорил коп.

— Давно? — уточнил Джонни и успокоил «папу», — если б я хотел тебя грохнуть, грохнул бы, и ты нихрена б не успел понять. Я пришёл поговорить по поручению...

— Господина Та-ну? То-то он второй день из офиса не выходит, — усмехнулся капитан, — с таким помощничком-то!

— Ага, у него бронированный офис, охрана... — задумчиво глядя на капитана, сказал Джон.

— Ладно, хорош трепаться, — Ха-на перестал казаться любезным, — говори, чего тебе и проваливай!

Джонни спокойно подошёл к столу, уселся в кресло для посетителей и мило улыбнулся капитану, — папа...

— Этарский бес тебе папа! — не выдержал капитан.

— Правда? — удивился Джон, — а кто ещё в курсе? Ну, господин Та-ну, но он не считается, он за нас. Ещё тот твой подчинённый, он сейчас дежурит. Но он за Та-ну, то есть тоже за нас.

— Началось! — со вздохом простонал капитан, подняв глаза к потолку.

— Да ладно, не переживай ты так, — снисходительно пробурчал Джон, — всё ж пока нормально. Ну, пока твой укурок всерьёз не набезобразил.

— Я его отправил... э... там он даже голову себе не сможет пробить! — уверил его Ха-на.

— В дурку? Логично. — Одобрил Джонни. — К слову, тебе же не все подчинённые по душе? Есть уникальная возможность спровадить их подальше и помочь господину Та-ну.

— Куда подальше? — заинтересовался капитан.

— Слышал о новых районах? — спросил Джон. Капитан расплылся в довольной улыбке.

Джонни правильно его понял и предупредил, — учти, люди нужны срочно, на вымогательство у тебя времени нет.

— И что мне тогда с этого? — проворчал Ха-на.

— Пустяки, — пожал плечами Джон, — скоро в город нагрянут гастролёры на разборки, так я тебе маякну что, где и когда.

— Не гонишь? Ну, смотри! — заинтересовался полицейский. — Список командированных отправлю в штаб жандармерии к вечеру, встречайте их завтра с утра. У них хоть койки будут?

Джонни важно кивнул.

— А жаль, блин! — весело воскликнул начальник участка и расхохотался. Ну, псих — что возьмёшь?

* * *

У Джонни наконец-то появилось время для исполнения своих непосредственных обязанностей. Не то, чтобы само появилось, просто они запустили механизм операций, и от него по большому счёту уже ничего не зависело. Он делал, что должно, а там посмотрим. В первую очередь Джонни занялся разведчиками. Тут отряд добился серьёзных успехов. Если у обычной стаи было по два, редко три, разведчика с парой учеников, в отряде постоянно базировались уже семеро матёрых крысиных лазутчиков, полтора десятка мальчишек-дозорных, которых старшие регулярно брали с собой «прогуляться», и ещё постоянно ошивались полтора десятка чужаков.

Вот с ними Джон и начал работу. Он их не агитировал и не соблазнял перспективами, вовсе нет. Джон знал, что такое дружба и понимал цену предательства, а ребята скорей всего чувствовали себя кому-то обязанными в своих стаях. Вот на эти чувства он и рассчитывал. Ему сообщили, что крысы стали меньше таскать кукси, значит, кто-то предлагает более выгодный обмен. Что для крыс ценней воды и пищи? Только оружие. И кто им может его предложить? Пограничные банды. И действительно, хоть разведчики и не отличались болтливостью, они не могли скрыть тревоги. Стаи быстро вооружались. Это неминуемо должно привести к кровавым столкновениям — разведчики были единоклассниками, и они искали выход — парни реально переживали за своих. Джон предложил им своё решение — уничтожить пограничные банды нахрен. Причём предложил не всем разведчикам скопом, а каждому с глазу на глаз, намекая, что говорил об этом ещё кое с кем. Атаковать «пограничников», конечно, рискованно — они вооружены, им не впервой отражать нападения. Но трофеи в случае успеха резко усилят стаю, да и репутация её станет серьёзной защитой. Джонни обещал помощь «неправильных солдат», и это не были пустые обещания.

Отряд значительно вырос технически — игрушечные самолётики и вертолёты несли не только фотоаппараты. Мужики смогли смонтировать летающий ретранслятор с зарядом батарей как раз на время операции, час-полтора. Уже испытывается боевой вариант — оснастили вертолёт ракетами с отравляющими веществами в боевой части. Точность аховая, но она особо и не требовалась. И, кстати, о вооружении — в отряд включили действительно строевую часть под командой лейтенанта Ха-риса. Он просто забрал свою роту, обусловив этим своё согласие на перевод в развалины. В штабе на это легко согласились, оформив дело как «учения в условиях, максимально приближённым к боевым».

Остряки, блин, но галочку в плане боевой подготовки поставили. Так вот, что рота действительно строевая — очень важно. Ведь ей полагались по штату три станковых пулемёта, десяток ручных, и... миномётная батарея! Миномёты и станкачи с расчетами разместили на джипах, получилось чудо, как хорошо — мобильная огневая мощь. Рукастые умельцы обеспечили отряд ещё и шустрой мобильной огневой мощью — из обрезков труб мастерают ручные гранатомёты и гранаты вытачивают. Просто, дёшево и сердито — ребята уже с сотни метров гранату в форточку закидывают. А БЧ гранатам сладили фугасную, осколочную и просто изуверскую — она взрывается в два приёма. Первым взрывом расплывается аэрозоль, и с задержкой срабатывает термический заряд — жуть, что творится при взрыве в замкнутом пространстве. А в изуверстве трудно лишь сделать первый шаг, потом как втянешься! Смастерили мужики ранцевые огнемёты, теперь даже шакалы затылки чешут — против кого вот это применять???

Тем более при их новых возможностях. С лейтенантом Харрисом пришли трое очень серьёзных мужчин — сержант и пара рядовых. Это были первые настоящие солдаты, которых встретил Джонни в армии, если не считать инструкторов, конечно. Они пришли со странными винтовками с оптическими прицелами. Назывались солдаты снайперами и поглядывали на всех свысока или, что было ещё обидней, снисходительно. Но Джонни с Карлом не подали виду, что чем-то задеты, пристали к мужикам — где они взяли своё оружие, и что оно, вообще, может? Те, ухмыляясь, поведали, что на расстоянии до полукилометра разнесут любую черепушку, попади она в прицел. А взять такое оружие, вообще, нигде, оно именно, за утерю полагается приличный срок. И патроны к нему особые тоже выдаются по счёту и под роспись.

Карл умненько кивнул, попросил у солдатика винтовку подержать, взвесил на руках и шарахнул с размаху оптикой об стену. Джонни извинился за друга, сказал, что у парня проблемы с нервами, и что они в скором времени всё исправят. И отнёс винтарь мастеру в жандармскую оружейку. Тот осмотрел прицел, сказал, какие потребуются стёкла. Почесал репу и велел тащить ему вообще всю оптику, что попадётся, если им непринципиально, чтобы другие прицелы были копией вот этого. Душа Джонни возликовала от слов «другие прицелы», но мастер быстро охладил его пыл — во-первых, пятьсот баксов за прицел, во-вторых, крепления и калибровку они будут делать самостоятельно, а, в-третьих, дело не только в прицелах — сам снайперский винтарь эксклюзивный, особо точный. На стандартных образцах прицельная дальность будет не более трёхсот метров, и то после доводки оружия и подгонки оптики. Но, судя по его тону, мастер не верил даже в это — требуются станки, особые измерительные инструменты и главное — навыки со всем этим обращаться, что посложнее, чем охотиться на крыс.

Положение было хоть и небезнадёжным, но и нерадостным. В развалинах отряд, благодаря новым разведчикам, нашёл множество мастерских и гаражей. Даже какое-то четырёхэтажное здание с классами на двух верхних этажах и с брошенными станками на нижних — видимо, было учебное заведение. Но уже миновали времена, когда выпускников таких заведений выгоняли на улицу, а станки бросали за ненадобностью, нынче ими дорожили, и рассчитывать на таких специалистов не приходилось — они не попадали в первую волну мобилизации. И хотя даже те, что были под рукой, могли кое-что сделать, они не желали работать в такой нервной обстановке! Работа с оружием — подсудное дело, да ещё и на глазах у всей жандармерии, блин. Поэтому перетаскивать оборудование в «особняк» не было никакого смысла. А загнать мастеровых в развалины, даже если

получится, себя не окупит — или их поубивают, или слишком много сил уйдёт на охрану.

И как всегда, ребятам не просто повезло, а вдвойне. Здание со станками находилось на земле бывшей стаи Филадельфия, и что особенно помогло — его вожак «не понимал», что стая стала разведчику бывшей — не рвали контакт, поддерживали отношения. В свете новых тенденций с вооружением крысиных стай возникла реальная основа для диалога. Филадельфия не пришлось долго уговаривать, и он отвёл Джонни в своё старое логово. Одного, естественно. Джонни чуть на слезу не пробило, Фил привёл его в заброшенную школу. Но далее ностальгию ничего не провоцировало. Их встретили почти у здания, слишком поздно заметив. Да и заметили лишь потому, что они шли не таясь. Крысы-солдаты в основном оказались уже взрослыми мужиками, «новичками», «коренных», одного возраста с Джоном, было совсем немного. Ребят встречал вожак, «коренной», черноволосый, улыбочивый парень среднего роста с обманчиво медленными движениями и с очень внимательными карими глазами. То, что он встретил их лично, говорило в его пользу — не трус, не зазнайка, открыто демонстрирует заинтересованность в гостях. И гостей уважает, считает их равными себе. Джонни провели внутрь, в один из классов, он вежливо поздоровался с ребятами и стал вытаскивать из рюкзака консервы, гостинцы. Ничего особенного, просто здесь не принято ходить в гости с пустыми руками. Но на сначала бесстрастных лицах ребят проступили эмоции — им явно жутко хотелось жрать! Вожак шустро распределил угощение, выделив себе равную с остальными долю. Джон пристойно молчал, ждал, пока парни поедят, вернее, ждал, когда вожак начнёт разговор. Тот облизал ложку, вздохнул с сожалением и начал рассказывать.

Их стая приходящая, ребятам пришлось уйти из своего района. Переселялись, вернее, бежали они уже три раза. С другой стороны Чи-хахо (Джонни впервые услышал, как назывался этот город) творилось неладное — зверствовали шакалы. И стаи вынуждены либо искать себе новое место, изгнав прежних обитателей, либо гибнуть. В результате «коренных» бойцов некогда грозной стаи их родного района осталось всего полтора десятка, и они сумели сберечь малышня. «Новички» присоединялись по пути из разгромленных стай, и многие пришли уже здесь, от «пограничников». Грустно вздохнув, вожак поведал, что эта часть города им почти неизвестна, в набеги на военный городок они уже не ходят — вожак горько усмехнулся — две группы не вернулись из района «неправильных солдат», он сам видел скальпы ребят. И кабы не кукси, им бы уже настал конец. Но он всё равно вскоре настанет — бежать больше некуда, жрать нечего, другие стаи вооружаются, «неправильные солдаты» рядом и рано или поздно придут за их скальпами.

— Ответь, — попросил вожак, — как ты думаешь, зачем я тебе это рассказал?

— Чтоб это не пришлось рассказывать мне? — улыбнулся Джон.

Вожак невесело засмеялся, — угадал. Зачем ты пришёл, свободный? Фил ушёл к вам, теперь ты хочешь забрать нас всех?

— Ага, для вас есть работа, — серьёзно сказал Джон. — Нападать ни на кого не нужно, только защищать. На вашей земле есть здание, мы хотим делать там оружие.

— И вы будете платить за землю и охрану? — уточнил вожак.

— Нет. — Покачал головой Джон. — Это вы будете платить за нашу землю и нашу защиту, тогда никто не придёт за вашими скальпами.

— Платить, охраняя здание и рабочих? — вожак совсем не смутился, — а что мы будем есть?

— Прокормим, — уверенно пообещал Джон.

— И вооружите? — осторожно поинтересовался вожак.

— Сами вооружитесь, а мы поможем, — приступил Джон к самой сути, — мы поможем вам разгромить и разграбить «пограничников».

* * *

Зачем Джонни это затеял? Из-за денег, конечно. Дело в том, что холдинг Та-ну больше не участвовал в восстановлении разрушенных кварталов. Ему перестало нравиться работать с военными, слишком рискованно. Всем рулил новый зампотыл от штаба округа, и у новой сволочи оказался недурственный аппетит, к тому же ему приходилось делиться с многочисленным жадным начальством. Такса за проживание в общагах осталась прежней, зампотылу намекнули, что повышать плату смерти подобно. А в прочем положение лишь ухудшилось. Солдатики в том же терминале за колючей проволокой работали за провинности, бесплатно, из-под палки, только на вышках стояли не бандиты, а жандармы. Кстати жандармерия выросла до батальона, и ей даже назначили командира, капитана Тина. Ну, Джону он был до лампочки — отряд подчинялся напрямую штабу округа, Джонни тревожило другое. Резко снизились темпы восстановления брошенных кварталов. Отчасти из-за безалаберности и непрофессионализма вояк в этих вопросах — у бандитов получалось всё же лучше. Но в основном из-за нехватки солдат, их вдруг всерьёз стали учить воевать. Строевую подготовку резко сократили. В брошенной промзоне прогремели взрывы, поработали бульдозеры, и на новом полигоне затарахтели винтовки и пулемёты, загревели выстрелы даже из лёгких пушек и миномётов. Работать в развалинах стало просто некому.

Какое до этого дело Джону? Ему нравилось думать, что в развалинах он с ребятами не только ради денег и приключений, что, оживляя мёртвый город, они действительно исправляют неправильный мир. И Джонни искренне считал, что служба в армии даже во время войны — это всего лишь бизнес, способ состояться в жизни, чего-то достичь. В тот конкретный момент ему надоело зависеть от тупости и жадности штаба округа, Джону пожелалось прорубиться в большой мир, минуя жандармские посты сборного пункта при штабе округа. Формально пограничные банды входили в клан Та-ну, но во времена его могущества их делишки казались боссам слишком мелкими. И банды существовали сразу в двух мирах, людском и крысином — им всегда было куда удрать. Клан взимал с них чисто номинальную дань как выражение покорности, но стоило боссу лишь пошатнуться, «пограничники» дружно явили свою крысиную сущность — сбежали с корабля, объявили себя нейтральными. Джонни хищно оскалился, когда узнал от Карла подробности, — теперь им некуда бежать из развалин, и так здорово будет подать расправу над ними как кару за предательство!

Исходя из этих соображений, он наметил первую цель. Банда располагалась недалеко от логова стаи Фила, оседлала старую дорогу, ответвление от федеральной трассы. Её в своё время перегородили бетонными блоками, но бандюги не поленились расчистить проезжую часть. Дорожка к ним не зарастала — граждане тянулись к дурману, к свободе. «Пограничники» неплохо устроились — они были ближайшими к городу посредниками. Правда, большинству крыс развалин до них далековато, но дельцы компенсировали это неудобство ассортиментом и ценами. И кому неудобство, а им только в жилу — крысы на них почти не нападали.

Потому они не представляли для Джонни никакой проблемы. Снова пришлось работать ему с пятёркой инструкторов. Хотя Джон надеялся, что вытащил мужиков в последний или предпоследний раз — Карл и Чен уже лежали в коме после финальной серии, Стив, Джош и Гарри начали курс. В общем, уповая на лучшее, бойцы ночью выдвинулись к расположению противника. Оборону враг придумал простую и эффективную — тоже дом, вокруг расчищенное пространство, с торцов здания на небольшом удалении от него баррикады с огневыми точками. Через пустырь перед домом проложена тропинка и стоят таблички с предупреждением «мины». Горели прожектора, но освещали лишь тропинку. Джонни с этарцами три ночи готовили проходы через минное поле. Оно давно не обновлялось, и корпуса большинства мин проржавели, но хотелось избежать ненужных потерь, и Джонни с удивлением принял новый подарок от «Зова» — он хорошо видел в темноте. Цвета не различал, но в чёрно-белом виде всё выглядело контрастно.

На четвёртые сутки очнулся Карл — по его лицу потекли слёзы, парень заплакал. Джон посидел с другом, внимательно его слушал. Он тоже повидался с мамой, и... он расстреливал Джона из станкового пулемёта, он разрывал его на куски! Но Джонни срастался, оживал и улыбался ему, а он вставлял новую ленту — и так без конца. Джонни сказал, что это добрый знак, Карлу не в чем себя винить, и, вытащив за шиворот Пауля из палаты, отправил его спать, а сам пошёл убивать бандитов. Затемно пришли в точку встречи, Фил сообщил, что стая уже вышла, скоро будет на позиции и атакуе по сигналу. Джонни с инструкторами юркими змейками поползли к противнику. Джон с Цербером взяли себе левую баррикаду, Гор с Рексом правую, а Бах и Уран затаились под окнами дома. Джонни обогнул укрепление в поиске выгодного ракурса. Наконец разглядел ручной пулемёт и двух человек. Мужики курили и о чём-то негромко разговаривали. Два ножа в глотки, и беседа заглохла. Джонни отчётливо разобрал чей-то предсмертный всхлип неподалёку, и новый привет от «Зова» — он слышал скрип лезвия ножа Цербера по бандитским рёбрам. Ещё раз всё оглядев, Джонни три раза выключил и включил рацию. Через секунду рация издала ответные потрескивания — Гор с Рексом закончили у себя, пора двигаться дальше. С обратной стороны здания двери подъездов, вернее, уже дверные проёмы. А за зданием бандитский табор — огороженное собранным из всякого хлама и увитым колючей проволокой забором, за ним самодельные постройки, оттуда доносятся звуки музыки, смех, пьяные выкрики. Джон и Цербер заняли удобные позиции, чтоб отсечь огнём из трофейных ручных пулемётов табор от здания. Джонни дал сигнал о готовности. Получив ответ, внятно произнёс в рацию, — пора, Фил.

Джонни не услышал ни «ура!», ни «банзай!», — крысы бросились в атаку беззвучно. Но их всё же заметили, когда они преодолели более половины расстояния. Из окон по ним открыли огонь. Бах и Уран принялись забрасывать в окна гранаты, мужики гасили огневые точки даже на верхнем, четвёртом этаже. Но даже с их участием получилось избежать фатальных потерь лишь потому, что бандиты были вооружены пистолетами-пулемётами, «молотилками», и стрелять привыкли в упор. На звуки стрельбы и разрывов гранат из табора побежали люди. Джонни пропустил первых, немногие сразу сообразили, что случилось. А когда дошло до всех, и они стадом ринулись на подмогу, Джон, подпустив их на убойную дистанцию, открыл по толпе кинжальный огонь. Метил на уровень поясиц, чтоб без вариантов. К нему сразу присоединились пулемёты Цербера, Гора и Рекса. Среди лежащих в пропитанной кровью грязи людей невредимых не было. Залечь у них не хватило опыта и шакалы не дали им времени. Только закончили расстрел, из-за угла здания появились

первые крысы. Частью проникли в дом добивать его защитников с тыла, частью кинулись в бандитский табор. От него успели отъехать несколько машин — Джонни с чувством помахал им ручкой. До того, как этих «нейтралов» порешат люди Та-ну, они многое успеют рассказать. «Пограничники» всерьёз задумаются о том, что не так уж выгодно продавать оружие крысам.

Когда совсем рассвело, подъехали ребята на джипах. Стае Филадельфия досталась богатая добыча — «молотилки», дробовики, патроны, много еды и воды. Им даже помогли с доставкой трофеев в их новое логово, то заброшенное учебное заведение. Джон забрал отряду лишь весь кукси — с ликвидацией ближайшего конкурента их обороты должны вырасти. Но главный их приз — бандитская база, а нынче полицейский пост. Парадная дверь в большой мир.

* * *

Вернувшись в «особняк» Джонни застал Чена в сознании и почти здоровым. Только взгляд его, непривычно задумчивый, говорил, что с ним произошло нечто необычное. У его постели, конечно, сидел господин Че-на. Джон уже хотел потихоньку уйти, но джариец его окликнул:

— Джонни, подойди, пожалуйста, у меня к тебе просьба.

— Слушаю, господин Че-на, — почтительно ответил Джон.

— Э... ты присядь, — начал отец Брюса, — возможно, мне придётся тебя уговаривать.

Заинтригованный Джонни присел на стул.

— Дело в том, Джонни, — смущаясь, поведал господин Че-на, — что в Маленьком Джаро НеЮорока остались мои знакомые. Они переселенцы, Такиея — чужая для них страна, но им пришлось бежать. Мне хотелось бы им помочь, и лаборатории нужны работники. Поверь, это лучший вариант — им просто не с кем будет болтать!

— Опа! — кто-то весело проорал в голове Джонни. Некому работать в развалинах? Да народу пруд пруди, и этим людям не грозит призыв — они же не граждане. А население? Городу нужно мирное, дружественное отряду население, для которого их отряд станет защитником, опорой.

— Э... господин Че-на, — осторожно ответил Джон, — у нас непростые бытовые условия и тут всё ещё опасно...

— Ты не представляешь, что им пришлось вынести на родине, — горячо ответил Че-на, — и каково им сейчас!

— Угу, не представляю, — подумал Джон, подавив усмешку, а вслух нехотя проговорил, — я-то не против, но это Общество помощи переселенцам, как они отнесутся к их переезду сюда?

— Как к этому отнесётся Якудза? — взгляд Че-на засветился насмешкой. — А разве тебя волновало их мнение в том клубе?

— Во как! — некто прокомментировал в сознании Джона.

— А их? Их волнует Якудза? — Джон не отставал от джарийца.

— Пока они в Маленьком Джаро, конечно да. Но как только появится шанс вырваться из их лап... — покачал Че-на головой, — да они за один только шанс кому угодно голову оторвут.

— Ага! А среди них есть образованные люди? — заинтересовался Джонни, — оружейники, химики, прочие специалисты?

— Встречаются, — кивнул учёный с улыбкой, — только им приходится заниматься всякой ерундой.

— Чем, например?

— Да кто во что горазд, — Че-на махнул рукой, — садовники, парикмахеры, прачки, сиделки, или как ты года-то — мусорщики.

— Замечательно! — воскликнул Джон, — пишите знакомым письма, постарайтесь вспомнить их побольше.

— Э... всем? — удивился Че-на.

— Но вы же не бросите земляков в беде! — уверенно закрутил Джон беседу, вставая.

Че-на проводил его задумчивым взглядом, — хотелось бы мне понять, что задумал этот псих!

— Зачем, папа? — тихонько откликнулся Брюс, — позже сам увидишь, что получится — у него всегда всё получается.

Хоть Джон и не слышал слов Брюса, уверенности ему было не занимать. Он вызвал Карла, услышал от Пауля, что он поехал по делам, и что сам Пауль очень хочет поболтать с Джоном. Джонни ругнулся на неугомонность Карла — ещё и суток не прошло, как вышел из комы, и на тебе — дела у него. Прошёл в мастерскую и сразу получил две новости — плохую и так себе. Плохой новостью стало то, что никто из резервистов ни под каким соусом не желает связываться с огнестрельным оружием. Вот огнемёты и отравляющие вещества — это запросто. Типа, они думают, что шакалы будут ими тараканов морить. А огнестрел — статья без вариантов. Вторая же новость — Дэн прислал большевиков, их либо забелил Особый отдел, либо они стучат. Вот эти мужики готовы делать оружие для революционных отрядов, только нефига в этом не понимают. Ну, не то, чтобы совсем, многие из них даже квалифицированные рабочие, но с оружием им дела иметь ещё не доводилось. Вот Пауль предлагает пока начать изготовление чего попроще, чтобы запустить производство, оживить, опробовать станки. Обжить новое место, оглядеться. И он очень просит шакалов составить им компанию хотя бы на первое время, а то он диких крыс боится. Джонни его обрадовал, что он как раз свободен, велел Паулю собираться, вызвал по рации ребят и сам пошёл экипироваться.

Прогулялись, то есть прокатились, конечно, без приключений. Гарнизон новой крепости встретил их как положено — на дальних подступах внезапно материализовались из окружающего пространства, узнали Джона, предупредили по рации о визите и вновь растворились среди руин. Джонни даже повеселел. В новом здании кипела работа — вожак не терпел безделья. Ребята выметали мусор, стирали пыль, выносили обломки. Тут расцвёл Пауль, ему, как урождённому этару, ордунг душу греет. К ним подошёл вожак, и оказалось, что зовут его Джои, и он больше не вожак, а командир — Фил рассказал ему о «добровольцах». Джон не стал врать, — Джои, я уверен, что ты станешь командиром, и твои «коренные» станут хорошими бойцами. Но «новички» вряд ли, наша подготовка не для их лет.

— Возможно, — грустно ответил Джои, — но я не собираюсь мешать им заблуждаться. Надеюсь, что ты тоже.

— Ничего нет хуже напрасных надежд, — сухо проговорил Джонни, — ты жесток.

— Я вожак, — отрезал Джои лирику. Джон не счёл для себя возможным вмешиваться в

дела его стаи. В конце концов, он в ответе за своих людей. Убедившись, что Паулю на новом месте интересно, и встретили его ребят доброжелательно, Джон собрался обратно, всё равно нефига не понимает в производстве.

В «особняк» он успел как раз к обеду, получил из добрых рук Томаса полную чашку вкуснейшей, наваристой «харпёровой» похлёбки и в очередной раз поблагодарил судьбу за такого друга. Он мало того, что упёр с собой из столовки мешок специй, так ещё и прихватил маленькую электропечь для выпекания хлеба офицерам и мешок пшеничной муки. А сразу после обеда из города вернулся Карл и сразу потащил Джона в штаб-логово. Даже от еды отказался, так ему не терпелось, дескать, он по дороге сандвич слопал.

— И стоило так переживать? — пожал плечами Джонни в ответ на его новости. Карл встречался с мистером Грегори, тот сообщил, что первые гастролёры уже прибыли, их как раз размещают. Им поставили задачу — пограничные банды. Вот мол, они завели с вояками какие-то делишки, мало им, что с крыс и торчков бабло лопатой гребут — совсем совесть потеряли и не делятся. И что, если их зарыть, вояки останутся без денег, жандармов можно будет пачками скупать, как на распродаже. Но гостей это уже не интересовало — прислали клинических буйволов. Мужикам до смерти надоело бегать с «молотилками» по прихоти боссов, им бы самим стать боссами, пусть даже маленькими. А тут им на растерзание даром отдают такие хлебные места. И у них даже сомнения не возникло, с чего это вдруг?

— В общем, завтра-послезавтра начнётся, — Карл потирал ладоши, — дело за тобой, Джонни.

— Да дело-то уже в шляпе, — усмехнулся Джон, — из стаи Филя в лазарете пятеро средней тяжести, стоя при трофеях, репутации. Никого не придётся уговаривать.

Ребята решили после зачистки и захвата баз «пограничников» направить на них стаю диких крыс. Пришлые бандюги приготовиться к такому обороту не успеют, да и не сумеют — нет у них опыта.

— Только я передумал помогать дикарям, — сказал Джон задумчиво, — пусть бандиты их слегка проредят.

— Ты жесток, — Карл поджал губы.

— Я вожак, — ответил Джон, припомнив слова Джои, — мне положено быть жестоким. И не время распускать соплю, дружище, нас ждёт не дождётся большой город!

— Это какой ещё? — нахмурился Карл.

— НеЮрок! — возвестил Джонни, — я обещал Та-ну большую войну кланов — неудобно разочаровывать старика.

Первая война за деньги/ Разведка боем

Джонни позвал в штаб-логово старых знакомых, старших отделений и командира, лейтенанта Ха-риса. И сообщил им радостные новости — они все скоро будут воевать, и не просто так, а за деньги. Народ взял паузу на усваивание информации.

— Джонни, а миллиончик уже можно забрать? — мило поинтересовалась Люси.

— Да, дорогая, завтра съездим в «Та-ну траст», — Джон ей ласково улыбнулся, — тебе нужно будет подписать кое-какие бумаги, и ты — глава нашей скромной охранной компании.

— А школа? — насупилась Люси.

— Господин Та-ну обещал направить сюда своих менеджеров, то есть управленцев магистрата, — заверил её Джон, — ты не переживай, всё будет тип-топ.

— А когда? — закапризничала Люси.

— Ну, ясно, когда, — ухмыльнулся Карл, — после нашего успеха, конечно. Какой смысл вкладывать деньги в мертвецов?

— А можно разбить операцию на этапы? — подал идею Ха-рис, — на первом этапе опробуем на пограничных бандах новое оружие, наладим взаимодействие с крысами. На втором этапе предлагаю организовать серию провокаций. Ведь не просто ж так вооружённые подонки лютуют в мёртвом городе? Скорей всего, силами заключённых восстанавливается инфраструктура. А мы навяжем им партизанскую войну.

— Точно, командир! — азартно заговорил Джош, — им тогда придётся или закрывать проект, или пытаться что-то с нами сделать, — он аж зажмурился в предвкушении, — полезут карать...

— Нужен вооружённый бунт в зонах, — серьёзно сказал Харпёр, — виски и оружие.

Джон ему понимающе улыбнулся — ишь, понравилось толстому!

— Только, Джонни, пожалуйста, сам в тюрюгу не лезь, — попросил Карл.

— Да я бы полез, но времени нет на такую операцию, — вздохнул Джон. — Итак, за основу принимаем план командира, хотя платить нам за этапы не будут — только за всю работу по результату. Деньги делим так — миллион на городское обустройство, миллион отряду на поддержание боеспособности, и миллион бойцам и командирам — доли по заслугам. Возражений нет?

Народ прикинул, сколько примерно получается на каждого за месяц уже привычной работы... ух ты, не меньше тысячи баксов! Парни дружно выразили одобрение.

* * *

Джона решение устраивало вдвойне — что бы он ни говорил Карлу о том, что вожаку положено быть жестоким, его мутило от идеи слать людей на заведомую гибель. Скорее, она его бесила — он считал, что право на жестокость придумали подхалимы плохих вожаков, вынужденных за собственное недомыслие расплачиваться чужими жизнями. Ошибаться, конечно, может каждый, но каждый сам себе судья, и никакое право не способно было оправдать Джона перед самим собой. И он почувствовал новое в себе — «Зов» дал ему понимание, что никому его оправдания не нужны. Вожак либо поступает правильно, и за

ним идёт стая, либо он сам идёт... Вот затея со школой была воспринята ребятами без возражений, они считают её правильной. И правильной была расправа над «пограничниками», теперь там геодезисты под охраной полиции снимают местность под строительство нового грузового терминала. И решение о джарийцах правильное, даже полезное. Знакомые господина Че-на поселились в его доме, снова заработала прачечная — это для отряда немаловажно. А кроме прачечной, там временное общежитие — по тому адресу Брюс отправляет соотечественников из Маленького Джаро НеЮрока. И ремонт «первого» и «второго» под общежития — правильно, нефиг девчонкам делать в военных борделях. И даже если их выгонят со службы... ну, в штабе округа одним зампотылу станет меньше, и девушек сразу примут обратно — господин Та-ну словами не бросается. Здорово быть благородным, когда тебе лично это не стоит ни сантима!

И главное, что всё это — не оправдания, не замаливание грехов. Джону не в чем было себя винить. Майор Чарли ляпнул про шакалов, «к которым Джонни не привык». Да к такому невозможно привыкнуть! Тогда, во времена его юности, окрестные фермеры нанимали сброд за виски, и пьяным стадом шли в развалины родного города Джонни. Шли карать — Джон видел, что они творили с попадавшимися им людьми. Со всеми без разбору, ведь истинные «виновники» были неуловимы для этого быдла. И Джонни с особой любовью размещал скальпы тех дворняг на дверях и заборах их же домов. То, что они затеяли, по сути являлось той же охотой на бешеных псов, только в масштабе и с другого боку. Для Джонни уже не было разницы между теми недошакалами, бандитами и «крутыми». Он искренне полагал, что у него с ними не могло быть мира, только перемирие — то, что он не убивал кого-то из них, означало лишь, что Джон пока сильно занят, убивая прочих. Или, планирует новую расправу — Джонни был убеждён, что именно эти «неправильные» люди разрушили его правильный мир. И с каждой новой встречей с ними получал тому лишние подтверждения.

Ни он, ни Карл не рассчитывали на всезнание мистера Грегори, тем более не надеялись на его полную откровенность. Ребята были уверены — гастролёры не станут полностью светиться перед «хозяевами». Они, конечно, расположились на указанных адресах, почтительно выслушивали представителей принимающей стороны. А сами тихом протащили в город втрое больше людей и оружия! Джон неслучайно узнал об этом — донесли его юные дозорные. Мальчишки, с их крысиным воспитанием, легко вжились в роли мусорщиков и «помогаек», без особых проблем наладили отношения с подростковыми шайками. И мимо их внимания не прошли пришлые мордвороты специфического облика. И новые друзья дозорных сразу заметили новичков в своих районах. Ребятки точно срисовали их лёжки, даже тайком сфотали фигурантов «фас, профиль». Капитан Ха-на, увидев снимки, часть узнал сразу, остальных разъяснили по картотеке. Как и ожидалось, на гостях пробы некуда было ставить, к тому же половина оказались в розыске по подозрению в совершении особо тяжких. Толстый начальник участка слегка растерялся от перспектив, он не был готов к настолько масштабному нашествию клиентов. И ничего хорошего в ближайшем будущем не ждал, затейливо матеря Джонни.

Джон и сам чувствовал себя виноватым. Пришлые быстро огляделись в городе, свели знакомство с бандами «крутых», они, кстати, из-за мобилизации весьма помолодели. И начались безобразия — племянницу покойного Сэмми избили прямо в дядюшкином баре. Вообще, его купил Карл, и, когда бар стал не нужен, нанял душку Фло приглядывать в заведении, потребовав с неё просто нулевую рентабельность. Но к ней пожаловала

обкуренная гопота, назначили неподъёмную дань и навязали способ её выплаты — игровые автоматы и нелегальная торговля спиртным. Та же история произошла со знакомыми Че-на в его прачечной — им «всего лишь» назначили оброк. И такие вещи творились повсюду — город за неделю накрыло волной «стихийного» рэкета.

Джону пришлось вмешаться, для начала он проконсультировался с Люси. Джонни уже привык с ней советоваться, признавая её очевидное интеллектуальное превосходство. И вообще — ему просто очень нравилось с ней говорить. Люси удалось объяснить ему природу этих явлений. По её мнению, клан Та-ну, как и любой другой, просто пережиток феодальных отношений. Ни один босс не сможет полностью содержать «войско», потому отдаёт «баронам» на кормление часть «своей» территории в обмен за их полную поддержку. Каждый такой наместник клана был уверен как в способности Та-ну самостоятельно уничтожить любого из них, так и в его готовности защитить каждого от кого угодно, прежде всего, от других своих «баронов». Но все они помнили, что Та-ну стал лидером клана, просто став самым сильным наместником и убив старого предводителя. Каждый из них мечтал о подобном — стремился расширить кормовую базу, защищал «свою землю» и людей, работал на перспективу, не стремясь сорвать быстрее и больше, и наращивал силы — рекрутировал молодняк, переманивал бойцов.

Но пришёл один лопухий подонок и всё разрушил — забрал бойцов в армию. Главное — разрушил репутацию некогда великого и ужасного господина Та-ну. В результате город стал «ничьим», «крутым» стало некуда рекрутироваться, и они решили «подняться» самостоятельно. Пришлые бандиты им только подсказали, надеясь просто урвать побольше под это дело. Люси назвала происходящее в городе этапом захвата и уверенно предсказала этап передела — новые банды в кровавых разборках примутся выбирать своего лидера. Именно своего — кандидатура Та-ну ими уже не рассматривается, коль он, вообще, допустил такое в своём городе.

Джонни, угрюмо кивнув, уже собрался было «прогуляться», Люси еле как сумела его остановить. Умница предложила Джону не менять план компании, не отвлекаться, она, мол, умеет работать с молодёжью и справится сама. Джон аж заинтересовался, что от него, вообще-то, и требовалось, ведь её участие дальше советов не предполагалось даже ей самой. Люси предложила простую схему воспитательной работы. Лейтенант Ха-рис будет регулярно, по вечерам, отпускать ребят Джона в городские ночные клубы — как раз набирает бешеную популярность новое направление «ком с горы». Человек по пять-десять в одно заведение за раз будет достаточно. А утром те же ребята в компании с полицейскими проведут в старших классах городских школ уроки патриотизма — расскажут избитым вечером допризывникам что, главное — кто, ждёт их в армии не далее, чем через год. Поведают дерзким юношам о развалинах, гауптвахте и жандармерии. Полицейские следом распишут пылким романтикам альтернативный вариант — временное ограничение прав за уклонение от призыва и прочие безобразия. То есть, что, и снова главное — кто, ждёт их за колючей проволокой, начиная прямо с текущего момента, если у них мозгов не прибавится. Вот как тех козлов, что избili знакомых господина Че-на и душку Фло — тут Люси настаивала на возмездии, ведь дело касалось их лично. И требовался наглядный пример.

А пришлых бандитов достаточно лишь подтолкнуть к нужным решениям — просто сдать копам их «тайные» лёжки. И никто им не виноват, сами спалились, ведь их предупреждали, чтоб не валандались. Капитан Ха-на сможет отличиться, глядишь, и станет майором, начальником полиции города — вот господин Та-ну порадует! Ну и Джонни

немножко. Кстати, Люси не советует ему в сборе информации полностью полагаться на разведку Джудии, нельзя прекращать самостоятельную работу, ведь информации много не бывает. А лучше бы ему поручить это дело капралу Джону, папе Карла, и самому заняться уже чем-нибудь стоящим, например, диалогом с дикими крысами и дальней разведкой. А то ж ведь другой конец города не близок, мёртвый Чи-хахо очень большой, а времени на исполнение контракта остаётся всё меньше.

Джонни с лёгкой душой признал её правоту. Он и сам считал верхом расточительства тратить время подготовленных бойцов на всякую шпану. Обсудил план с лейтенантом Харрисом, и они решили, пока бандиты раскачиваются, разведать пограничные районы, всё спланировать, подготовить. Лейтенант настоял на применении всей мощи отряда при зачистке пограничных баз, и Джон принял его резоны. Во-первых, бандиты должны быть уверены, что их чистили именно военные. Во-вторых, крысы уверуют в их непобедимость и легко согласятся на дальний поход, в-третьих, отряд получит опыт реального боя, а не стычек и засад, как всё время до этого.

* * *

Джона не покидала тревога — он чувствовал, что новый противник будет непрост, что это не городские банды и не уже привычные крысы. Поэтому он готовился в дальнюю разведку даже для него особенно тщательно. Как и предполагалось, удалось легко договориться с «приходящими» разведчиками. Через них вожакам стай была предложена помощь в нападении на пограничные банды, в обмен на их участие в дальнем походе. Крысы немного покочевряжились, им показалась слишком необычной схема раздела добычи — они забирают всё, кроме пленных. Само понятие «пленные» противно их натуре. Но, пусть и с перекошенными отвращением рожам, они вынуждены были согласиться, ведь у них была примерно та же история, что и у стаи Джои — их изгнали из «родных» районов. А две маленькие стаи были родом с тех самых окраин — у них нашлись два десятка «коренных» парней, чьё детство прошло именно там. И что Джонни принял за подарок судьбы — трое из них стали разведчиками и дожили до их встречи! Он легко включил ребят в группу, так им захотелось повидать родные края. Лейтенант Харрис командировал с ними толкового радиста с рацией дальнего действия, Пауль выделил двух операторов дронов-разведчиков с парой аппаратов. Джон не стал звать с собой этаров, командир попросил не отвлекать инструкторов — они всю натаскивали солдат его роты. И старых знакомых нельзя было брать, ребята начали курс «Зова», многие приближались к финальной серии. Он отобрал пятёрку проверенных бешеных жандармов и уже своего снайпера для прикрытия. Снайперов лейтенанта Харриса использовали лишь в роли инструкторов — самих их посылать в развалины было бессмысленно, поздно уже мужиков учить. И вообще не зачем — майор Чарли выполнил заявку точно в срок, в тот момент у отряда было целое отделение своих снайперов, и уже шла доводка штатных винтовок, их оснащение оптикой. Так Джон под это дело просто забрал своей группе лучшие ружья с самыми удачными самодельными прицелами, и, немного поколебавшись, прихватил ещё пару бойцов с ручным пулемётом. Это его решение вызвало у лейтенанта лёгкую оторопь, и он даже не отреагировал на ящик лимонок, спасательные маски и противогазы, погруженные в джип «на всякий случай».

Наконец, с утра в свои стаи ушли разведчики предупредить о прохождении

«неправильных солдат» через их территорию и попросить присмотреть, чтоб солдаты прошли без происшествий. После обеда группа выдвинулась на трёх джипах. Ехали осторожно, с остановками — их встречали жители развалин. Изрядно проехав вглубь развалин, через пару часов устроили привал. Наметили строение под перевалочную базу, радист отстучал сообщение. Пока ждали прибытия группы тыла, всего десяток жандармов с боезапасом, водой и продуктами на неделю, облазили окрестности, осмотрелись. Дождались гарнизон их нового «блокпоста» и двинулись дальше. Ещё через два часа снова остановка, разведка, выбор здания, сообщение и ожидание подкреплений. К вечеру дождались ребят, сдали им объект и устроились отдыхать до утра. С рассветом, перекусив на дорожку, продолжили движение пешком. Дальше начинались районы крыс-огородников.

* * *

Сборный пункт располагался на восточной окраине мегаполиса, а клиенты, по данным господина Та-ну, на западной. Кратчайший путь лежал через районы огородников, обходить их пришлось бы через, не понять кем, занятые области — потребовалась бы отдельная длительная разведывательная операция. А насчёт огородников у Джона возникли мысли и смутные подозрения, ведь «по другую сторону» от них начиналась зона влияния «других шакалов». В отличие от кочевых крыс, огородники не проявляли особой агрессивности, предпочитая со всеми договариваться. Но к своей земле относились уж очень трепетно — в своих кварталах огородники атаковали незваных чужаков вне зависимости от шансов на успех. Ведь стаи их были, как и прочие, крысиными — вожаки, солдаты, дозорные, разведчики... и рабочие. Рабочие — это в основном беглецы, которым пограничные банды «помогли обрести свободу». Рабочих без затей подсаживали на дурь, и бедняги выращивали кукси, овощи просто за отраву, еду и чтоб не били. Вот с этими душевными людьми Джону требовалось договориться, война с ними в его планы пока не входила. Он рассчитывал на крыс проводников, парни постоянно ходили к ним для обмена. Вот и группа вышла на общую тропинку и под пристальными взглядами дозорных пошла к «базарному» дому. Подошли и встали под окнами. Джонни даже немного развеселился — они стояли под прицелом, как на расстреле. Через пару минут к ним вышли два явных крысиных солдата с «молотилками» наизготовку. Их можно было бы принять за настоящих солдат — оба в знакомой полевой форме, на головах форменные кепи. Кабы не их особая, крысиная, пластика движений, животная настороженность, прищур внимательных глаз, умело обшаривших гостей, не отвлекаясь от окрестностей. Один из них занял позицию в дверном проёме, другой подошёл к посетителям немного сбоку. Так, чтобы не перекрыть товарищу сектор обстрела.

— Кого это вы привели, Джек? — презрительно сплюнув, обратился он к нашему проводнику. Джонни безмятежно любовался стеной дома поверх его головы — сразу стрелять не стали, значит, есть шансы на диалог.

— Вожак неправильных солдат принёс вашим старшим дружеское слово, — торжественно ответил проводник, матёрый крыса-разведчик.

— Джек, ты всерьёз полагаешь, что мы сами отведём шакалов к нашим вожакам? Проводим их через нашу землю? — удивился «огородник». — Ты ведь ещё ни разу не был дураком, Джек!

— Сэм, ты назвал меня дураком, или мне показалось? — вкрадчиво переспросил Джек.

— Что ты, Джеки! — воскликнул явно струхнувший Сэм, — я ж и говорю, что вот Джек, который ни разу не был дураком! И я ещё не выжил из ума, чтобы отвести шакалов...

— Неправильные солдаты принесли доброе слово, — со вздохом проговорил Джек. — Ты хочешь, чтобы они пришли молча?

— Говоришь, с дружеским словом? — поскрёб Сэм затылок под кепкой, — ладно. Идите строго за мной.

Он забросил автомат за плечо и побрёл не торопясь, даже сунул руки в карманы и засвистел популярный мотивчик. Его напарник скрылся в доме, так и не сказав ни слова — Джон был уверен, что уже рванул с важным донесением пацан-дозорный. Внезапно он почувствовал, как завибрировал датчик вызова его рации. Джон, скосив глаза, обвёл группу, кто это нажал вызов? Ребята растерянно переглянулись и уставились на Джонни, тот им лишь виновато улыбнулся — мол, извиняюсь. Парни успокоились, а на лице Джона так и осталась полуулыбка. — Неподалёку работала рация на полицейской волне, ага, пацан, блин, побежал!

Крыса-солдат вёл их по дуге, старательно обходя что-то, не предназначенное для чужих глаз. Они шли по осевой линии широкой, относительно чистой улицы, и Джон кожей чувствовал взгляды аборигенов, устремлённые на него сквозь прицелы. А их провожатый шёл, посвистывая, зная, что стоит хотя бы одному из группы сойти с тропинки, отстать, по ним, по всем, немедленно откроют огонь. Но подошли к двухэтажному зданию, одиноко торчащему на пустыре, заваленном крупными обломками — на нём толком не спрячешься и быстро не побегаешь. Провожатый довёл группу до входа, бросил «залазьте» и повернул обратно. Внутри, судя по сохранившейся стойке, ранее располагался бар. За тремя, сдвинутыми вместе, уцелевшими столиками, сидели десять человек — многовато вожаков для одной стаи, как подумал Джон. Он вежливо поздоровался, его поприветствовали и попросили присаживаться. Предложили самокрутку, Джон отказался. В ответ радушные хозяева лишь пожали плечами — что с солдата взять?

Разговор прошёл ожидаемо ровно. Джон спросил, с кем имеет дело? Ему ответили, что здесь собрались представители четырёх союзных стай. У них нынче типа картеля — торги ведут сообща и защищаются вместе. «Колхоз, блин!» — сказал один, усмехнувшись. Он сразу привлёк внимание Джона — он мог поспорить на что угодно — перед ним сидел не крыса-солдат. Вообще, не крыса. Он не дымил кукси. И его выдавала осанка, вальяжная манера держать руки на столе, открытый, уверенный взгляд, располагающая улыбка, умение носить форму, на прочих она выглядела мешковато. Он привык производить на людей выгодное впечатление, больше походил на офицера. И форма на них, как на встретивших их бойцах, — это была шакаля повседневка! Для Джонни всё стало ясно — и «молотилки», и рация, и шакаля форма — огородники на связи с той стороной, и прямо перед ним сидит её представитель. По уму следовало поворачивать оглобли, но отступать было уже некуда, и Джон перешёл к цели визита. По его словам, часть дружественных «неправильным» солдатам стай желает вернуться в родные края — вдруг там уже можно жить? А то на новом месте стало слишкомлюдно. И стая Джона только рада им помочь — пусть валят похорошему, им же будет меньше работы. Вот Джонни просит пропустить его группу в западные районы просто осмотреться, а потом пропускать другие разведгруппы и переселенцев. И за это они готовы даже платить!

— Не оружием, конечно, и не людьми — наикрутейшей дурью! — возвестил Джон,

вызвав у хозяев дружный смех. Джонни принялся азартно расписывать все прелести «Зова» с точки зрения торчка — ломки нет, ощущения всегда, как в первый раз, и на дозу нужно мизерное количество. А он ещё и повышает выносливость и придаёт сил.

— Ну, если она такая, как ты говоришь, — задумчиво сказал один из актива, — пусть завтра нам принесут немного на пробу. А вы пока тут подождёте.

— Да зачем терять столько времени? — изумился Джон. — Мы вот прямо сейчас пойдём дальше, а дурь вам уже к вечеру принесут. Если разрешите нам связаться со своими по рации.

«Активисты» на мгновение покосились на «офицера», тот с улыбкой ответил, — хорошо, связывайтесь, только мы вас так не отпустим — покормим и дадим провожатых.

— Большое спасибо, — от души поблагодарил Джонни. — Одной дозы хватает на неделю, сколько заказывать разовых доз?

— Полторы тысячи, — машинально ляпнул один активист. На него неодобрительно посмотрели, но никто не возразил. Джон серьёзно кивнул, — значит, сто пятьдесят грамм. Джордж, готовь рацию, а я пока накидаю текст сообщения.

* * *

Огородники торжественно проводили группу — десятки глаз стали свидетелями того, что «неправильные» солдаты покинули их район. Пара провожатых оказались улыбчивыми, общительными парнями. Они сразу честно предупредили, что дальше на запад стай нет, развалины регулярно прочёсывают шакалы, и жить там вряд ли получится. Но они охотно покажут Джону всё, что может его заинтересовать. «Ага, маму маленького гризли!» — весело думал Джонни. Ему сразу стало ясно, зачем им устроили такие проводы, и куда их ведут. Противник просто желает дотошно расспросить Джонни, какого лешего он забыл на западной окраине? У огородников брать группу чревато осложнениями — куксиробам нельзя терять репутацию, работать же станет невозможно. А на вопрос «куда их ведут?» ответила рация Джона — датчик вызова вибрировал каждый час, ребята уже перестали обращать на это внимание. Ясно, что ведут их в засаду, а проводников вызывают ушедшие вперёд, чтоб убедиться, что провожатые ещё живы. Засада уже скорей всего на месте, или скоро там будет — об их выходе и о точке встречи договорились по мощной радиостанции. У группы Джона такая есть, отчего же не предположить подобное у старших товарищей?

Джона в жандармерии уже просветили по многим вопросам, он узнал о гвардейцах. Шакалов готовили не только в учебках. Отслужив в армии, особенно поучаствовав в конфликтах, бойцы получали право стать гвардейцами — им полагалось личное оружие, ежегодные оплачиваемые отпуска на сборы. В каждом городе были их штабы и клубы, все гвардейцы находились в постоянной готовности к вызову — они привлекались к подавлению беспорядков и организации режима чрезвычайного положения. Только стихийные бедствия и бунты случаются нечасто, а деньги нужны всегда — гвардейцы часто нанимались в места ограничения прав. Да что там — для большинства эти места стали местом основной работы! И судя по экипировке крыс-огородников, работа велась серьёзная.

Поэтому, пройдя полдня за провожатыми, Джон дождался очередного радиообмена и, мило им улыбнувшись, просто вырубил обоих. Связал, привёл в чувства, и с помощью армейского ножа получил от них подтверждение своим догадкам. Допрошенные по

отдельности, они достаточно точно описали ориентиры по маршруту и точку встречи. По их словам у группы оставалось с учётом времени на сон около суток. Джонни спокойно прекратил их мучения, приказал группе вернуться назад и запустить дроны над районом огородников. Закончив съёмку, сменить дислокацию, и начинать фотографировать ближайшие кварталы поквратно, насколько аппаратам хватит горючки. А сам забрал у радиста рацию, изъял у потерпевших компактную радиостанцию, прихватил самодельный гранатомёт, закинул в котомку изуверских гранат вдобавок к осколочным и двинул к месту засады.

Через пару часов движения устроил привал, облюбовав уютный полуподвал. Поел, передохнул и решил дальше мощную рацию не тащить. Установил её, настроил на передачу всякой ахинеи через сутки, положил рядом с ней изуверскую гранату, подсоединив к её детонатору датчик объёма. И пошёл дальше, резонно размышляя, что раз у противника есть рации, вполне может найтись и аппаратура пеленгации. А коли не найдётся, граната рванёт зря, и это будет весьма досадно. Прошагав ещё пару часиков, Джон устроился на ночлег. На сон ему нынче требовалось не больше четырёх часов, но он полностью использовал возможность как следует выспаться. Противник рассчитывал завести их группу в ловушку на закате, когда они будут вымотаны переходом. На подходе к месту датчик вызова как ополоумел — начался интенсивный трёп в эфире. Ну, ясно — все уже на местах и в готовности. Джонни оглядел окрестности в бинокль, прикинул вероятные позиции дозорных — ими следовало заняться в первую очередь. Дозорные у противника оказались так себе — Джонни выдавал им своё присутствие лишь финальными ножевыми ударами. Кончив последнего, он прокрался к полуподвалу, где его ждала группа захвата. Уверенно расчехлил гранатомёт и с полусотни метров закинул гостинчик в низенькое оконце. Шарахнуло знатно, из окошка даже вырвалось пламя, а дом как вздрогнул. Джон быстро сменил позицию, из-за дома выскочила пара грузовиков. Только Джонни успел вклеить в тент одного осколочную гранату, как из второго выпрыгнули бойцы и рассыпались в цепь, сходу открыв огонь в белый свет. Однако солнышко уже скрылось за стенами домов, Джон оказался в глубокой тени. Он мог бы без труда прикончить всех, пользуясь своей способностью видеть в темноте, просто не счёл нужным тратить на это время. Легко оторвавшись от противника, Джонни припустил на встречу с группой. Когда он уже достаточно отбежал, его острый слух уловил разрывы гранат — он заминировал трупы дозорных. В принципе, для Джона это было даже благородно — он таким образом заявлял о себе, вызывал на бой, честно дав понять, как собирается его вести.

* * *

Потратив ночь на бег, Джонни с восходом вышел к ребятам. Велел снять с дронов двигатели и аппаратуру, а сами вертолеты сжечь в удачно подвернувшейся печке. Объяснил парням, что путь им предстоит неблизкий, в обход огородов — нельзя им пока там появляться. И идти нужно быстро, противник обладает серьёзными возможностями. Наметил с парнями маршрут, обозначив контрольные точки, сам возглавил арьергардную группу и погнал отряд рысью. Через час послышался гул автомобильных двигателей. Джонни поднялся на крышу ближайшего высотного здания и пророс в рубероид — он насчитал сразу пять автоколонн из двух-трёх грузовиков каждая. Часть уже разгружалась,

бойцы приступили к прочёсыванию местности. Другие машины на хорошей скорости двигались дальше, и Джон понял, что их группа обречена. Примерно через час, грузовики их обойдут, и они окажутся в зоне оцепления. Всем не вырваться, вернее, никому, кроме него с его возможностями. Но он всем своим существом ощущал, что в этом случае эти возможности ему нахрен не нужны! И пришло понимание, что они есть, пока он абсолютно уверен в правильности своих решений — на эту уверенность подключён запуск «Зова». И весело рассмеявшись — выбора-то у него не было — Джонни прикинул возможный маршрут ближайшей колонны. Оценил её вероятнейшую точку выгрузки и скорым маршем погнал туда снайпера и ребят пятёрки прикрытия. Расчёт оказался немного неточным, но плюс-минус сто метров — для них непринципиально. Каратели попали под залп из гранатомётов и снайперский огонь из продвинутых винтовок. Джонни слушал по радиации мат в эфире, как меломан, наслаждаясь каждой нецензурной трелью. И впитывая информацию — неприятель блажил об огневом контакте и требовал подкреплений и помощи. Джонни мысленно восстановил картинку-схему движения машин с карателями, получалось, что так же удачно они пока никуда не успевают. Но есть хорошее место. Снайпер занял позицию в одном из окон длинной жилой шестиэтажки, с торца дома расположились ребята с ручным пулемётом. Стрелок группы легко заставил противника искать убежища, оставив с десятков тел. Неприятель, следуя шакальской логике, решил, что группа оставила смертника, и попробовал обойти снайпера. Понятно, нарвались на пулемётную засаду, и чудом выжившие единицы снова принялись жаловаться в эфир. Одна из колонн резко сменила маршрут, выходя в тыл шестиэтажке, что от неё и нужно было Джону с гранатомётом. Он с улыбкой слушал, как какой-то Колин докладывает «второму», что отряд «Зет» вышел на позицию и прямо сейчас поможет «Иксам». Джон с Джорджем запустили по первой гранате, продублировали. Джонни в радиацию сообщил «второму», что отряд «Зет» приступил к зачистке, и помог Джорджу добить врагов. Выдал в эфир: «Давай, парни, вперёд!», что для посвящённых означало «драпаем во все лопатки», и припустил к контрольной точке.

Джонни быстро запомнил неприятельские позывные и, чётко представляя себе общую картину, нагло этим пользовался — как будто его бес раскладывал пасьянс из карт-людей с оружием на столе брошенных кварталов — выводил противника под расстрел, предугадывал и путал его планы. Цепочки рикошетов складывались звено к звену, группа была везде и нигде, но всегда вовремя и в нужном месте, противник нёс потери, психовал и ошибался. Однако патроны, гранаты и блины к ручнику заканчивались, движение группы неизбежно замедлилось, она оказывалась всё глубже в зоне охвата, кольца вокруг них сужались. И в довершении суровый голос пролаял в эфире, — заткнулись все! У них радиации на нашей волне!

Близилась минута последнего боя. Группа застряла на контрольной точке и затаилась — противник временно сбился с их следа. Но знал, что они неподалёку — Джон услышал собачий лай. Враг задействовал овчарок. Ребята обследовали приютившее их строение, доложили Джону, что в глубину ведут какие-то странные лестницы, но там темно. Джонни вспомнил, что ему напонила эта развалина — станцию метро в Не-Юроке! В Чи-хахо тоже было метро? Он приказал ребятам исследовать вход в подземелье, возможно, это их шанс. Едва парни приступили, их положение было открыто — пришлось открыть огонь. Им встретился опытный, хорошо оснащённый противник — вкусив от снайперского огня, враг использовал дымовую завесу, из гранатомётов в здание полетели гранаты с отравляющим газом. Ребята надели спасательные маски и временно прекратили огонь. Враги, осмелев, приблизились на бросок гранаты — как раз оставалось по одной.

Наступало его время — бесконечность финальной ножевой атаки! Бесконечной потому, что она уведёт его в вечность. Джон не испытывал ни страха, ни сожаления, и даже не удивлялся этому — просто в его жизни всё и должно было кончиться именно так. В целом он был доволен — каратели умылись кровью и... блин! Джордж сбил его с пафоса момента — слишком откровенно радовался и получил пулю в грудь. Ребята умело разрезали на нём китель, заклеили пулевое отверстие, уже пузырящееся кровавой пеной. И в это время доложили снизу — вход в тоннель свободен, только ничего не видно. Джон, совершенно утративший торжественную серьёзность, активировал последнюю изуверскую гранату, парни подхватили Джорджа, и группа направилась в подземелье. Джонни, отпустив их по тоннелю вперёд, остался поджидать неприятеля.

Вдруг сверху аж до входа в тоннель полыхнуло зарево, раздался адский грохот — сработал гостинец. Ещё через четверть часа Джон разглядел бегущие к нему стремительные силуэты. Джонни не стал тратить на псов патроны, что они протии «Зова» и армейского ножа? Он перехватил первую зверюгу в прыжке за верхнюю челюсть и в полуобороте одним резким движением сломал ей шею. Поймав вторую на нож, сместился в сторону, саданув ногой в брюхо третьей. Псы передумали прыгать на него с разбегу — сразу двое попытались проскочить ему за спину, Джон успел подпрыгнуть и в падении сломать одному зверю позвоночник страшным ударом обеих ног. Пронёсся предсмертный звериный визг, собаки замерли в нерешительности.

— Блин, а их хозяева уже рядом, ну же, пёсики, не мотайте моё время. — Он развернулся спиной к стене и замер, приглашая псов атаковать. Они кинулись сразу с нескольких направлений на разных уровнях — в шею, в руки, в ноги, в живот. Джонни работал ножом, как автомат, его покусали, но он ощущал укусы как слабый зуд, не более, а кровь из ран свёртывалась, едва выступив наружу. Собачьи туши сжались серыми мохнатыми комками, или ещё бились в агонии, и уже настал долгожданный миг — впереди заплясали огни фонарей. Джонни точными выстрелами парочку уронил на пол и спрятался в специальной нише, укрытии от поездов для работников тоннеля. Противник яростно расстреливал мрак подземелья. Им пришлось взять паузу на перезарядку, Джон снова сделал два точных выстрела и спрятался. Враг сменил тактику — стреляя по очереди, они двинулись вперёд. Навстречу гибели — когда до них оставался десяток шагов, Джон с утробным урчанием порвал дистанцию. И, не обращая внимания на ноющую боль в плече, предался, как ему тогда казалось, высшему в жизни наслаждению — ближнему бою на холодном оружии. Суматошно заметался свет фонарей на голвах врагов — они не могли его видеть, не успевали осознать, что происходит. Чёрно-белая удивительно контрастная картинка причудливо украсилась световым шоу. Но как бы ни был стремителен его нож, Джону казалось всё слишком медленным — он бил в кадыки ребром ладони раненой левой руки, ударами локтем взламывал грудные кости и пробивал кулаком виски, пятками вбивал обломки рёбер в лёгкие. И когда все фонарики замерли на полу, лишь один на мгновение мазнул лучом по своду тоннеля — Джон с особым вкусом сломал последнему хребет об колено. И вздохнув с лёгким сожалением, что всё закончилось так быстро, побежал догонять ребят.

Через час бега Джонни догнал группу и почти сразу присоединился к Джорджу — потерял сознание.

Джонни проснулся, как снова уснул — он лежал на чистом белье, а рядом с его кроватью сидела на стуле Люси. Его до разрядов в пальцах ног пронзило новое острое ощущение — нега, нежность, радость и желание, даже жажда. Он потянулся к ней...

— Блин, — улыбнулась Люси, — только очнулся! Угомонись, тебе нужно поесть — вот бульончик. Открывай рот и... да убери ты руки, ты ж ещё слаб!

— Ага, и ты знаешь, где мне взять силы, — прооручал Джон уже машинально. Как будто одна часть его сознания оставалась в разуме и ехидно комментировала действия другой... а той части натуры Джона уже были пофиг любые комментарии. Грохнулся опрокинутый стул, звякнула об пол ложка, покатила чашка, жалобно взвизгнули пружины кровати...

— Прекрати! — испуганно воскликнула Люси.

— Ага... шаз... скоро... ты ведь этого ждала, милая? — пробормотал Джонни, входя в ритм. Блаженство волнами прокатывалось через всё его естество, в душе играли в унисон тысячи оргАнов, сознание прояснилось, вновь стало единым, жадно впитывало упоительную сказку до мельчайшей чёрточки, тончайшего оттенка. Джону нестерпимо захотелось поделиться этим с Люси. Слова были не нужны, им хватало взглядов и... в общем, он снова довёл девушку до слёз.

— Ну, вот ты опять! — Джон прервался, — что на этот раз?

— Продолжай, гадёныш, — простонала Люси сквозь слёзы, — про-дол-жай! Всё потом...

Джонни действительно оказался слабее, чем ему хотелось, но, хотелось, всё же, очень сильно, и он не выпускал её из объятий. Сказка продолжалась, она была с ним, смотрела в его глаза..., но поверх её улыбки текли слёзы — Люси снова заплакала!

— Я тебя обидел? — спросил Джон с тревогой.

— Да, — улыбка Люси застыла, она недобро прищурилась, — ты сказал, что я ждала этого. Я сутки не отходила от твоей тушки, врачи сказали, что пять пуль — это слишком для кого угодно. И тебя кто-то очень старательно погрыз. Что нет ни шанса... но они сделали всё, что было в их силах. А я сутки сидела рядом с тобой и... будь ты проклят — ты прав! Я ждала этого!

— Прости, любимая, — Джонни стало стыдно, — не знаю, почему я так сказал.

— Ты прав, — отчётливо повторила Люси, — и будь ты проклят! Я была уверена, что ни хрена тебе не сделается, что ты очнёшься и полезешь мне под юбку.

Джон покраснел и ляпнул, совсем растерявшись, — тогда чего ж ты ревела?

— Я никогда не испытывала даже тени того, что подарил мне ты, Джонни, — прошептала она, — и я уверена, что не испытаю этого больше ни с кем.

— А! — обрадовано воскликнул Джон, — это действует «Зов»! Видать, в тебя немного попадает, когда я... э... то есть мы... э...

— Джонни, милый дурачок, — она ласково проворковала, — тогда во мне этого зелья должно быть по уши! Но я только с тобой...

Джон смутился, задумался и смутился ещё больше.

— Но, милый, я ж тебя тогда совсем не знала, и это всё-таки моя чёртова служба! — принялась оправдываться Люси.

— Люси, «Зов» очень непростой наркотик, — нехотя признался Джонни. — Я понял

это в рейде. Представляешь, я уже хотел бросить группу, уходить один. И ощутил, что в этом мне «Зов» не помощник. Он помогает лишь, когда человек полностью уверен, что поступает правильно. Не считает, что так нужно, не поддаётся уговорам или уговаривает себя сам — «Зов» невозможно обмануть, как себя... свою совесть...

Люси резко отстранилась от Джонни, пристально взгляделась в его лицо и неожиданно ясно и резко сказала, — ты, конопатое, лопоухое чудовище, хочешь сказать..., - она запнулась и вдруг жалобно спросила. — Ты хочешь сказать, что я тебя люблю???

Джон робко кивнул и будто извинился, — ну, и что такого? Я же тебя люблю и не вижу в этом ничего странного.

Люси, резко оттолкнувшись от его забинтованной груди, выпрыгнула из койки. Смешно семеня ногами, на ходу одёрнула юбку, запнулась об стул и наподдала ему ножкой. Встряхнула волосами, поправляя блузку. И едва не бегом покинула палату, от души шарахнув на прощанье дверь.

* * *

Джонни проводил её насмешливым взглядом, устало откинулся на подушку и со счастливой улыбкой закрыл глаза. Примерно на такую реакцию он и рассчитывал. Ему нравилось играть с Люси, вести её и доводить, манипулировать «сотрудницей» разведки. И то, что она это видела, понимала, злилась на Джона, доставляло ему чистую детскую радость. Он тонко чувствовал человеческое отношение к себе, а Люси, как многие до неё, то и дело пыталась «указать ему место». Только пыталась это делать умными словами, и он так же запросто, как с другими, давал ей понять, с кем она связалась, — порой безжалостно троллил бедняжку — Джон никому не спускал подобного. Вот и в этот раз он, засыпая или теряя сознание от слабости, загадал, когда и как она вернётся.

Сон начался сразу, в объёме, в цвете, вообще, со всеми ощущениями. Хотя, Джон, по идее, был без чувств. Джонни вдруг почувствовал, как резкая боль заполняет сознание, картинку затопила алое марево. И вдруг боль стала отдаляться, пелена рассеиваться, он почувствовал облегчение, небывалую лёгкость, и взлетел. Взлетел он невысоко, но достаточно, чтобы увидеть, как ребята подхватывают его безвольное тело, укладывают на спасательный мешок. Срезают одежду, обрабатывают его раны, упаковывают и впрягаются в лямки. Парни, сменяясь, несли его через мрак тоннеля, а он парил следом, налегке, чуть выше и сзади. Это, конечно же, было хамством, и раз уж он временно стал привидением, Джонни решил использовать все преимущества своего положения. Главный его плюс — Джон даже в призрачном виде отлично видел в полной темноте. Как бы ему ни хотелось не отдаляться от собственной тушки, он на чувстве долга и любопытстве полетел посмотреть, что ждёт их впереди.

Вернее просто захотел посмотреть, и стены тоннеля стали размытыми, а шпалы внизу слились в сплошную ленту. Вскоре перед ним распахнулось пространство следующей станции. Джонни полетел разведать выход. Группе через него вполне можно пройти, но станция располагалась на территории огородников. Единственным, но существенным бонусом была хорошо сохранившаяся схема метро. Джон припомнил выданные ему господином Та-ну карты старого Чи-хахо. И сразу обругал себя последними словами — карта развернулась перед его мысленным взором, будто он держал её в руках. Так снизу, в

сносках, был указан синий пунктир и пояснение: «Линия сабвея»! Джонни легко сориентировался в схеме — помогли указанные на ней высотки, их остовы всё ещё высились над развалинами, он хорошо их знал. Наметив маршрут, он вернулся в тоннель и продолжил призрачный полёт к ближайшей развилке, потом снова вышел на станцию — в ней устроили логово дикари. Мысленно поздравив себя с находкой, Джон полетел к следующей станции, но притормозил у неуказанной на схеме развилки. Поддавшись любопытству, Джонни смотался посмотреть, куда ведёт забытый схемой тоннель. И был просто сказочно вознаграждён — наверх он поднялся в «Отморозке»! Вот куда вели уходящие в подземелье шахты! Разведку можно было бы считать успешной, если бы удалось донести её результаты ребятам. Для начала Джон просто очень захотел их увидеть, изображение послушно смазлось, он как будто оказался в трубе — от скорости картинка стала неразличимой, слилась в гладкие бурые стены.

И внезапно включилась в малейших деталях — слева и справа вдоль стенок крались двое его бойцов с винтовками наизготовку, а чуть позади них по центру шёл жандарм с фонарём.

— Авангард, — догадался Джонни, — молодцы ребята, здорово придумали. У парня с фонарём, если что, всё равно почти нет шансов, а так хоть товарищи за него отомстят.

Джон подождал группу. Почти радостно увидел ребят, несущих в мешках его и Джорджа. Теперь Джону оставалось лишь вовремя залезть в свою шкуру. Сделал попытку на пробу, и почти получилось... но было чудовищно больно — боль просто вышвырнула его из сознания. Мысленно переведя призрачный дух, он полез снова... и снова... и сно-о-о-о-ва! Джонни удалось добиться неплохого результата в несколько секунд присутствия в собственном теле. Поздравив себя с промежуточным успехом, Джон попытался для начала пошевелить губами. Получалось с огромным трудом, но всё-таки получалось, и времени у него было достаточно — до станции огородников оставалось около семи километров. И, когда группа вышла к перрону, он смог упорно шептать: «дальше..., дальше..., дальше...» Вылетать из тела от удара жуткой боли, возвращаться и шептать. Чтобы опять зависнуть над своей тушкой, оглядеть спорящих парней и настырно лезть за мукой. Наконец-то на него обратили внимание.

— Тихо! — рявкнул Слон и наклонился к Джонни. Тот в отчаянье, распалённом надеждой, шептал, — дальше, дальше...

— Командир бредит, — заметил Чижик.

— Идём дальше, — решил Слон, — у него и в бреду больше сознания, чем у нас вместе взятых.

Джон с облегчением и благодарностью к Слону покинул ставшую столь неудобной тушку. Прецедент был создан, да и ребят можно понять — просто мистика какая-то. В прочем оставаясь обычным трупом — даже дыхание почти не было слышно, и еле прощупывался слабенький пульс, командир бредил только по делу и вовремя, — дальше, лево, дальше...

Спустя сутки пути Джон их добил, сменив пластинку, — верх!

Группа вышла в «отморозок», Джон наконец-то смог по-людски потерять сознание — впасть в забытьё, переходящее в сон. И так здорово очнуться! Он увидел Люси, входящую в его палату с уставленным тарелками подносом.

— Так я и думал. — Усмехнулся Джон про себя и спросил, не открывая глаз, — ну, что так долго?

По ушам ударил грохот упавшего на пол подноса, звон посуды. Послышались торопливые шаги, с треском ахнула дверь. Джонни, вздрогнув во сне, проснулся по-настоящему и открыл глаза.

* * *

В палате, кроме него, никого не было. Джон скосил глаза — на полу он увидел опрокинутый стул, перевёрнутую чашку, ложку, лужу бульона и всё! Вдруг широко распахнулась дверь.

— Спасибо, боец, — кому-то сказала Люси, задом входя в помещение. Она поудобней перехватила свою ношу, ещё раз поблагодарила кого-то за помощь и торжественно обернулась к Джону. В руках она держала тяжёлый поднос, наполненный тарелками, на лице её блуждала смущённая улыбка.

«Приснитесь же такое!» — вздохнул Джонни с облегчением и улыбнулся Люси во всю мощь своего радушия.

Подбодрённая его улыбкой Люси уже смелее подошла, ловко поддела стул ногой, подтолкнула его к кровати. Наклонившись, поставила поднос на сиденье, принялась раскладывать удобнее столовые приборы, хлеб, ласково приговаривая, — Джонни будет кушать, заслужил, хороший мальчик. Умница — ну его этот бульон! Герои кушают мясо, ам-ам!

Она из-под чёлки лукаво взглянула в его покрасневшее лицо — Джон прикипел взглядом к вырезу на её блузке, — кушать, Джонни! Скоро к тебе придут ребята, вы будете долго и умно строить злодейские планы, тебе понадобятся силы, милый.

Джон, покраснев ещё гуще, сел на кровати, с сомнением потянулся к еде — отчего-то совершенно не хотелось есть. Но он отвлёкся от Люси, и в его душу наконец-то сумели пробиться соблазнительные ароматы. Джонни глухо заурчал и быстро вошёл во вкус, сосредоточившись на жевании и своевременном заполнении рта. Порядком заполнения Джонни пренебрёг, загребая полные ложки из всех тарелок без разбору. Люси заворожено смотрела на него полными весёлого ужаса глазами. Джонни ненадолго прервался, подняв на неё вопросительный взгляд, — м-м-м???

— Возьми вторую ложку, милый, — заботливо пропела Люси, — я думала составить тебе компанию, но тебе и так неплохо. Может, добавочки?

— Мгу-гу, — кивнул Джонни, промычав с полным ртом.

— Тогда отдай тарелку, — Люси принялась собирать посуду, — отдай, говорю, брось её вылизывать!

— Скоро ещё принесу, — Люси поднялась с подносом в руках, — как только освобожусь.

— Это когда? — уточнил Джон.

— Вечером, — ответила Люси уже от дверей, — не шали тут без меня, а то не поправишься.

Люси ушла, но заскучать Джону не дали. Сразу вслед за её уходом к нему в палату пришли Слон, Цербер, Карл, Пауль, лейтенант Ха-рис... и Брюс Чен. Джонни ему даже обрадовался — не усидел в НеЮроке бродяга! Ребята принесли табуретку, кружки, полный чайник кипятка и кофе с сахаром. Как понял Джонни, действительно намечался

Командир занял стул, на табурет установили чайник и кофе с сахаром, Чен и Пауль взгромоздились на подоконник, Слон, Карл и Цербер присели на кровати Джона. Лейтенант разливал кипяток, ребята степенно передавали друг другу кружки. Дружно принялись сосредоточенно прихлёбывать горячий кофе, будто лишь для этого собрались. Джонни принял правила игры, тоже осторожно хлёбал из кружки, ни на кого не глядя.

Пауль, не сдержавшись, прыснул в кружку, Джонни застенчиво улыбнулся.

— Во! И этот цветёт! — усмехнулся Пауль. — Смотрю, Люси в столовке, сама чуть с ног не падает, набирает полный поднос и на выход. Ну, думаю, очнулся Джонни — не иначе.

— Неплохо выглядишь, дружище, — заметил Карл, — почти живой. Кстати, здравствуй.

— И вам не хворать, — кивнул Джон. — Как дела у Джорджа?

— Поправляется, — угрюмо ответил Слон, по его лицу было ясно, что это надолго.

— Капрал Ха-ня, один вопрос, — начал Ха-рис сухо официально и вдруг гаркнул, — какого хрена ты не распустил группу???

— Не ори, лейтенант, — поморщился Цербер. Ха-рис изумлённо обернулся к нему. Цербер соизволил продолжить. — Ну, не понять тебе этого, просто привыкай. И, Джонни, ты-то теперь знаешь, почему мы никогда не бросаем своих?

Джон кивнул и глухо заговорил, — прости, командир, просрал я разведку, нужно было вывести ребят.

— Просрал?? — воскликнул Ха-рис. Все весело уставились на Джона. Лейтенант смотрел на него, как на чудо, наконец, подобрал слова. — Да мы, благодаря вам, уже победили!

Парни, перебивая один другого и перескакивая с темы на тему, долго объясняли Джону, какой он молодец и чего добился своим рейдом.

В общем, и по порядку дела обстояли следующим образом. Они получили прекрасные снимки района огородников и части западных развалин. Так вот через Чи-хахо идёт железная дорога — с севера до огородов, где сворачивает на запад. А на севере есть станция, занятая пограничной бандой, и у огородников есть станция с платформой, тремя колеями и стрелками, но главное — полотно, судя по фоткам, целёхонько, и на станциях просто обязаны оставаться паровозы в консервации.

Далее — линия метро. Обнаружили и взломали подземный бункер в «отморозке». Там нашли три странных локомотива с дизелями и электродвигателями. В ящиках столов уйму макулатуры и карты подземки! И склад до потолка забитый сухими аккумуляторами и отдельно электролитом в бутылках большой ёмкости. Банда Пауля уже заряжает батареи — протянули от «особняка» до «отморозка» кабель, неизвестно, блин, как за электроэнергию расплачиваться. А то ж подстанция уже горела, так её починили и вдобавок пришлось раскошелиться на новую.

Кстати, Пауль весьма порадовался, узнав, что противник сидит на радиосвязи. По его словам, заглушить их мини-станции — решённое дело. Уже монтируется необходимое оборудование на два джипа. Но рации дальнего радиуса надёжно не заглушишь, только откроешь противнику свои козыри — их придётся просто захватывать. Дорабатываются свои

устройства — решили просто уменьшить радиус действия мини-станций, настроив на передвижные модули. Эти аппараты могут менять частоту общения в случайном режиме, их также можно использовать для пеленгации и перехвата. Как раз через неделю всё должно быть готово. Заодно можно опробовать.

Карл, криво усмехаясь, сообщил, что «Зов» огородникам очень понравился. И что ещё вчера к ним ушли две группы. Передать плату за проход и на поиск ребят Джона. Но раз уж группа Джонни уже на базе, им поставили задачу разведать ещё две указанные на карте станции сабвея. Возвращение разведчиков ожидают через четыре-пять дней, как раз к началу. Началу чего? Карл рассказал, что пришлые бандюги наконец-то занялись делом. Коряво, но в целом успешно разгромили «пограничников» и ожидаемо заняли их базы. Папа Карла, капрал Джон До-ка, сообщил содержание интересных телефонных переговоров. Ну, капитан Ха-на организовал прослушку, слегка поправ законность, ему не впервой. Вообще-то, само содержание разговоров было ни о чём, скорей всего, кодировано, интересен всплеск телефонной активности гастролёров. Они до этого не занимались торговлей в развалинах, поставки оружия и прочей крысиной радости у них не налажены. Значит, просили помощи у своих кланов. Бандиты не привыкли терять время — вскоре можно ожидать прибытия значительных партий вкусной контрабанды, ребята в предвкушении потирают заgreбущие ладошки.

Парни решили пока не сливать товар полиции. Ведь уже через неделю, сразу после показательного избиения пришлых на пограничных базах наметили захват огородов. Почему захват огородов назначен как раз через две недели после передачи огородным крысам первой партии «платы за проход», уточнять не стали — всем и так это было ясно. В этих делах все очень надеются на скорейшую поправку Джона — так рассчитывают, что погонят его, если что, прям в бинтах со штативом капельницы за спиной. Необходимо захватить на огородах всех представителей противной стороны, обязательно с живым радистом и передатчиком для радиоигры.

Следом подготовка и начало масштабной операции против «западных» шакалов. Лейтенант Ха-рис, сияя, как именинник, предложил простой план — послать противнику сообщение о массовом нападении на зону огородников с просьбой о помощи, раскатать помощь в тонкий блин ещё на подходе и без паузы нанести удар по ближайшему лагерю. А сиял он в предвкушении славного побоища — командир уже договорился с артиллеристами о проведении «полевых учений в условиях уличного боя». С отряда потребуется лишь доставка и размещение их хозяйства, по тысяче баксов командирам и ещё по тысяче каждому расчёту. По мнению Ха-риса задачка перед ними простенькая — вломиться в ближайший лагерь, вооружить заключённых изъятым у бандитов оружием и стволами пулемётов указать им, куда бежать. Ребятки ничего путного, конечно, сделать не смогут, но поднимут на уши всю округу — шакалы кинутся карать.

— Сказка, как представляю! — томно вздохнул командир, закатив смешливые глазки. — Артзасады, плюс вы там всё заминируете, станкачам нашим подберём позиции...

— Главное — вовремя остановиться, — хмуро пробурчал Карл, — а то нацгвардия сунется гасить беспорядки и попадёт под раздачу, блин.

— И что? — Джонни пожал плечами, — пришлют ещё. И мы не причём!

— Ха-ха-ха! — развеселились парни. Подняв Джону настроение, ребята ещё раз и с ударением пожелали ему скорейшего выздоровления, дескать, у Пауля, если что, есть опыт форсированного оздоровления унтерофицеров. Снова посмеялись и разошлись по делам.

Остались лишь Слон и Чен. Брюс серьёзно посмотрел Джону в глаза и ласково спросил. — Слоник рассказал, как ты командовал группой почти с того света. Что тебе снилось, Джонни?

* * *

Джонни всё рассказал, ничего не утаив. На лицо Слона стоило посмотреть, а Чен оставался бесстрастным, спокойно слушал, прикрыв и так узкие глаза.

— Слоник, надеюсь, ты понял? — спросил Брюс.

— Конечно — никому ни гу-гу! — понятно заверил его здоровяк. — И ребятам скажу, чтоб не трепались.

— Не нужно привлекать лишнее внимание, — улыбнулся Чен, — пусть будет одной легендой больше. Ты кофе допил?

— Ага, пора мне на занятия. Поправляйся, командир, — улыбнулся Слон Джону, уходя.

Чен дождался, когда за Слоном плотно закроется дверь, взял паузу и заговорил, глядя в пустоту перед собой.

— Джонни, это называется умереть. Помнишь, я говорил, что медитация — маленькая смерть? Ты заглянул за край и ничего страшного там не увидел, правда?

Джонни растерянно кивнул.

— Если ты захочешь, не станешь бояться..., - Чен внезапно взглянул ему в глаза, — ты сможешь делать это по своему желанию. Я сейчас уйду, а ты...

— Я тебе уйду! — Джонни пренебрёг пафосом. — Как дела в НеЮроке?

— А? — не сразу включился Чен. — А! В маленьком Джаро! Всё проще некуда — я озадачил кадровые агентства, нам же нужны, прежде всего, специалисты.

— Вот, блин! А джарийцы? Переселенцы? — начал злиться Джон.

— Не нервничай, — улыбнулся Чен, — ну, кто ещё согласится на переезд в развалины? Да и не в одних джарийцах дело, ведь так? И не в одних агентствах — мы вышли на тамошних «крутых».

Джон скривился, — мимо пройти никак было нельзя?

— Они же ни в чём не виноваты, Джон! — вкрадчиво заговорил Брюс, — сам знаешь — от улицы не спрячешься. Они все изначально изгой — работы нет, образование не доступно, на каждом углу наркотики и такие же изгой. Но родители пытаются спасти детей — в Маленьком Джаро я нашёл филиалы старых школ. Якудза готовит там бойцов.

Джонни стал слушать очень внимательно.

— Я сманил к нам троих учителей, вывезли их тайком. — Чен, почувствовав интерес Джона, заговорил свободнее. — За ними придут их ученики. Сюда, Джонни, в отряд. Ведь там они черт-те чем занимаются. Дерутся за деньги, представляешь?

Джон насмешливо кивнул.

— Друг с другом! — горько пояснил Чен, — бывает и насмерть! И один на один, и банда на банду.

— Умница, Брюс, — одобрил Джонни, — лучше уж мы их э..., чем какие-то подонки. Якудза облезет, нам такие ребята нужнее. Кстати, как с твоей подготовкой?

— Я ж говорю, привезли учителей...

— Слушай приказ, — отчётливо произнёс капрал Джон, — подойдешь к Церберу,

передашь, что у тебя ежедневно два часа индивидуальных занятий.

— Так точно, — нехотя отозвался Брюс, — только...

— Подойдёшь к Зо-на, — продолжил Джон, — с ним будешь заниматься до потери сознания — это недолго.

— Но...

— Всё остальное время ходишь с Филом. Теперь всё, приказ ясен? — Джон юмористически по-лейтенантски взглянул на Чена.

— Слушай, но кто-то и с тобой должен заниматься! — воскликнул Чен.

— Так я ж болею!

— Но ведь не помер? Вот сейчас я уйду в наш дворик и буду ждать твоего прихода.

— Какой дворик? Где? — не понял Джон. — И как? Я ж пока ходить не могу!

— Как-как! — усмехнулся Чен, вставая, — как в метро! Я сейчас уйду, а ты медитируй.

Постарайся умереть и ищи меня. Я буду тебя ждать, там поговорим.

— Как поговорим? — обалдел Джон.

— Увидишь, — улыбнулся Чен, обернувшись в дверях, — приступай.

* * *

Джонни долго бездумно смотрел на закрытую Ченом дверь. Он ощущал себя, как перед первой медитацией, — полным идиотом. Он знал, что ни один нормальный человек не станет этим заниматься, ясно же, что ничего не получится. Вернее, неясно, что из этого может получиться. И потому, блин, Джонни было ясно, что он непременно станет этим заниматься! И ощущая себя в точности, как перед первой медитацией, то есть полным идиотом, Джонни сел на кровати, поджав ноги, и закрыл глаза. Джон знал лишь один способ настройки — отмотать ленту памяти, вернуть ощущения нужного момента. Но возвращать момент потери сознания от жуткой боли как-то не хотелось. Лучше сдохнуть, что, впрочем, и требовалось. Ага, а когда он ещё, совсем недавно, прощался с жизнью? Перед последним боем! Не перед крайним, а тем, которого удалось избежать. Всё вернулось — Джона захватили цвета, шумы, только запахов не было — лицо сдавила спасательная маска...

Наступало его время — бесконечность финальной ножевой атаки! Бесконечной потому, что она уведёт его в вечность. Джон не испытывал ни страха, ни сожаления, и даже не удивлялся этому — просто в его жизни всё должно было кончиться именно так. В целом он был доволен — каратели умылись кровью и... блин! Джонни увидел, как ранили Джорджа, как ребята оказывают ему помощь, услышал доклад ребят о тоннеле внизу. И проводил их взглядом... всех — Джон увидел, как он тогда подключил к детонатору изуверского «гостинца» датчик объёма, настроил задержку на две минуты, их должно хватить, чтоб врагов в помещении собралось достаточно. И Джон увидел себя, уходящего последним. Он остался один, завис без тела, без чувств. Но вот в помещение прокралась одна осторожная тень, другая. Овчарка, глухо заворчав, завыла, как звала кого-то. И вправду звала — Джон увидел бегущих к нему людей с винтовками. Он почувствовал дискомфорт — на собачек-то датчик не сработает, но оказаться в компании людей рядом с миной объёмного взрыва даже в призрачном состоянии ему не хотелось.

Кстати, если он в призрачном состоянии, значит, первая часть задания выполнена, и пора переходить к следующей — искать Чена. Ведь он сказал, что будет ждать. Как бы его

найти? Гм, в метро в схожих обстоятельствах Джон просто захотел оказаться рядом с ребятами. Но он же знал, где они находятся и полетел. Может быть, удастся проскочить дуриком? Джонни попытался отключиться от окружающего, представил Брюса, как живого, почти услышал его голос... мдя, такую действительность игнорировать непросто — сработала изуверская хрень. Зато он теперь знает, каково оказаться на Солнце, в книжке по Астрономии написано, что там всегда так же громко, ярко и весело. И после такого, у слегка контуженного приведения сразу получилось сосредоточиться на желании покинуть это место, сменить его хоть на что-нибудь, желательно подальше отсюда.

Разжмурившись, Джонни с интересом огляделся — куда это его выбросило взрывом? Ага, точно, у двухэтажного дома уютный дворик, огороженный почти целым каменным забором, на земле потрескавшаяся брусчатка, даже деревца шуршат листьями под лёгким ветерком. Чен присутствовал, только он и не думал ждать Джона — увлечённо лупцевал Пауля. А тот проявлял упорство, прямо неожиданное для недавнего задохлика. Вот кто бы мог подумать, что этот ботаник-большевик-электрик втихаря учится драться? И уже чему-то научился, ребята и поздоровее его уже вылетели бы в крэшэ, а этот лишь злее становится. Джонни аж залюбовался парнями, и не сразу заметил ещё одного. Пожилой джариец в чёрном шёлковом кимоно, застыл изваянием на коленях. Что-то с ним было не так...

Джон приблизил изображение, или сам приблизился, с привидениями не понять. Ну и пофиг, ведь главное — вокруг фигуры джарийца слабо светился воздух, образуя внешний контур. И контур этот будто жил своей жизнью! Мужик так и сидел неподвижно, а светящийся его двойник обернулся к Джону и взглянул ему в глаза! Джариец вдруг что-то прокричал по-своему. Пауль и Чен прекратили схватку, поклонились друг другу, присели на коленки, закрыли глаза и тоже слабо, едва заметно засветились. А контур мужика, отделившись от тела, встал, подошёл вразвалочку к Джонни, поклонился и... сука заехал Джону кулаком по роже! Было неприятно, но ещё больше было удивительно — Джонни увидел себя, такой же светящийся контур. Джона это обстоятельство весьма порадовало, есть чем подраться! Понеслась! И быстро закончилось. Джон вернулся к противнику и снова отлетел под мощным ударом. И снова... и ещё раз... ну, последний... блин, самый последний!!!

— Ты упорен, я рад, — услышал Джонни в сознании спокойный, добрый голос. — Ты хороший боец, но ты — зверь. Бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть? Здесь это не работает, ты убедился сам. Здесь каждый — и дух, и мысль, и кулак, и... много чего ещё. Тебе интересно?

— Да, господин, — подумал Джон, мысленно адресуясь к джарийцу.

Он улыбнулся, — ты можешь меня видеть, можешь, меня ударить, значит, можешь и говорить со мной. Если тебе действительно интересно, зови меня учителем.

— Да, учитель, — поклонился фантом Джона.

— Очень хорошо, приходи завтра, сейчас тебе пора возвращаться.

— Э... а как?

— Ты что, сознание потерял? — усмехнулся учитель.

— Не, я медитировал!

— Тогда медитируй наоборот! — как маленькому объяснил ему джариец, — сосредоточься и вернись в момент начала медитации.

Джонни поступил, как советовали, и почти сразу его оглушили чьи-то резкие выкрики, — один, два...

Джон открыл глаза. Он лежал в явно не своей палате на жесткой кушетке, и сестричка с очень серьёзным лицом нацелилась зажатými в её ручках дефибрилляторами прямо на его обнажённую грудь. Джонни, не раздумывая, извернувшись, лягнул её в плечо.

— Три! — некто закончил отсчёт.

Тресь, — а-а-а-а-а!!! — Сестричка от неожиданности упала на кого-то справа от неё.

— Джонни, миленький, живой!!! — раздался визг Люси.

* * *

На Люси толком не обратили внимания, медики дружно ринулись спасать сражённого шальным разрядом доктора. Джонни сел на кушетке и спросил, — а что случилось?

Кушетка оказалась каталкой, Люси налегла на ручки, направив её на выход, и грустно ответила, — да ничего! Ты, сволочь, опять неудачно помер, как всегда, достал, блин, уже!

— А ты что тут делаешь? Говорила же, что только вечером освободишься! — недоумевал Джонни, катаясь по коридору.

— Ещё я просила тебя не шалить! — напомнила Люси, толкая каталку.

— Милая! — из дверей покинутого кабинета выглянула сестричка, — каталочку только вернуть не забудь, хорошо?

— Пошла в жопу, дура, — не оборачиваясь, ответила Люси, Джонни смущённо улыбнулся девушке, извиняясь.

— Вот как чувствовала, вырвалась с занятий, школу бросила — попутка подвернулась, — продолжила Люси, притормаживая у дверей палаты Джонни. Открыла дверь, снова навалилась на ручки, подкатила его к кровати, — перелазь. И скажи, что с тобой творится, Джонни???

— Да ничего особенного — просто медитировал, меня Чен научил! — попытался успокоить её Джонни.

— То есть, если я снова увижу, что ты валяешься труп трупом — это ничего особенного?? — заорала Люси. И попросила жалобно. — Джонни, миленький мой придурок, не делай так больше, хорошо?

— Родненькая, — взмолился Джон, — перестань! Ты же знаешь, что ничего не изменить — я прошёл курс, через финальную серию — я уже умер. Это навсегда со мной, Люси, пожалуйста, прими как есть.

— Мило! — улынулась она. — Мой любовник — живой мертвец. Ладно, только ты меня заранее предупреждай, когда снова соберёшься... э... медитировать. А то Ники хотел тебя навестить, поиграть — вот бы он тебя увидел!

— Прости, не подумал, — смутился Джон, — ты права, конечно, предупрежу.

— Вот и умница, — устало вздохнула Люси, — сегодня больше не будешь? Точно? Ты поспи, поболей по-человечески, а мне в школу нужно.

Джон кивнул ей, и действительно почувствовал, как многократно увеличился его вес. Джонни просто впечатало в подушку, он сразу отрубился без сновидений. Люси ласково-грустно полюбовалась его мирно сопящей конопатой личностью и тихонько вышла.

* * *

Джон изо всех сил старался «болеть по-человечески». Играл с Ники в настольные игры, лопал за троих по расписанию пять раз в день, терпел уколы витаминов и прочих общеукрепляющих препаратов — господин Че-на прописал. Он, вообще, был просто сокровищем. Мало того, что постоянно запускал в производство новые порошки и добавки, он оказался одним из немногих, способных видеть Джона в призрачной форме. Мало того, ему, как учителю, чтобы говорить с ним, не требовалось входить в медитативный транс. Вот Брюс только чувствовал присутствие Джона, для общения ему нужно было медитировать. Впрочем, неудивительно — его папа совершенствовался в этом всю жизнь.

Но и от Джона многое зависело, повторялась старая история, она началась ещё в жандармском клубе. Тогда Джонни стало скучно играть в покер со сверстниками, потом и вовсе не о чем стало с ними разговаривать. За редким исключением, конечно, вот он и списал поначалу всё на своё крысиное воспитание, естественную для него замкнутость. Но ему действительно было намного интересней разговаривать со старшими, вернее, спрашивать и слушать без конца. Джон научился маленькой хитрости — обдумывал ответы и придумывал вопросы во сне, чтоб не тратить на это драгоценное время своего призрака. Вне тела он лишь впитывал информацию, слишком много сил требовало это состояние. Со стороны его жизнь выглядела не очень — Джонни только ел и спал, с очень редкими перерывами на всё остальное. «Как животное!» — фыркнула знакомая сестричка, думая, что он спит. И ничем его не обидела, ведь была, по существу, совершенно права. Господин Че-на рассказал о своих исследованиях. Так он утверждает, что «Зов» не даёт какие-либо новые возможности, он будит старые, древние способности наших предков. Те, что позволили относительно слабому, ничем не вооружённому, существу выжить и стать господствующим на планете видом.

Че-на считает, что наши предки не просто «не умели» говорить — им вообще не нужны были слова. В их коротких жизнях мысль, чувство, действие были неразрывны. Человек не нуждался в словах и символах — этих костылях формальной логики — он мгновенно просчитывал наперёд невысказанные для современных людей объёмы информации и немедленно воплощал принятые решения. И так длилось миллионы лет, пока люди не придумали мораль. Пока они не пошли вопреки природе и здравому смыслу — пока они не стали защищать слабых. Это именно слабым понадобились слова, чтобы придумать ложь, записать её и размножить — сотворить «историю человечества». Из которой следует, что люди в большинстве своём не способные ни на что слабаки, и создать и спасти их мог только Бог. Но слабаки придумали войну, экономику и проституцию с политикой, что неизбежно привело к Депрессии и Большой войне. И так вовремя появился «Зов» и попал в нужные руки — в руки потомков сильных, настоящих предков человечества. Че-на качал головой — этары думают так про себя — они ведь не видели Джонни! Ему же не хватает только хвоста и шерсти! Слабаки назвали признаки предков атавизмами — да они сами уроды, мутанты недоделанные, генетически лишённые этих признаков. И «Зов» им ничем не поможет, скорее, он для них — смерть. И, как смерть в её истинном смысле, он — надежда людского рода.

Поэтому господину Че-на совсем не кажется странным, что Джон за считанные дни достиг того, на что самому джарийцу потребовались годы тренировок. «Зов» просто разбудил то, что дремало в генах Джона и его предков десятки тысяч лет человеческой цивилизации. Джонни уже легко различает ауру любого человека, по её цвету, яркости и толщине уверенно судит о его эмоциональном и психическом состоянии, о здоровье. В

призрачном виде он может находиться почти до часу, и главное — он способен воздействовать на энергетику человека. Убивать пока не пробовал, но уже рассеивает внимание, отводит взгляды. И едва встав на ноги, Джон сам пришёл в тот дворик и первым делом от души навалял Чену. Джонни шатало от слабости, казалось, что он шутит, вызывая Брюса. Но снисходительная усмешка быстро погасла — его просто обездвижили ударом энергии в узловую точку. Чен признал старшинство Джонни, ведь он щедро делился всем, что давал ему учитель в призрачных поединках. Брюсу для этого понадобились бы годы, он пока не мог оторваться от своей физической оболочки.

И самое смешное — когда лейтенант Ха-рис пришёл похвастаться успехами, ему совсем не удалось удивить Джона, он всё видел своими глазами. Ну, не мог же он пропустить такое с его-то новыми возможностями! Впрочем, Джон всё же выразил восхищение, вполне заслуженное лейтенантом — командир был настоящим воякой по призванию, маэстро войны. Только благодаря ему, расправа над бандитами была именно расправой, избиением без накладок, задержек, «дружеского огня» и нехватки патронов. Хотя и оружие сыграло свою роль — произвело на крыс впечатление. Ну, ещё бы они остались равнодушными к работе миномётных батарей, станковых пулемётов и снайперов. В общем, дикари совсем не возражали против предложенной схемы раздела трофеев, находясь в радостном предвкушении большого похода на запад. Им достанется богатая добыча, враги будут уничтожены, и они свободно заживут в новых районах вдали от «неправильных солдат»! Лейтенант вздохнул со значением, Джон улыбнулся, — когда выходим?

— Ты с группой уже завтра, ребят подобрал? — Джонни утвердительно кивнул в ответ.

— Ваша задача — захватить живьём радиста с рацией и как угодно нейтрализовать всех представителей «той стороны», — Ха-рис горестно вздохнул, добавил, — и продержаться до подхода главных сил. Справишься?

— Так точно, господин лейтенант, — козырнул Джон.

— Блин, хреново ты ещё выглядишь! — сокрушённо проговорил лейтенант, — нельзя тебя посылать... но чего не сделаешь за такие деньги!

Джонни лишь улыбнулся — ржать командиру в рожу он уже считал неправильным.

Маленькая большая война

В рейд Джонни пошёл со старыми приятелями, Гарри, Джошем, Стивом и Тони, парни как раз восстановились после финальной серии. Дело предстояло весьма хлопотное, и других, не прошедших курс «Зова», Джон счёл обузой. Выехали с таким расчетом, чтобы к вечеру добраться до района огородников. Джип оставили ребятам на передовом посту и, не спеша, дошли до «базарного» дома. Как и в прошлый раз Джонни с добродушной улыбкой стоял в непринуждённой позе под прицелом дозорным. Постоять пришлось изрядно, видимо, крысам не сразу удалось убедить себя в том, что Джон им не мерещится. Наконец-то вышла уже знакомая парочка, Сэм неуверенно приблизился, напарник с молотилкой страховал его из дверного проёма.

— И чего тебе опять? — сказал Сэм вместо «здрассте».

— От тебя — ничего, — криво усмехнулся Джонни, — а вообще — просто пройти. За проход заплачено, или тебе не сказали?

— Ну, говорили, — нехотя буркнул Сэм, — только с тобой тогда ушли наши ребята. И не вернулись. А ты вот он!

— И чё? — прищурился Джон.

— Да так, — замялся Сэм, — может, расскажешь, что там было?

— Тебе, что ли? — удивлённо спросил Джонни.

— Вожакам. Я провожу, — просительно проговорил Сэм, — пойдёшь?

— Хорошо, нам к ним и надо, — улыбнулся Джонни, — передать плату за проход.

Сэм махнул напарнику рукой и, как прошлый раз, засунув руки в карманы и засвистев блатной мотивчик, вразвалочку пошёл по тому же маршруту. Джон с ребятами спокойно, молча, не озираясь, двинулись следом. Пришли к тому же домику, Сэм пригласил входить и, не оборачиваясь, отправился обратно. Мог бы и не провожать, Джон и без него б не заблудился. Но в чужом монастыре со своим уставом без пистолета делать нечего — ребята без тени удивления вошли внутрь. Встретили их примерно в том же составе, что и прошлый раз, только у стеночки маялся пяток амбалов. Все, кроме быков, оживлённо улыбались, у вожаков глазки горели вожделием, у «офицера» азартом. Ребят попросили присаживаться к столу, предложили курнуть, парни вежливо отказались. Джонни без слов вынул из нагрудного кармашка пакет с алым порошком. Лица вожаков заметно смягчились, и они едва не сорвались с пакетиком по делам, но один из них, всё же, смог удержать себя в руках. Двинул по протоколу:

— Джонни, с тобой ушли наши ребята. Они не вернулись, что случилось?

— Не знаю, — пожал Джон плечами, — группа тогда разделилась, у меня было своё задание. Но скоро узнаю, я как раз иду к ребятам — у них заканчиваются батареи для рации.

— Ты на обратном пути загляни к нам, хорошо? Кстати, как ты возвращался в прошлый раз?

— Через южные кварталы. Говорю же — у меня было своё задание.

— А надолго у твоих ребят хватит заряда батарей? — невзначай поинтересовался офицер.

— До завтра должно хватить, — с умным видом ответил Джон.

— Вот и замечательно! — воскликнул засланец, — как раз утром и выйдете, а переночуете у нас.

— Спасибо, — смутился Джон, — я, честно говоря, на это надеялся, но не был уверен, удобно ли.

— Удобно-удобно! — засмеялся офицер, — пойдём, парни, у меня тут довольно приличные апартаменты.

Джонни с ребятами встали и направились следом за ним, а быки двинулись следом за парнями. Пришли в хорошо сохранившийся двухэтажный домик. Офицер проводил парней в просторную, чистую комнату, предложил устраиваться за столом на лавочке, мол, сейчас принесут перекусить. А сам уселся на стул с другой стороны стола. Улыбнулся и положил руки с пистолетом в каждой, локтями на стол, дырками стволов в сторону парней.

— В школу ходили? — сказал офицер, — представьте, что вы на уроке и сложите ручки перед собой.

Парни послушно подчинились, вояка кивнул амбалам. Те приблизились, приступили к ощупыванию ребят. Джон был уверен, что офицер настроен решительно и стал бы стрелять. Поэтому он «случайно» перехватил его взгляд, захватил, глаза вояки слегка расфокусировались, зрачки зашарили по сторонам — он потерял Джонни. А тот обездвигил его точным энергетическим ударом и отобрал стволы. Ребята тем временем быстро, с одного удара, поубивали быков — не любят парни, когда их лапают, не терпят такой фамильярности.

Джон, схватив офицера за уши, припечатал его рожей к столу, положил ладонь на шейные позвонки и выключил ласковым импульсом. Бойцы шустро облазили дом, нашли кухню, там упокоили двоих буйволов, ещё один охранял конуру радиста, другой стоял у комнаты с оружием и припасами, а третий у входа. Обнаружился глубокий погреб с недавно приделанным люком. И зачем он понадобился военным? Но, тем не менее пригодился — туда их трупы и свалили. Джон привёл офицера в сознание, улыбнулся и спросил, — в школу ходил? Представь, что урок закончился — перемена, сука!

И от души врезал ему по роже.

* * *

Бойцы группы выбрали удобные позиции и взяли объект под охрану. К счастью предыдущие хозяева домика не славились гостеприимством и общительностью, и до наступления темноты в погреб пришлось сбросить тела всего троих посетителей. Да и то явно не крыс — слишком упитанных. В кухне на ещё горячей печке стояли кастрюли с готовым ужином. Ребята даже смогли поесть, по очереди сменяясь с постов. Джонни совместил ужин с допросом.

Пленный Джону не понравился — только что был готов их застрелить, но едва получил по роже, повёл себя, как старый приятель. Объяснил он это просто — наёмники легко убивают за деньги, а гибнуть за них особо не рвутся. А он именно наёмник, лейтенант Круна. Ещё больше он огорчил Джона новостями — оказалось, что война, которую ребята только хотели начать, уже идёт себе не шатко, не валко. И как всякая порядочная война имеет для своего возникновения веские причины. Главная из которых — само существование их сводного отряда.

В прочих заброшенных городах всё происходит по плану — вояки под контролем кланов, кланы привлекают гвардейцев на зачистку руин, и трудом заключенных

восстанавливается инфраструктура. В Чи-хахо же происходит какой-то бред. Мощнейший клан Та-ну не смог нагнуть вояк, солдатики самого Та-ну чуть не угробили. Солдаты не были перебиты крысами в стычках, не произошло ни одного рейда-набега крысиных стай на окружной сборный пункт, хотя кое-где даже нацгвардия умылась кровью. Вояки сами непонятным образом чистят и восстанавливают развалины. Но хуже всего то, что магистрат Та-ну лишает целые района Чи-хахао статуса мест временного ограничения прав. Без ограничения этих самых прав восстановление городского хозяйства резко удорожается и, вообще, теряет всякий смысл. Ведь главный смысл восстановления в его государственном финансировании и налоговых льготах! Кстати, одно и то же можно «восстанавливать» раз по...надцать, в зависимости от того, насколько успешно идёт зачистка.

Зачем Та-ну даёт руинам статус городских районов? Лейтенант весело заржал, — это же подстава!

Ну, не может он самостоятельно справиться с вояками, даже принял помощь от своих заклятых друзей. Так друзья наняли национальную гвардию, чтоб те устроили восстановленным районам парочку «крысиных набегов». Тогда эти районы станут зоной беспорядков и гвардии же поручат их гасить и впредь не допускать, а начальство вояк возьмут к ногтю. Солдатиков же к ногтю возьмут во время «крысиных набегов». Почему ещё не взяли? Да собрались было, но заявила группа шустрых разведчиков, дала гвардейцам как следует просрать и смылась! Начальство устроило разбор полётов с разносом и взяли паузу для подтягивания дополнительных сил. Каких? Да решили не мелочиться — не нанимать гвардейцев по одному, купили сразу целого генерала, командующего тамошним округом. Вот он и устроил для всего округа сборы на западных окраинах Чи-хахо. Гвардейцы уже собрались, блин, дня через два-три начнут. Сперва потихоньку зачистят огороды, кстати, завтра лейтенант ждёт подхода двух десятков «советников» — огородникам в спины стрелять и вожаков резать.

— А там уже пойдёт веселье! — азартно воскликнул лейтенант, забыв, кому он это рассказывает.

Джонни усмехнулся и одним неуловимым движением свернул ему шею. — Достал, мразь!

* * *

Джонни отправил Джоша отдыхать, сменив его на посту. Вообще-то, по плану он должен был медитировать — в призрачном теле лететь к Чену, сообщить, что первая часть задания выполнена, основным силам пора выдвигаться. Он даже сел на колени и закрыл глаза, но ощущение неправильности всего происходящего не отпускало дух. Будто бы некто нашёптывал Джону: «Не торопись, оглянись, подумай...» Думать в общепринятом смысле Джон отродясь не умел, его мысли текли сама, как вода — то ручейком, то водопадом, то гейзером — и как вода, всегда находили себе дорогу.

И лучшего способа, чтобы по-своему поразмыслить, чем стоять в дозоре, Джонни с детства не представлял. Вот странное дело — в дозоре он забывал обо всём, прежде всего о времени, полностью очищал сознание, в мозгу царила мёртвая тишина, и что-то при этом всё равно думалось — ведь самые ясные и простые решения появлялись сразу после вахты. Но в этот раз Джон не сразу смог правильно настроиться — из головы не желали уходить

навязчивые мысли. И он решил просто дать им выговориться, авось, уйдут, когда самим надоест.

Заводилой у банды непрошенных мыслишек был совсем уже пакостный вопрос: «Какого ж хрена тебе не жилось в родном городе, Джонни?» Он вдруг отчётливо осознал истинность простой поговорки «где родился, там и пригодился». Плох ли, хорош был его мир, главное — тот мир был родным. Он его чувствовал кожей, понимал без слов — в нём всё было разумно и логично, и там всё предрешено! Джонни был уверен, что вот сейчас шакалы убивают друзей его детства и, если не убили ещё вчера, обязательно убьют завтра. Джон мог бы остаться с ними, со своей судьбой — погибнуть по неумолимым законам большого мира. Но он, как торнадо, ворвался в жизнь «нормальных» людей. Первый хороший человек, так помогавший Джону, бармен Сэмми, застрелен Люси, его любимой. А Люси из-за нег послала службу и Родину в жопу. Он спас Чена, в результате полторы тысячи крыс-огородников и их рабов не переживут этих суток. Он создал отряд, обломал рога клану Та-ну — теперь их враги все кланы. Его отряд чистит город, защищает людей — из-за этого на людей идёт войной собственная национальная гвардия.

И даже это решаемо. Джон был уверен, что отряд с дружественными стаями зароем гвардейцев в руинах. Он даже составил в воображении набросок плана. Захватывать и чистить огороды враг, скорей всего, прикатит налегке — у них весь расчёт на «советников». Пяток грузовиков и пару-тройку бэтров — вполне достаточно. Справиться с ними хватит сил даже у его пятёрки, а по-хорошему, из засады, неожиданно, работы на пару отделений бешеных жандармов. Дальше нужно было бы лишь дать неприятелю радиосигнал о готовности, благо, радист с рацией в их руках, и организовать «размещение» прибывающих частей. Он лично с шакалами и крысиные стаи в руинах, дождавшись выхода последних гвардейцев, устроили бы проходящим в развалинах колоннам показательное избиение. А отряд тем временем реализовал бы план лейтенанта Ха-риса — мятеж в лагерях со всеми аттракционами... и артиллерия, как вишенка на торте.

— Сказочная была бы картинка! — сокрушался Джонни. — «Местоимения гвардии в руинах».

И самый смак — продажный генерал-оболтус был бы вынужден просить помощи... у их округа, то есть у него, Джонни, лейтенанта Ха-риса, вожака Джои...

И от этого придётся отказаться! Как ни горько признавать — это неправильно. Погибнут гвардейцы. Вроде бы, хрен бы с ними, но они в большинстве своём не наёмники — их призвали на сборы, как сказал эта дохлая мразь. Погибнут крысы, тоже в принципе нестрашно — они все рано или поздно гибнут. Но это естественно для них, для него же — предательство, ведь тогда он парней обманет, подставит, использует, пошлёт на смерть, как тот генерал-подонок! Главное — Джон сделает это напрасно — контракт не будет выполнен, если они разгромят гвардию. И дело не в деньгах и контракте — всю гвардию им не разгромить, от них не отстанут, пока они живут, где хотят, делают, что и как вздумается. И что Джонни остаётся? Только не придумывать себе оправданий, искать и найти верное решение — он уверенно чувствовал, что оно есть, совсем близко. Уже стемнело, на небесах вышли звёзды на неспешную прогулку, метеоры весело расчертили небосвод хулиганскими струями пунктиров. Джонни смотрел вверх, будто ждал решения от неба. Наконец-то, ему удалось обрести душевное спокойствие, сознание уютно опустело, время послушно остановилось, и прекратило своё существование...

Отстояв дозорную вахту, Джонни пришёл в комнату, поближе к койке, и с полуулыбкой

спокойного счастья опустился на колени — у него было, что сказать Чену.

* * *

Джонни немного насобачился в призрачных делах и по возвращению в тело уже мог самостоятельно залезть на кровать, а не валяться без сознания на полу, как вначале. Но он всё ещё не был достаточно опытен для длительных самостоятельных призрачных прогулок. С учителем или с господином Че-на он мог общаться долго. Вообще, оказалось, что вся жизнь — это общение, только на разных уровнях сознания и духа. И чем ниже уровень собеседника, тем больше требуется энергии. В первый раз, в метро, у Джона едва получалось шептать одно слово в течение двух-трёх секунд. И после того путешествия он на сутки выпал в коматозное состояние. А спарринг с учителем может длиться до пяти минут, совместное медитативное созерцание до часу!

С Брюсом всякий раз выходило по-разному. Иногда он сразу чувствовал присутствие Джонни и легко входил в медитативный транс. Но чаще до него было не доораться. Вот и в тот раз он даже не спал, ждал вызова. С ним за одним столом смешно тарасил глаза с недосыпу лейтенант Ха-рис. Но Брюс всё-таки молодой парень, быстро соскучился, о чём-то своём размечтался-задумался и ждал вызова, как обычный телефонный звонок. Джон перешёл к воздействию. Чен привычно налил себе в кружку кипятка, задумчиво насыпал ложечкой кофе, сливок, сахару, соли, рассеянно поперчил, рассыпав перец на столе, и, помешивая ложкой напиток, задумчиво принялся водить по столу пальцем. Отхлебнул из кружки и, не одобрив вкуса, фыркнул прямо в лицо лейтенанту. В смущении хотел было извиниться, поднял глаза на начальство и обратил внимание на вытарашенные командирские зенки и раззявленную варежку. Проследил за его взглядом и прочёл, что сам же написал на обсыпанном перцем столе: «Алё, придурок! Я тут!»

— Ой, Джонни вызывает! — всполошился Брюс, — я сейчас, господин лейтенант, я мигом!

Тут же устроился на полу на коленках, сосредоточился, прикрыв глаза, и уже через минуту докладывал командиру: «Джонни приказал отменить операцию! Утром требует к себе на огороды только вас, господин лейтенант, Карла и два отделения бешеных!»

— Приказал, значит, зараза! — змеем прошипел Ха-рис. Нет бы сказал «попросил» — режут правду-матку, не стесняясь, охламоны нестроявые!

А Джон вышел из транса, заполз на кровать и сразу отрубился. Поэтому он не слышал, что творилось той весёлой ночью. Крысы и рабочие поголовно употребляли кукси, отраву, схожую с опиатами, но гораздо слабее. Они не ломали себе по неосторожности шеи и прочие кости, «Зов» совместно с их наркотиком смыл все, ставшие наследуемыми, древние табу. В первую очередь — «порог убийства». Они вдруг поняли, как это здорово — убивать, и какого кайфа они лишали себя всю жизнь. «Зов» разбудил в них всё зверство, взбаламутил осадок, что ещё плескался на самых донцах их душ. Все обиды и унижения, часто даже неосознаваемые «цивилизованными» людьми, возопили о немедленном отмщении. И не было ни малейшего страха смерти, даже боль в ломаемых конечностях лишь веселила и озлобляла — её хотелось ещё! Люди метались с утробным рычанием, стреляли, падали, кидались друг к другу и рвали зубами. Пока Джонни отходил от путешествия вне тела, Джош, Стив, Гарри и Тони притомились отбиваться. У парней аж закончились патроны в

подсумках, под утро взялись за ножи. Ребят выручил «Зов» — им хватило выносливости не терять эффективную скорость до самого рассвета.

К утру народ угомонился, над огородами впервые за многие годы можно было разобрать звонкое пение жаворонков. Едва рассвело, пленный радист принял радиограмму: «Встречайте нас девять часов». Как раз Джонни очухался. Позавтракали, прихватили трофейное оружие, пополнили подсумки и пошли встречать гостей. Все в спасательных масках — Джон настоял на балагане. Он ещё велел разрезать простыни и наделать и прихватить с собой целую сумку пылезащитных повязок. Ребята всё проделали, не задавая вопросов — не хотели лишать себя удовольствия от интриги.

Гости прибыли на джипе и грузовике. Один в джипе с наглой, видимо, от рождения мордой грубовато потребовал позвать советника Кру-на. Джонни учтиво поздоровался и сказал, что не возьмётся здесь кого-то разыскивать, потому что...

Он ничего особенного не выдумывал — рассказал всё, как было. Что они — солдаты с восточной окраины, пришли для обмена, да заночевали тут, уже было поздно. Ночью с неба падали метеориты, один или два упали неподалёку, все побежали смотреть — вдруг там золото? А потом люди будто сошли с ума — стали друг друга убивать — у них едва хватило сил отбиться. И гости могут посмотреть всё своими глазами, только пусть наденут пылезащитные повязки, а то мало ли. Гости не стали заходить слишком далеко, им хватило ближайших окрестностей — заблевали всё, как дети, блин! Попросили Джона с его людьми оставаться на месте и больше никого не пускать. А сами укатили восвояси.

Джону казалось, что решение ему подсказали небеса, на самом деле он почерпнул его из детства — из комиксов. Многие учёные в те времена стремились популяризовать науку и писали развлекательные книги на научные темы. А группа молодых и дерзких креативщиков выпустила по ним целую серию комиксов. Один из них, о занесённом метеоритом из космоса страшном вирусе произвёл на маленького Джонни неизгладимое впечатление. Визитёры с той стороны читали не только комиксы, они читали газеты. И по газетам никакого «Великого очищения» в Этархе не было — это закрытая информация, доступная лишь спецслужбам, да непосредственным участникам тех событий. А была там «метеоритная пандемия» примерно с теми же симптомами, атака так и неизученного вируса. Кстати, правящие круги Этарха, прямо никого не обвиняя, недвусмысленно кивали на восток — там и впрямь многого достигли в Биологии. Так что Джону ничего не пришлось предполагать, умным гостям и так всё стало ясно, оттого и стартовали они аж с пробуксовкой. А до этого задумчиво поглядывали на Стива и Гарри с ручными пулемётами, да на Джоша с Тони просто с винтовками наизготовку.

В общем, Джонни совсем не удивился, когда прибывший ближе к обеду лейтенант Харис, недоверчиво глядя на него, поведал о приказе штаба округа — отряду надлежит взять под полный контроль в режиме тотальной изоляции такие-то районы — ну, зону огородов. Прибывший с ним Карл недовольно поинтересовался, ради какого хрена его отвлекают от дел.

— Знаешь командующего округом западных? — невзначай поинтересовался Джонни.

— Ну, кое-что слышал, — равнодушно ответил Карл.

— Можно узнать, откуда он командует? — не отставал Джон.

— Всё можно! — усмехнулся Карл, — только нахрена?

— Есть уникальная возможность пострелять из станкача! — радостно возвестил Джонни. — Представляешь — из станкача по генералу!

— Джонни, нет, ты не шути так, пожалуйста! — запричитал Карл, изменившись в лице.

— Дружище, какие шутки??? — воскликнул Джонни. — Мы убьём генеральскую мразь, вернее, ты порвёшь тварь из пулемёта! Ведь тебе понравилось, Карл!

— Джонни, я-то с радостью, — Карл всё ещё не был полностью уверен, — но всё-таки — нахрена???

— Иначе эта сволочь кинет на нас войной всю нацгвардию своего округа, — серьёзно ответил Джон. — И, старик, нам очень нужно поторапливаться!

* * *

Но, не смотря на всю серьёзность сказанного, Карл и не подумал бежать расстреливать генералов из пулемёта. Ему, видите ли, ещё не всё ясно! Почему только генерала? Собирались же урыть, вообще, всех его подчинённых! Почему именно этого генерала? Разве другие не могут бросить на них свои войска? И даже если именно тот генерал настолько редкая сволочь, всё равно, почему так срочно потребовалось его расстреливать? Джонни волей-неволей сбавил обороты, принялся рассказывать о допросе лейтенанта Кру-на, о том, что творилось ночью, и как Джонни подал эти события противной стороне. Главное, на что Джон обратил особое внимание, — продажному генералу нечего терять — он уже был готов послать своих людей на смерть, убивать соотечественников. В этой ситуации ему остаётся стреляться, либо нападать, не смотря ни на что. И его ничто не остановит... кроме Карла с пулемётом.

На такой эффект от своего рассказа Джонни не рассчитывал — лейтенант Ха-рис смотрел на него удивлённо и по-детски испуганно, как впервые увидел.

— Джонни, вы специально дали им эту отраву... вы знали, что с ними будет?! — проговорил он в прострации.

— Командир, мы ж в любом случае собирались их поубивать! — не оценил его чувств Карл. — Кому какая нахрен разница, как мы сделали их дохлыми???

— Но откуда вы её взяли???

— Лейтенант, — прищурился Джонни, — ты действительно хочешь об этом узнать?

— Поздно спрашивать его об этом, дружище, — печально вздохнул Карл, — он уже знает слишком много.

— О чём я знаю? — не понял Ха-рис.

— О «Зове», так называется эта отравка, — Джон опустил глаза, — всех, кто о нём узнаёт, «Зов» убивает. Ты слышал его название — ты уже обречён, командир.

— Правда? — ухмыльнулся лейтенант, — и поэтому ты решил, что можешь мне хамить, капрал?

— Извините, господин лейтенант, — машинально ответил Джонни.

— Ладно, извиню, если ты расскажешь об этом наркотике, — не переставая ухмыляться, пристал Ха-рис.

— У Цербера спросите, а нам и вправду некогда! — попытался отвертеться Джон.

— Да некуда вам торопиться! — махнул рукой командир, — вас проводят!

Повисла понятная пауза, и лейтенант, наслаждаясь эффектом, объяснил, как всё просто. Ребята ведь вели фотосъёмку в присутствии гостей? И сказали, откуда они здесь взялись? Так скоро нужно ждать официального визита — приедут брать на понт. Ха-рис пошлёт их в

штаб округа, там связываться с соседями не захотят и прикажут передать им все материалы, желательно, вместе с очевидцами. И командир всего лишь выполнит приказ — командирует в штаб западных Джонни и Карла.

— А пулемёт я вам, ребята, не дам, найдёте на месте, — деловито закрутил мысль Харис, — и пока ждём соседей, расскажите мне, что это за «Зов» такой.

* * *

Рассказывать о «Зове» Джонни доверил Карлу — самого заедала стыдобища. Во-первых, стыдно было за себя и за инструкторов — командир понятия не имел, отчего они такие шустрые, и искренне ими восхищался. Во-вторых, ему казались не заслуженными, ворованными, его способности, он считал нечестным использовать стимуляторы. И, в-третьих, Джонни знал, чем закончится разговор — лейтенант Харис пожелал пройти курс «Зова».

Причём, начать курс лейтенанту загорелось немедленно. Видеть его ставшую от внезапного счастья глуповатой ошарашенную харю больше не было сил, и они весёлой компанией отправились в «особняк». Заодно решили срочно сделать копии с кино и фотоматериалов. Вернее, попросить Пауля срочно сделать копии и печатать их постоянно и много. Тот моментально уловил идею, оценил важность этого дела и не копался — как раз получили первые копии, когда за Карлом и Джонни пришли.

Лейтенант, штабной порученец, и двое бойцов с винтовками — типа, охрана, угу. Лейтёха предъявил Харису письменный приказ, забрал под роспись пакет «со всеми» материалами и пригласил Джона и Карла в штаб. «Надо кое-где расписаться». Только в штаб ребята в тот раз не попали. Прямо у входа в него стоял бэтр, а рядом с ним группа бугаёв в шакальской форме. «Охранники» навели на парней винтовки и «передали» встречающим.

Хотя их вернее было бы назвать сопровождающими, даже попутчиками. Джон с Карлом не стали ерепениться, покладисто залезли в бэтр, и дядьки оказались незлыми — отложили оружие, с интересом разглядывая ребят. Так что, когда расселись и поехали, Карл легко развёл их на разговор. Мужикам самим было интересно, кто они такие, и почему им оказывают такие почести? Парни в красках расписали ночные события. Вернее, Карл рассказывал, а Джонни морщился — не любил он болтать с мертвецами. Шакалы, конечно, не поверили, но всё же решили, что дело тут нечисто. И посочувствовали парням — их взяли по приказу генерала Ша-ну. Приказ пришёл из Особого отдела, а он Начштаба не подчинён, только командующему. Очень редкой сволочи!

Разговор свернул на излюбленную солдатскую тему — какое паскудное им досталось начальство. Этот полный трёхзвёздочный гад отстроил себе едва ли не дворец! Завёл там девок, сам отрывается и гостей угощает. К нему с самого верху ездят... поиграть в гольф! И никто не шутит — прям за КПП от главной дороги вправо ведёт гравийка — там у него поле экстра-класса с лужайками и прочей природой с пологими насыпными холмиками! Вот оттуда он и командует в компании шлюх и высоких гостей.

— Точно за КПП направо? — уточнил Джон. Карл слегка врезал ему локтем в бок, мужики заржали. — Тебе в гольф поиграть или по бабам соскучился?!

Генерал Ша-ну был человеком твёрдых принципов и безоглядных решений. И поэтому он считал себя единственным генералом, способным привести Такию к победе. Ша-ну продался не за деньги — за место в истории. Ему предложили... вернее наконец-то благосклонно отнеслись к его назойливым предложениям собственной кандидатуры на пост командующего экспедиционным корпусом Такии на Старом континенте. Но в обмен на «решение проблемы Чи-хахо».

Хотя сам он особой проблемы не видел, даже злорадствовал, что бандюги и наёмники огребались от армии. И его совсем не тревожил вопрос, что это за армия там такая? Отчего у «обычных резервистов» столь лихо получается сношать признанных специалистов в области таких сношений? Это было для него несущественным — кто они все против него, несомненного и скорого покорителя зловещего Этарха? Генерал уже решал вопросы другого уровня — кто станет президентом Такии после его триумфальной победы? Вернее, что он будет делать, став президентом? Эти развалины, бродяги, бандиты, территории ограничения прав омерзительны — им не место в Такии. В мире для этого полно других мест, а после победы их станет ещё больше. По сути он обсуждал свою президентскую программу с партнёрами по гольфу и другим захватывающим играм... Когда без спроса и разрешения на мототележке подъехал холуй и протянул генералу трубку радиотелефона.

Это было неслыханно, невообразимо! Но это, тем не менее, было, и генерал машинально ответил на вызов. Сообщение его Начальника штаба поражало нелепостью — в руинах гвардейцы, оказывается, могут погибнуть! Там, блин, очень опасно! И на этом дурацком основании придурок требует отложить начало операции — для выяснения деталей и корректировки планов. А то, видите ли, те, кого они собирались поубивать, сами вдруг поубивались, а на их месте сидят уже другие, которых планировали убивать следом за первыми.

Генерал Ша-ну быстро запутался и просто поставил свою любимую пластинку: Что в Такии лейтенанту, чтобы честно стать генералом по выслуге, нужно прослужить не менее пятисот лет. И он, генерал Ша-ну, командующий экспедиционным корпусом, ещё не решил, кого возьмёт с собой в Джудию. Вернее, кто на Старый континент поедет с ним в штаб, а кого повезут на десантной барже! И ему плевать на каких-то там космических микробов, переносить начало операции он не будет. Наорал, в общем, на подчинённого и отключился. Немного успокоившись, генерал всё-таки вызвал начальника Особого отдела и велел тому пресечь расползание нездоровых слухов. Они могли дурно сказаться на его будущей политической карьере.

Настроение было испорчено, чёрт бы побрал подчинённых! Ша-ну пытался отвлечься игрой, рассеянно слушая реплики партнёров. Но поймал себя на том, что прислушивается к шуму, будто ждёт, когда снова раздастся урчание мототележки, уже нарушившее его душевное равновесие в этот погожий денёк. Генералу стало томно, захотелось выпить чего-нибудь бодрящего, он нажал кнопку радиовызова. Как по заказу послышалось урчание... э... немного громче обычного... э... да рычание просто! Из-за декоративного холмика выскочил бэтр, его башня плавно развернулась стволом к генералу и его гостям. Игроки в гольф заморожено уставились на стального монстра, будто увидели живого динозавра! Бэтр остановился, из дула вырвалось пламя, раздался грохот станкового пулемёта. Как во сне от

гостя генерала, главы сенатской комиссии по надзору за нравственностью в местах временного ограничения прав, отделилась рука и, медленно вращаясь, плавно отлетела в сторону. Грудь его запытела будто с размаху пробили и взломали ломом. Сам Ша-ну поймал в пузо, но боли не было — ему перебило позвоночник. Он просто вдруг упал вперёд, и прямо перед собой увидел, как одиннадцатимиллиметровая пуля разворотила его пах. Генерал не успел удивиться — его голова брызнула осколками черепа и ошмётками мозгов.

Ошибки быть не могло, шакалы уверяли, что на генеральском поле позволялось играть лишь генералу и его гостям, но непременно с самим генералом. Карл старательно крошил на фрагменты присутствующих на лужайке — Джон угадал — Карлу это действительно понравилось! Джонни, не дожидаясь, пока дружище настроеляется, послал бэтр в разворот, пора было уносить ноги. Карл, развернув башню, послал в кучу фарша крупного помола прощальную очередь, Джон дал газу. В темпе покинули генеральские владения, проломившись через ограждения из колючей проволоки. Джонни сбавил скорость и спокойно направил машину к главной дороге, а там, просто следуя указателям, поехал в заброшенные кварталы. На выезде их даже не пытались остановить — бэтры, вообще, ещё не угоняли, а чтоб угнать броневик в развалины, и представить такое никто не смог. Джон прибавил ходу — им за сегодняшний день ещё многое предстояло успеть.

* * *

Курьер доставил в штаб опечатанный пакет, его с нетерпением ждали. Восточные ожидаемо легко прогнулись, не ломаясь, сдали материалы и очевидцев — никому не хотелось портить отношения с генералом Ша-ну. По слухам, ходящим в штабных кругах, его назначение командующим экспедиционным корпусом — уже решённый вопрос. Наконец-то плёнку зарядили в кинопроектор, опустили шторы, офицеры штаба приступили к просмотру.

Немой любительский фильм имел оглушительный успех — натурально, штабисты смотрели его, как контуженные. Мечущиеся тени, чёрточки трассеров, всполохи прожекторов, вспышки взрывов гранат, странно шевелящиеся клубки тел. Эти люди не могли быть здоровыми душевно. Допустим, нормальный человек ещё может в состоянии аффекта, по-настоящему, зубами, перегрызть ближнему своему глотку. Но на экране было отчётливо видно, как один тесаком вскрыл другому грудную клетку, вырвал рёбра, с них текло... Вырвал сердце и начал его жрать! Точно псих, такое никакими нервами не объяснишь. В фильме и кроме этой хватало волнительных сцен, но самое сильное впечатление произвели финальные титры: «Чи-хахо, 25. 09. 3017 г. эры Нова. Копия $\underline{=}$ 3.»

— Какая копия??? Да они что? Совсем охренели??? — воскликнул майор-планировщик, имея ввиду штаб округа восточных.

— Гм. Это было бы очень некстати. — Начальник штаба, не поддавшись эмоциям. Задумчиво пожевав губами, он обратился к начальнику Особого отдела. — Полковник, вам что-нибудь об этом известно?

— Насколько они там охренели? — улыбнулся особист. — Не могу судить, но я велел доставить к нам очевидцев... э... инцидента для допроса и вообще... Мне сообщили, что двое арестованных уже в пути... до сих пор... уже четыре часа!!!

— Генерал, звоните командующему, — посоветовал начальник оперативного отдела, — нужно отложить операцию...

— Я уже получил массу удовольствия от обсуждения этой темы с командующим, — скривился Начштаба.

— Звоните, генерал, — только командующий сможет надавить на соседей, — вкрадчиво посоветовал особист.

Начштаба застыл, глядя перед собой, снова пожевал губами и, вздохнув, решительно снял трубку с аппарата закрытой связи.

— Здравствуйте, Генри, ещё раз... да, это опять я... увы, крайняя необходимость... Генри, возможно вы правы, и вам снова дадут по роже, но если вы сейчас же не сообщите генералу о моём вызове, он вас потом пристрелит... нет, не шучу... хорошо, жду.

Офицеры весело переглянулись — характер и повадки генерала Ша-ну давно стали темой штабного фольклора.

— Да, Генри... Что??? Вы уверены, это точно он? Ах, вы судите по ключьям его одежды... а по-другому больше никак не удостовериться? Ага, рядом разбросаны кусочки его гостей, голову сенатора легко узнать по рыжей шевелюре! Спасибо, Генри... Что вам делать? Служить в армии, конечно, не забыл ещё, в какой части числишься? Вот и беги, дружок, коли жизнь дорога!

Начальник штаба положил трубку на рычаги, обвёл замерших штабистов взглядом — они уже о чём-то догадывались, но пока не могли поверить.

— Господа, в связи с гибелью генерала Ша-ну, я вынужден взять командование округом на себя. Начальник Особого отдела, приказываю приступить к расследованию гибели генерала.

— Так точно.

— Приказываю закончить сборы национальной гвардии — приступить к сворачиванию всех служб, подготовить доклад об итогах учений, личный состав немедленно вывезти и распустить. Господа, постарайтесь сделать так, чтобы утром ни одного гвардейца не оставалось в радиусе сто километров. И чтоб ни один из них не увидел ни кадра из этого фильма. Надеюсь, это объяснять не нужно?

— Никак нет, господин генерал, — дружно ответили офицеры, вставая. Дождавшись, когда штабисты уйдут по неотложным делам, Начальник штаба снова взялся за телефон.

— Алё! Майора Шо-на, пожалуйста... Алё, Чарли, привет, дружище! Извини, что отвлекаю... да, нормально у меня со здоровьем, и с головой тоже порядок... Ты стоя разговариваешь? Лучше присядь... Ну, я тебя предупредил. Генерала Ша-ну застрелили... говорил же присядь! Точно... из пулемёта, судя по описанию тела, из станкача... нет, сам ещё не видел, но почему-то совсем не удивлён... ах, ты тоже! Какое совпадение! Чарли, ты когда вот с ними связывался, вообще, чем думал?... ладно, решай свои вопросы, главное — про меня не забудь... Хорошо, я на тебя надеюсь, давай до связи.

* * *

В это время Джон вырубил на территорию огородов. Ребята привели шакалов в сознание. Джонни и Карл, в сущности, не были злыми парнями, мужиков не убивали, только вырубали. Гвардейцы с интересом любовались новыми для себя видами, но лишних эмоций не проявляли — смирно сидели под стволами винтовок бешеных жандармов. Но, судя по рожам, дядьки заметили и оценили валяющиеся там и сям тела. В «особняке» им дали

фотографии и несколько бобин с фильмом Тони и поехали дальше.

Мужики в пути так увлеклись фотками, что не сразу сообразили, куда их привезли. Карлу лишь с третьего раза удалось им объяснить, что они вот только что прибыли к зданию штаба за арестованными. Так как никаких арестованных они не дождались, забрали свои винтовки и поехали обратно... показывать гвардейцам фильм и рассказывать, что случилось в развалинах.

Шакалы, наконец-то, понятливо закивали и, не больше не теряя времени, рванули до места дислокации. Им стало очень важно успеть к прайм-тайму — народ должен всё узнать!

Через два дня в кабинете господина Та-ну задумчиво молчали двое — сам Та-ну и майор Чарли. Каждый размышлял о своём, но, в общем, об одном — о Джонни. И запах этих мыслей не мог перебить даже аромат дорогого виски. Оба деятеля собирались подставить, использовать лопухого с максимальной для себя пользой. Разведке Джудии был нужен не просто верный союзник — ей захотелось послушного союзника и ручного командующего союзной армией. Майор Чарли был прекрасно осведомлён о свойствах «Зова» и не сомневался, что банда конопатого Джонни поставит в мёртвом Чи-хахо корпус Ша-ну в колено-локтевую позицию. Вот тогда бы Чарли смог спасти придурка, просто договорившись с Джоном. А получили? Ключья придурка на поле для гольфа и жуткий цейтнот — придётся Джудии договариваться с любым новым командующим экспедиционным корпусом, ведь правительство его величества непрестанно подгоняло союзников с его назначением. И если сейчас начать придирается к кандидатурам, такойцы могут в очередной раз отложить начало переброски войск, а добиться этой переброски — главная на сегодня задача Джудии.

Господин Та-ну о «Зове» имел смутные представления, поэтому просто хотел уничтожить отряд Джонни — любой ценой. Хотя сам платить, вообще, не собирался. Он даже не допускал мысли, что ему придётся заплатить конопатому ещё два миллиона — господин Та-ну никак не мог успокоиться от расставания с первым лямом! Тогда потеря одного миллиона за избавление от конопатого бедствия показалась ему оправданной, и Чарли легко уговорил Та-ну посулить Джону эти грёбаные деньги! Тогда Та-ну был уверен, что, как только Джонни исчезнет, клан легко восстановит численность, вернёт контроль над военными и вновь займётся мёртвым Чи-хахо, и он легко договорится с конкурентами. А в результате???

Оба деятеля потягивали старый скотч, оценивая новые для себя ощущения — как в анекдоте про близость с балериной. В тот момент, когда к закрученному в причудливой позе партнёру приходит осознание, что она уже четверть часа на кухне кофе варит, а он сам себя... Только в отличие от героя анекдота, им предстояло поблагодарить за полученное удовольствие и умолять о продолжении!

У разведки Джудии не было ручного командующего, который бы перебрасывал войска по требованию союзников, — они никак не могли заставить Джона воевать за Джудию. Им оставалось лишь уговаривать его деньгами и широкими возможностями. Чарли был прекрасно осведомлён о «Великом очищении» и о «Метеоритной пандемии» Этарха — он знал, насколько Джонни и его отряд защищены страхом перед неизвестным вирусом. А власти, будто им заплатили, работают на эту истерию — зажимают рты бульварным журналюгам, делают из них героев, и всё тупо отрицают. Чарли не отчаивался — его служба использует любые обстоятельства и выходит из самых трудных положений — он уже наметил некоторые направления, по которым с Джоном можно было бы договориться. И ладно, что ему, майору, резиденту, приходится уговаривать капрала. Чарли не чувствовал привычной уверенности, куража, превосходства над оппонентом.

Он поймал внимательный взгляд Та-ну — вот кому было совсем просто! Ему всего лишь предстояло продолжать ту же игру в благородного разбойника — на самом деле оживлять город и защищать людей. А ещё заплатить два миллиона лопухому засранцу и воевать со

всеми кланами! Чарли не смог сдержать ехидной улыбки. Та-ну грустно улыбнулся в ответ.

— Знаешь, — он печально заговорил, — Джонни... бесит меня не потому, что он убил моего сына — я б его сам убил рано или поздно. Он меня злит тем, что мой сын... мой сын, Чарли, должен быть как Джонни! И Джон такой... каким я мечтал быть... оставаться в молодости — я ж не всю жизнь был боссом клана. И вспоминая себя тогдашнего, я скажу тебе — Джону можно верить, если не пытаться его обманывать.

Закурлыкал селектор, Та-ну нажал клавишу.

— Он прибыл, босс, — пропела секретарша.

— Приглашай!

Спустя две минуты в кабинет вошёл непривычно серьёзный, даже суровый Джон.

— Господа, здравствуйте. Мы выполнили свою часть контракта, — заявил он с порога. — Теперь ваша очередь. Ночью напали на дом моего друга, убили семью его хороших знакомых. Кроме того напали на наш КПП и на строящийся терминал. Ранены полицейские и мои бойцы. Мне нужны скальпы тех, кто это сделал и тех, кто за ними стоит.

— Считайте, что они уже на вашем ремне, молодой человек! — улыбнулся Чарли, начало разговора его обнадеживало. — Но... это грустно, конечно, однако, что же вас настолько разозлило? Надеюсь, не мы?

— Что вы! — воскликнул Джон, — просто личные неурядицы.

И он совсем не соврал — Люси снова закатила ему истерику из-за ерунды. Она, видите ли, беременная! Ну, с кем не бывает? И «Зов» ничем не повредит малышу — в Этархе же бабы как-то рожают!

Больше книг на сайте — Knigolub.net